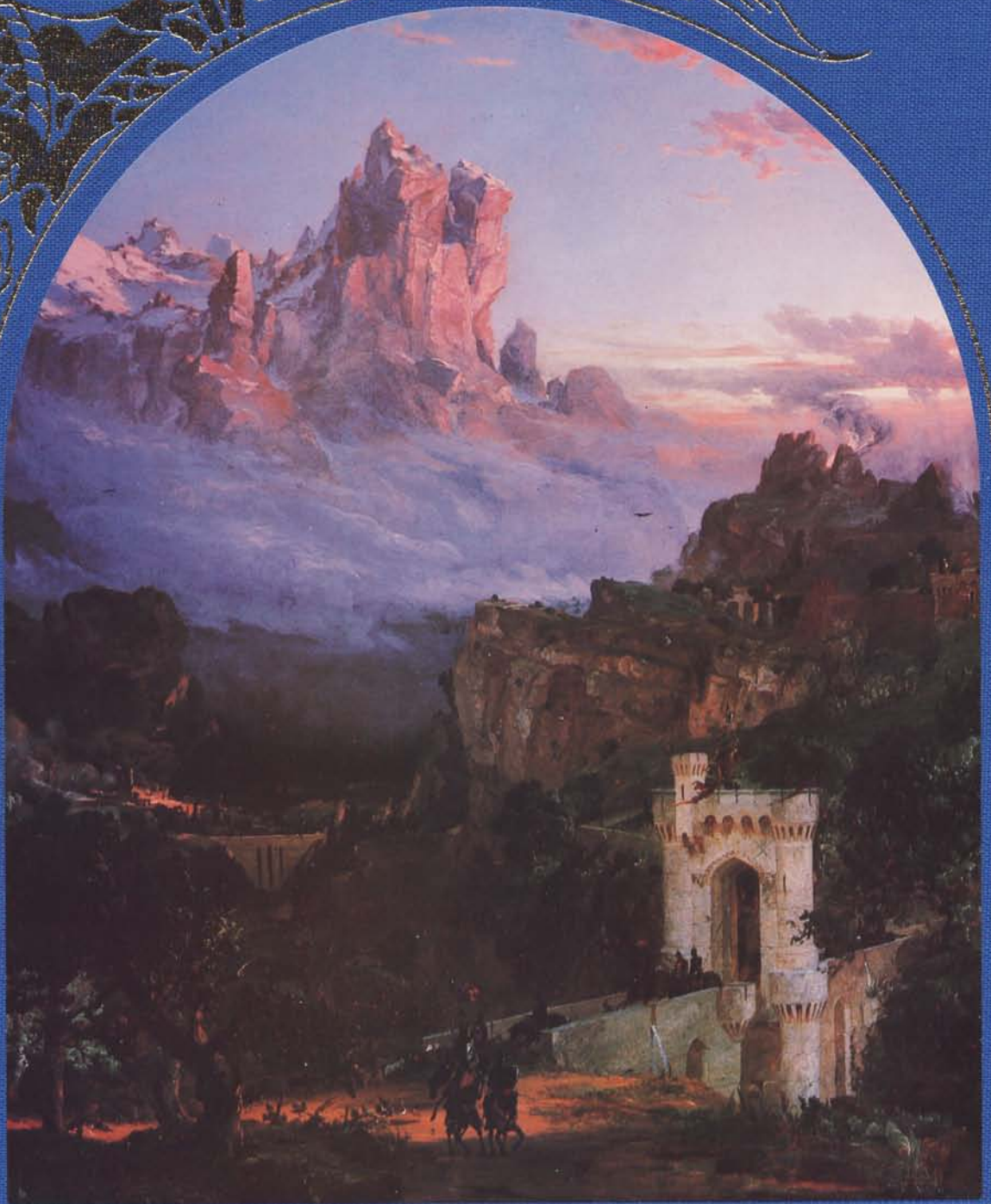
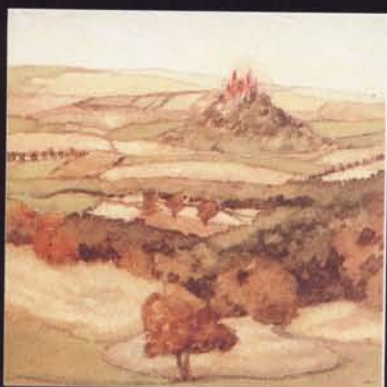

ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

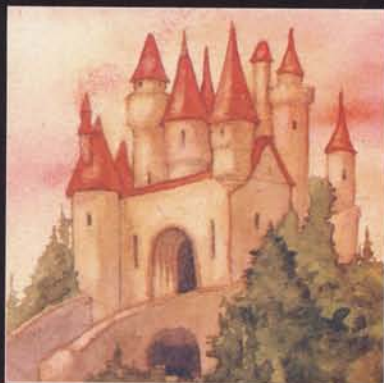

ВОЛШЕБНЫЕ СТРАНЫ

Зачарованный мир
ВОЛШЕБНЫЕ СТРАНЫ

Содержание

Глава первая

ВОЛШЕБНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ • 7

Зачарованные острова • 32

Глава вторая

ЦАРСТВА ВЕЧНОЙ НОЧИ • 49

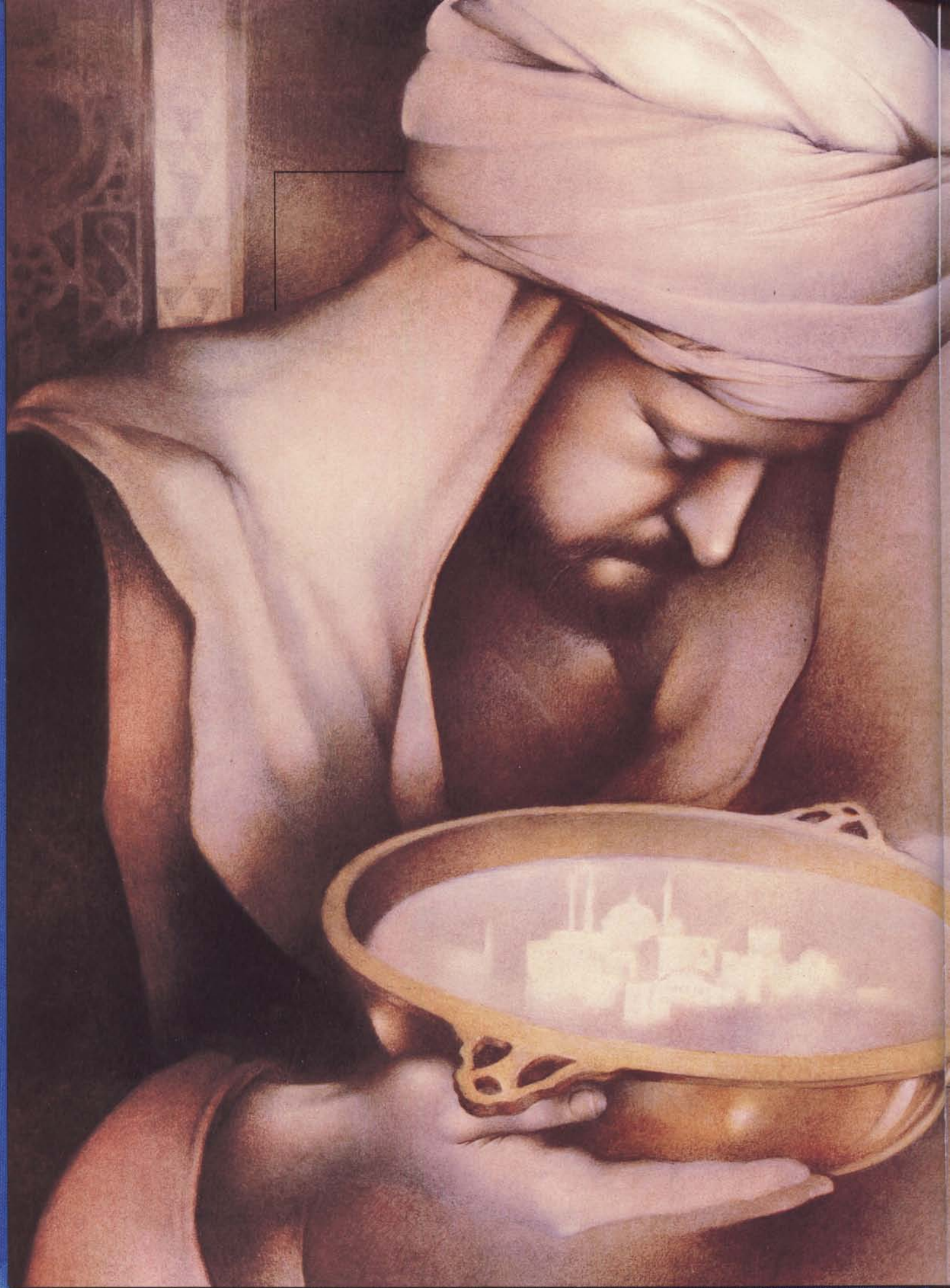
Бросая вызов мраку • 77

Глава третья

РАЗДЕЛЕНИЕ МИРОВ • 91

Хозяйка фонтана • 121

«Терра»
Москва

ВОЛШЕБНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Нелегко приходилось путнику в те дни, когда земля была юной и не возделанной. Земли, исполненные волшебства, видимые и невидимые, таились в долинах, глубинах моря и даже в белоснежных полях облаков. У них не было четких границ. Поворот дороги, океанская волна, подножие радуги — все могло привести ни о чем не подозревающего путешественника в волшебный мир. Никто не мог знать, в какой момент пересечешь невидимую черту, отделяющую наш безопасный мир от мира иного, где ты — лишь гость, где все, что составляет твою жизнь здесь, не имеет никакого значения.

Даже тихая вода в чаше может открыть путь в неведомое. Так говорит арабская сказка.

Жил некогда юный правитель, достаточно владетельный, чтобы зваться Султаном. Богато его племя было быстроногими сытыми скакунами — гордостью арабов, а также верблюдами, козами и рабами. Дворец Султана стоял высоко в горах, поднимавшихся над пустыней Руб-аль-Хали (по-арабски это значит «Пустая четверть») и был полон коврами, серебряными сосудами и шкатулками из бронзы и слоновой кости. Султан был умелым воином и

ученым человеком. Он мог по солнцу определить время и выбрать путь по расположению звезд на ночном небосводе.

Человек практический, Султан не слишком жаловал занимательные истории. И поэтому он как-то позволил себе рассмеяться, когда благочестивый старейшина племени поведал легенду о пророке Мухаммеде, который, как говорят, на спине Аль-Бурака — чудища с головой женщины, телом мула и павлиньим хвостом — проскакал все семь небесных сфер и предстал перед престолом Господним. А путь этот, по легенде, занял не больше, чем десятую часть ночи.

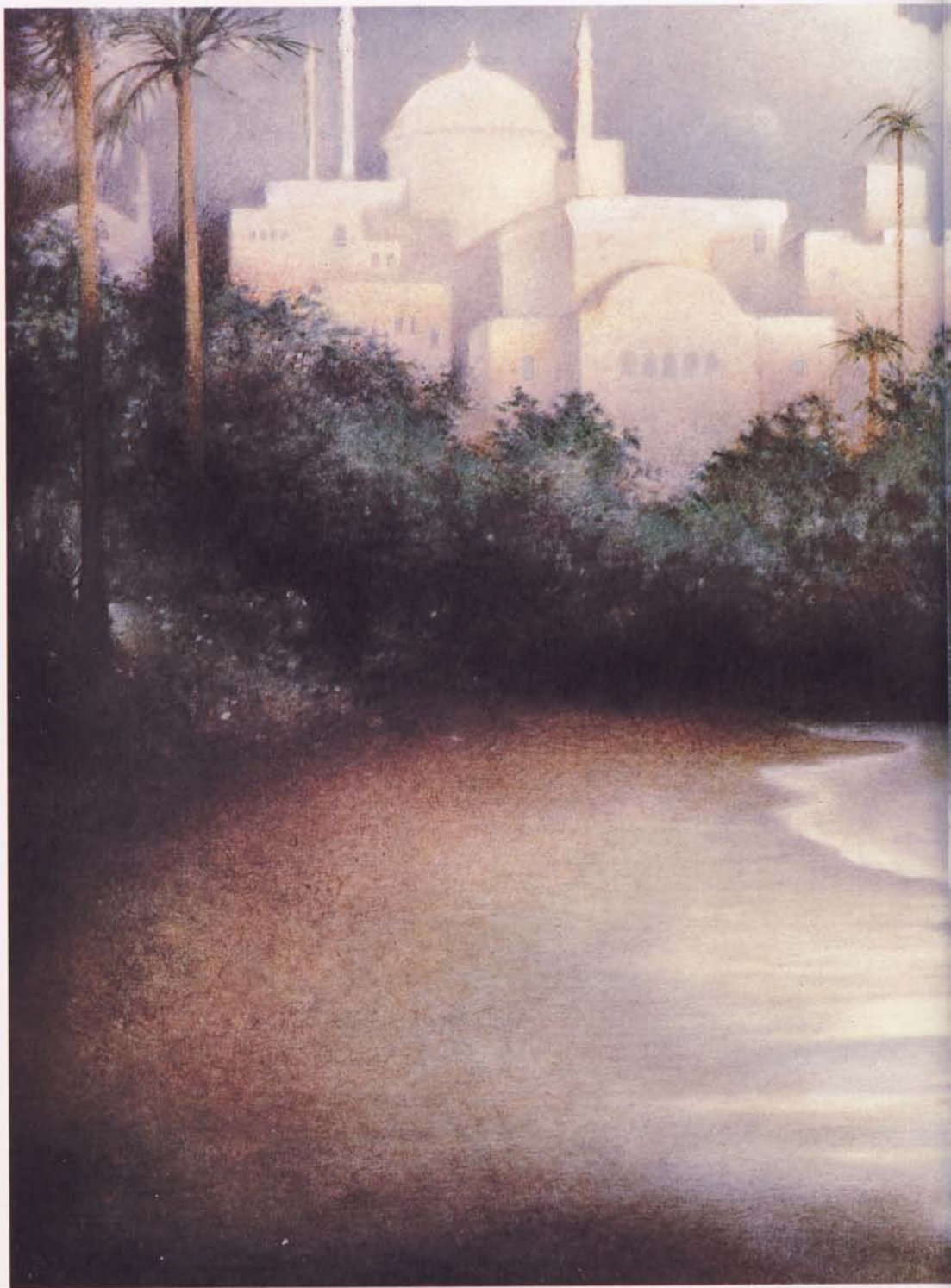
Когда Султан засмеялся, воцарилась тишина. Ведь смех этот был святотатственным. Однако старец-сказитель остался невозмутим.

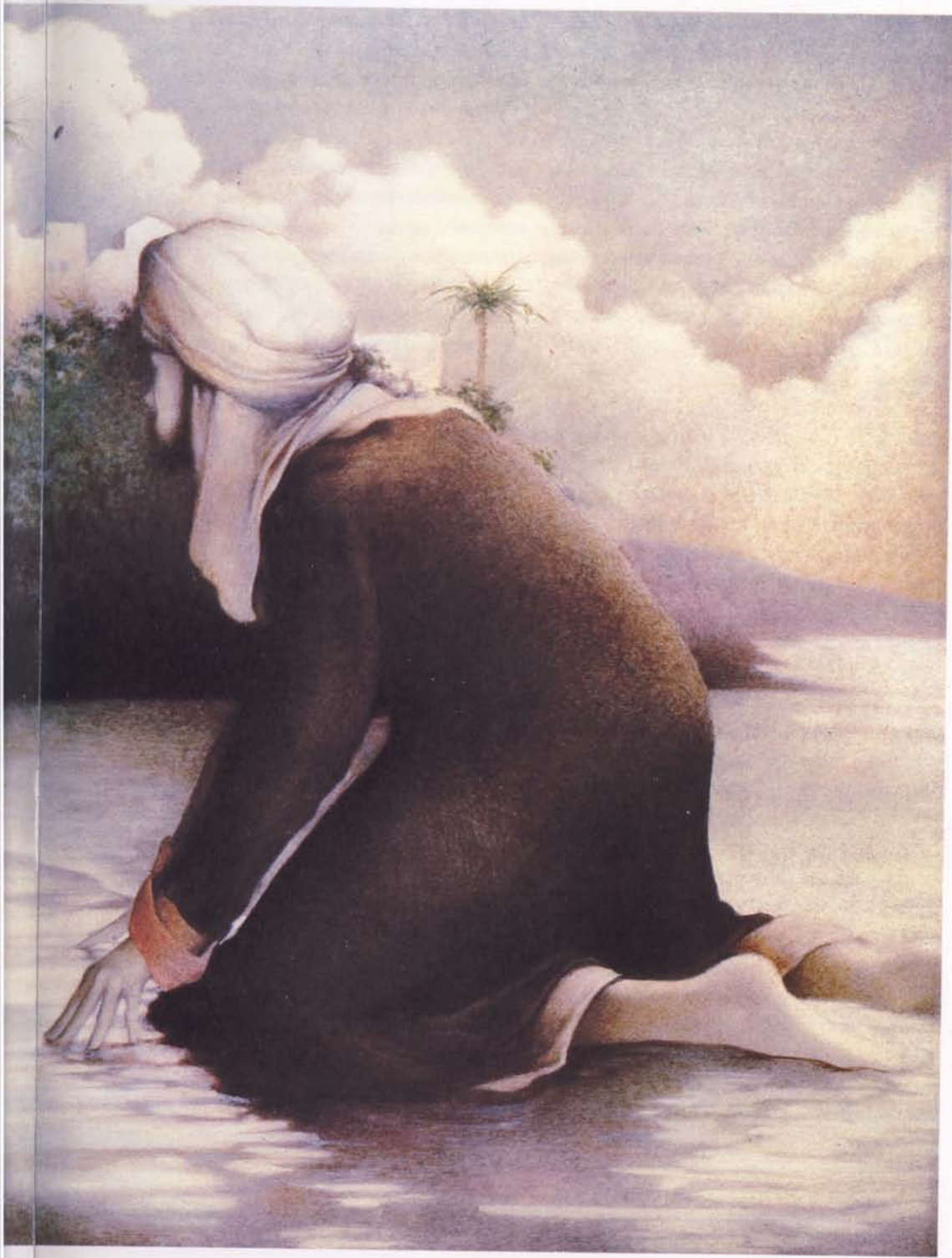
— Господин, — сказал он, — не хотите ли вы узнать, сколь быстро может путешествовать смертный?

Развеселившись, вождь кивнул в знак согласия. Старец поднялся с ковра, на котором сидел, налил воды в золотую чашу и что-то прошептал над ней. Затем он протянул чашу вождю.

Султан смотрел в воду, но не видел ровно ничего, кроме блеска золота. Он склонился ниже. Призрачные тени яви-

Никому не ведомо, где открываются врата в иные миры. Однажды Султан заглянул в золотую чашу с прозрачной водой, а когда поднял голову, очутился на незнакомом берегу на пороге новой жизни.

лись в золотой глубине, крошечный город возник из воды — не крепость на скале, как его собственная неприступная твердыня, а белоснежный, залитый солнцем город, украшенный высокими куполами и изящными стройными башнями, окаймленный зелеными пальмами. Ласковое море омывало его. Султан глаз не мог отвести и наклонился еще ниже, чтобы рассмотреть город, и лицо его коснулось прохладной воды.

И в тот же миг она захватила его. Все глубже погружался он, и страшная ревущая тьма смыкалась над ним. Он боролся, медленно, как во сне, прорываясь сквозь водоворот и чувствуя на губах вкус соли. Внезапно вода отпустила его — так же быстро, как и захватила. Голова вырвалась на поверхность, ноги снова ощутили твердь. Отдышавшись, Султан протер глаза.

Волны доходили ему до груди. Он стоял в том самом ласковом море, что увидел в чаше. Перед ним был песчаный, окруженный зеленью пляж, а за деревьями вздымались к облакам белые стены города. Воздух был теплым и спокойным.

Султан выбрался на берег, случайный гость в чужой стране. И все же его ждали. Под сенью пальм стояла красивая молодая женщина, белокожая и темноголазая. Несколько мгновений она строго смотрела на пришельца. Потом улыбнулась.

— Ты — человек, вышедший из моря, — сказала она. — Мне было предсказано, что сегодня ты придешь ко мне, чтобы стать моим мужем. Я — дочь золотых дел мастера, — с этими словами она протянула ему руку, и как только он коснулся

ее, все воспоминания о прежней жизни начали блекнуть, пока не превратились в тусклые образы — такие же смутные, как картины полузабытого детства.

Дочь золотых дел мастера повела его в город, очень похожий на те, что он видел в соседних странах в своем собственном мире. Пыльные финиковые пальмы росли вдоль грязных улиц, а за пальмами виднелись высокие гладкие стены, скрывающие бурную жизнь от посторонних глаз.

— Как называется эта страна, госпожа? — спросил Султан, который уже не был Султаном.

— Просто — Страна, — ответила она.

— У нее нет названия?

— Ей не нужно названия.

— Кто предсказал, что сегодня я выйду из моря?

— Моя мать, — сказала она, удивленно взглянув на него. — Наши мужья всегда выходят из моря и возвращаются в море, когда умирают. Наши матери говорят нам, когда придет день.

Султан подумал о людях, которые, как он слышал, необъяснимо исчезли, не оставив никаких предупреждений. Он ничего не сказал — что тут было говорить.

Дочь золотых дел мастера остановилась у высоких деревянных ворот и позвонила в колокольчик. Ворота тут же отворились, и они вошли в заросший пышной растительностью двор, тенистый и прохладный. В центре выложенного мозаикой двора играли струи фонтана, а у фонтана стоял сам золотых дел мастер, высокий мужчина в тонких белых одеждах. Он сердечно приветствовал Султана, хотя слова его и звучали как часть ритуала:

— Добро пожаловать, мой сын из моря!

Так арабский вождь вошел в семью в неизвестном мире. Он принял этот жребий как фаталист, и жребий этот оказался не слишком тяжек. Дочь золотых дел мастера была красивой и нежной, сам мастер был богат и выстроил для дочери и зятя просторные покои, выходящие в сад.

Султан женился на дочери золотых дел мастера по обычаям этой страны. Он освоил ремесло своего тестя. Плавильный тигель, наковальня и резец заменили ему копье и меч, к которым он привык с юности.

Он был счастлив здесь. Через год жена подарила ему дочь, такую же темноглазую, как и она сама, а когда девочка научилась ходить, родилась еще одна. Год спустя жена родила в третий раз, но ребенок умер, а роды погубили мать.

После похорон, когда рыдания стихли, как-то после полудня, когда дочери, предоставленные заботам нянек, успокоились, молодой вдовец в одиночестве стоял во дворе, охваченный скорбью и онемевший от горя. Скрипнула ступенька, он поднял глаза и встретил взгляд своего тестя.

— Ворота остаются открытыми, о сын моря, — сказал золотых дел мастер.

Султан понял, что, по обычаю, он должен покончить с собой. Он уныло кивнул, потом вышел за ворота и побрел по пыльным улицам. Никто не встретился ему и не сказал ни слова. Миновав прибрежные пальмы, он пересек раскаленный пляж и вошел в гостеприимное море. Намочив одежды, оно затягивало его все глубже, пока волны не

сомкнулись над головой. Тогда он взглянул вверх, чтобы увидеть свет в последний раз.

Как только он сделал это, его глазам предстал не блеск воды, а каменные стены крепости, знакомые с юности, точно такие же, как и много лет назад. Даже квадраты солнца на полу были те же. В руках он держал золотую чашу. Взглянув поверх чаши, Султан увидел старца.

— Долго ли ты путешествовал, господин? — спросил тот.

— Долгие годы...

— Только мгновение между двумя вздохами, — сказал старец. — Пророк знал, что есть места, где время течет иначе, совсем не в том ритме, что задают нам восходы и закаты нашего солнца.

Султан так и не смог понять, в какую страну он попал сквозь воду в золотой чаше. Он больше не нашел дорогу туда и не узнал судьбу своих детей. Ему открылось лишь то, что иной мир существует. Мир, где царят другие правила и законы и где ему было позволено стать только случайным гостем. С ним остались лишь воспоминания и тоска, которая никогда не покидала его.

Некогда путешествия вроде того, что пережил он, не были редкостью. Множество сказаний повествует о людях, проникших сквозь границы своего мира в земли, которые большинству и не снились. И столь же многие легенды говорят о вторжении существ иных миров в наш собственный, издавна принадлежащий людям. Истории эти сообщают о многих опасностях. Проходы между мирами зыбки и непостоянны, их стерегут стра-

жи, наводящие ужас на смертных. И еще сказания эти всегда печальны: древние земли быстро исчезают, врата между ними и новым миром, где правит человек, захлопываются одни за другими. Но, невзирая на все опасности, странники искали зачарованные миры где только могли. И многие столетия те земли казались доступными, манящими миражами мерцающая у самого горизонта, ускользающие, но готовые открыться...

Мореходы и жители побережий рассказывали о чудесных островах. С сицилийского берега Мессинского пролива иной раз виднелись дворцы Фата Морга. Шведы говорили о железной скале, поднимавшейся из моря перед сильными бурями и приводящей с ними огромные косяки рыбы. Говорили, что скала служит пристанищем морскому чудовищу, которое топит корабли. Шотландцы рассказывали о Хетер-Блетер, укрытом туманами острове близ Оркнейского архипелага, где правят люди-тюлени — оборотни, принимающие то облик тюленя, то человеческий вид, похитители девушек, которым уже никогда не удастся вернуться к людям.

Самые таинственные и волшебные воды омывают западное побережье Ирландии. Власть древнего бога морей Маннана Мак Лера столь сильна здесь, что даже в христианские времена люди видели, как он гарцует на своем волшебном коне в пене морской. Много тайн хранили морские владения Маннана. Там на плавучих островах стояли стеклянные замки и росли деревья с золотыми яблоками на ветвях. Были и земли, где обитали великаны и чудовища, которых не смог бы описать ни один смертный. Иногда с этих островов на земли, населенные людьми, приходили феи, чтобы забрать с собой смертных.

Так пели ирландцы о Кондле Прекрасном, сыне Конда Ста Битв, чье сердце неизвестно почему похитила фея. В тот день, когда она пришла за ним, Кондла со своими воинами был на берегу. И по ее знаку он без слов оставил свой дом и народ. Он вышел в море в хрустальном челне и, преодолевая волны, направился на запад, по дорожке расплавленного золота, что пролило на морскую гладь заходящее солнце. И блеск этот поглотил его, и нигде в подлунном мире никогда больше его не видели и ничего не слышали о нем.

Прекрасными и зловещими были острова Маннана и их обитатели. Ирландцы стремились к прекрасному и бросали вызов злу. Так повествуют ирландские *immrama* — саги странствий. В своих крошечных куррахах — суденышках из кож, натянутых на каркас их прутьев, — морские бродяги плыли на запад, прямо на заходящее солнце. Люди пропадали на год, два и более, а те, кто возвращались, рассказывали о чудесах.

Одно из таких сказаний повествует об острове Хай-Бресайл, чей ускользающий облик многие столетия зачаровывал моряков. Остров этот, видимый иногда с высокого мыса Киллибела на западном побережье Ирландии, по словам странствующего монаха Джеральда Уэльского, был призрачным и обманывал тех, кто искал его, исчезая в волнах. К острову можно было пристать, считал Джеральд, если морякам удавалось воткнуть горящую стрелу в его землю. Огонь, писал монах, разрушает заклятие, поскольку огонь — «священнейший из элементов, свидетельствующий о тайнах небесных».

Ирландцы рассказывали об островах в океане — иногда видимых, иногда призрачных. Высадившись на одном из таких островов, известном под именем Хай-Бресайл, моряки обнаружили, что их сторожевые костры вызывают демонов.

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ БОГОВ

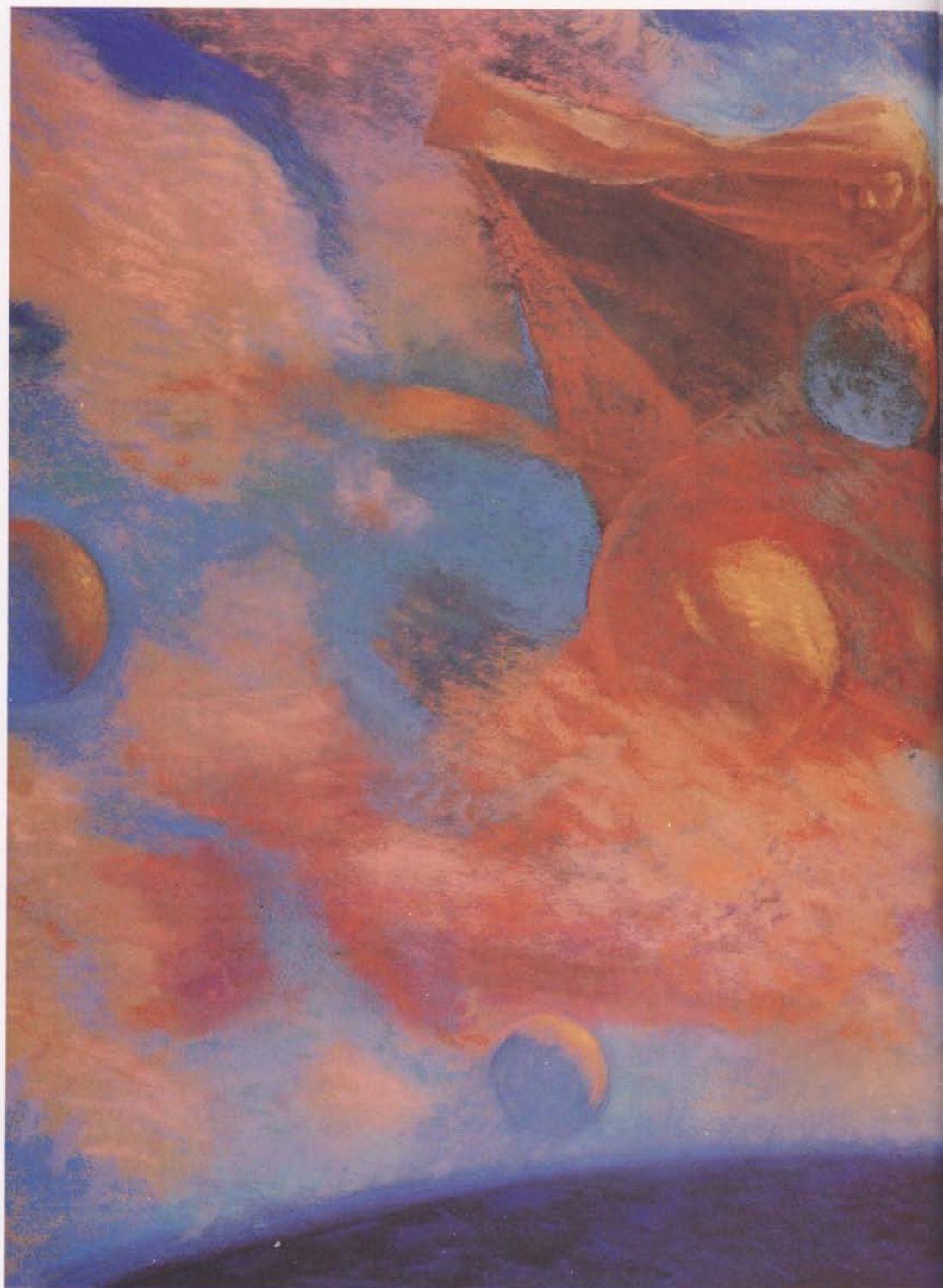
Среди смертных, оставлявших наш мир, были и те, что бывали на небесах и беседовали с богами. Одним из них был Хеддинг, знатный датчанин.

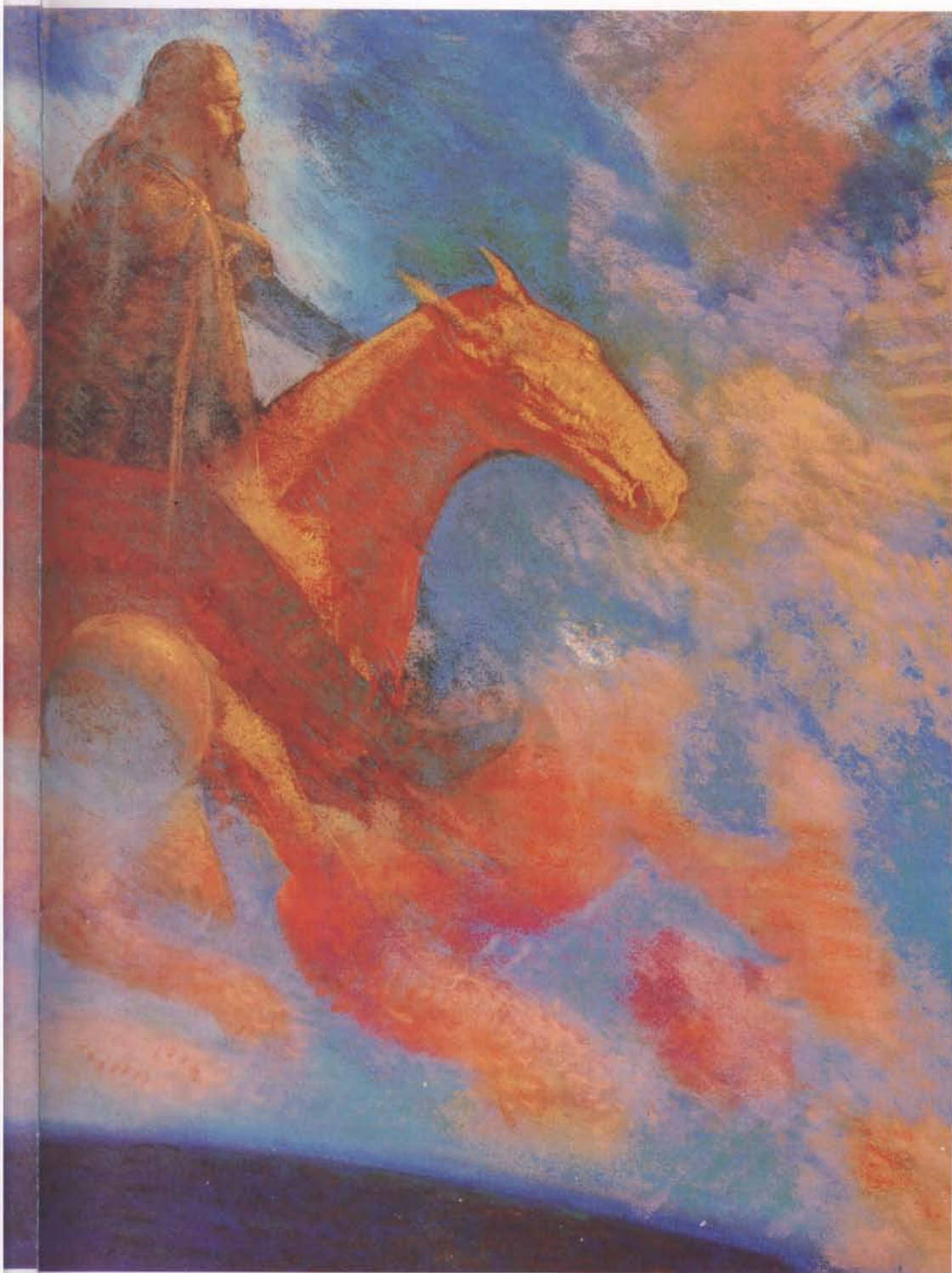
Жизнь Хеддинга началась непросто. Норвежский властелин убил его отца и захватил трон. Сородичи отправили Хеддинга в Швецию. Там он был в безопасности, овладевая военным искусством. А когда Хеддинг подрос, он вернулся в Данию, чтобы отомстить за смерть отца.

Но Хеддинг был еще слишком молод, и затея провалилась. Его ранили. Казалось, все дело было проиграно. Но в этот миг на помощь ему пришел морской бродяга. Он взял беспмятного Хеддинга в свой дом. Здесь, в высоких хоробах под соломенной крышей, наследник датского престола исцелился от ран. Когда Хеддинг набрался сил, моряк предсказал ему победу в битве со львом. После чего, сказал одноглазый, надлежит напиться львиной крови, чтобы впитать ее силу и победить. Потом он усадил Хеддинга за собой на коня, укрыл плащом и во тьме помчал его на родину.

События развивались так, как и было предсказано. Хеддинг получил силу льва. Воины последовали за ним. Он убил захватчика, освободил Данию и по праву занял престол.

Он знал, почему судьба благосклонна к нему. По пути в Данию он выглянул из-под плаща. Вокруг были облака, а далеко внизу — свинцовое бурное море. Асгард, страна небесных богов, дала ему приют. А благодетелем его стал одноглазый Один, праотец людей севера.

Многие мореходы видели Хай-Бресайл издалека, и лишь один, по имени Кирван, утверждал, что ступал на его землю. Однажды зимой он, промышляя сельдь, заблудился в тумане. Купеческий шлюп подобрал его в море, но, в свою очередь, заблудился в слепящей мгле и лег в дрейф. Наконец корабль бросил якорь у незнакомого берега. Туман рассеялся, клочья его уплыли и взору открылись пологие холмы, на которых паслись овцы и коровы.

У берега стоял замок, больше похожий на каменную сторожевую башню. Моряки позвали его обитателей, но не услышали ни слова в ответ. Крепость стояла в молчании, неприступная и явно покинутая.

Близилась ночь, и люди разбили лагерь на тихом берегу. Они разложили припасы, соорудили костер. Но в тот момент, когда выбили искру, чтобы разжечь огонь, хаос вырвался наружу. В небе вспыхнуло сияние, из-под земли выросли призраки. Тени подступали к людям, своим кружась в безумной пляске. Охваченные ужасом, Кирван и его спутники вернулись на корабль, и оттуда смотрели на призрачное пламя, танцующее вокруг замка и по всему острову.

На рассвете все успокоилось. И когда первые лучи солнца озарили камни башни, в ней появилась дверь. Оттуда вышел старик. Он глядел на корабль у берега и размахивал руками. Оружия у него не было. Капитан шлюпа послал Кирвана и нескольких матросов на берег.

Старик, к которому присоединились и другие старцы, вежливо приветствовал их и сказал, что они спасли его остров, которому долгое время суждено было оставаться невидимым из-за чар, насланных на него врагом. Моряки принесли на ост-

ров огонь и тем самым разрушили чары, связывавшие его обитателей.

Много лет спустя, уже состарившись, Кирван показывал монеты, которые тогда дал ему старик. Золотые и серебряные, они стерлись настолько, что никто не мог бы их распознать. Но кто был тот старик и что за враг зачаровал остров — Кирван сказать не мог. Моряки были последними из людей, ступавших на Хай-Бресайл. Когда они отплыли домой, остров снова спрятался в облаках тумана и, как это свойственно волшебным царствам, лишь на мгновения приоткрывал свой лик.

С толь странная неуловимость свойственна многим зачарованным землям. Шли столетия, и от рассказов о них сохранялись большей частью лишь отрывочные сказания.

Из двенадцатого века со слов английского монаха Уильяма Мальмсбери дошел до нас такой случай. Уильям был знаком с одним французским клириком. Когда тот путешествовал по Италии, ему показывали гору, где, по рассказам крестьян, были спрятаны сокровища императора Октавиана — наследника Юлия Цезаря. Из любопытства монах и его спутники поднялись на гору и вошли в пещеру, которую обнаружили возле вершины. Они пошли по извилистому проходу, постепенно превратившемуся в дорогу, вымощенную человеческими костями. Дорога заканчивалась у большого подземного озера, черного, как ночь. Через него был перекинут мост из сияющей меди.

На противоположной стороне мост сторожили две статуи рыцарей из золота, на золотых конях. Люди ступили на мост. Тотчас же ближний его край по-

грузился в темную воду, дальний взлет к потолку пещеры, и раскатистый звук огромного гонга заполнил все вокруг. Монахи убежали, унося с собой только серебряный кубок, который кто-то подобрал на дороге среди костей.

На следующий день они вернулись и увидели, что у сокровища появились еще стражи: скрученные, с обугленными телами и огненными глазами, они шипели и рычали у входа в пещеру, стремясь вонзить в незваных гостей жадные клыки. Демоны, решили монахи, и навсегда оставили это место.

Этот короткий рассказ — все, что мы знаем о подземных владениях Октавиана. Он немногим отличается от рассказов о других владыках и воинах, спящих в глубине пещер вместе со своими спутниками — спящих до тех пор, пока народ снова не призовет их.

Немцы рассказывают об императоре Священной Римской империи и крестоносце Фридрихе Барбароссе, живущем в известняковой пещере у лесистого хребта Кюффаузер. За многие столетия рыжая борода, из-за которой Фридрих получил свое прозвище, проросла сквозь каменный стол, за которым сидит император.

Ирландский герой Финн Мак Кумал запечатан в пещере вместе со своими воинами. И когда рог по имени Дорд Фианн трижды призовет его, он проснется и вернет славу Ирландии. Так гласит предсказание.

В Уэльсе, в Глэморганшире, есть несколько пещер. Считают, что там скрываются до времени король Артур и его рыцари. А возле Кардиганшира, под ореховым деревом на пустоши, есть каменная лестница. Ступени ее ведут глубоко

под землю, в обширную пещеру, где среди золота и своих воинов спит Овейн Логох, Красная Рука, зажав в руке меч древних бриттских королей. Многие считают, что этот выдающийся воин — один из защитников Британии от нашествия саксов — восстанет ото сна, чтобы вновь повести за собой народ.

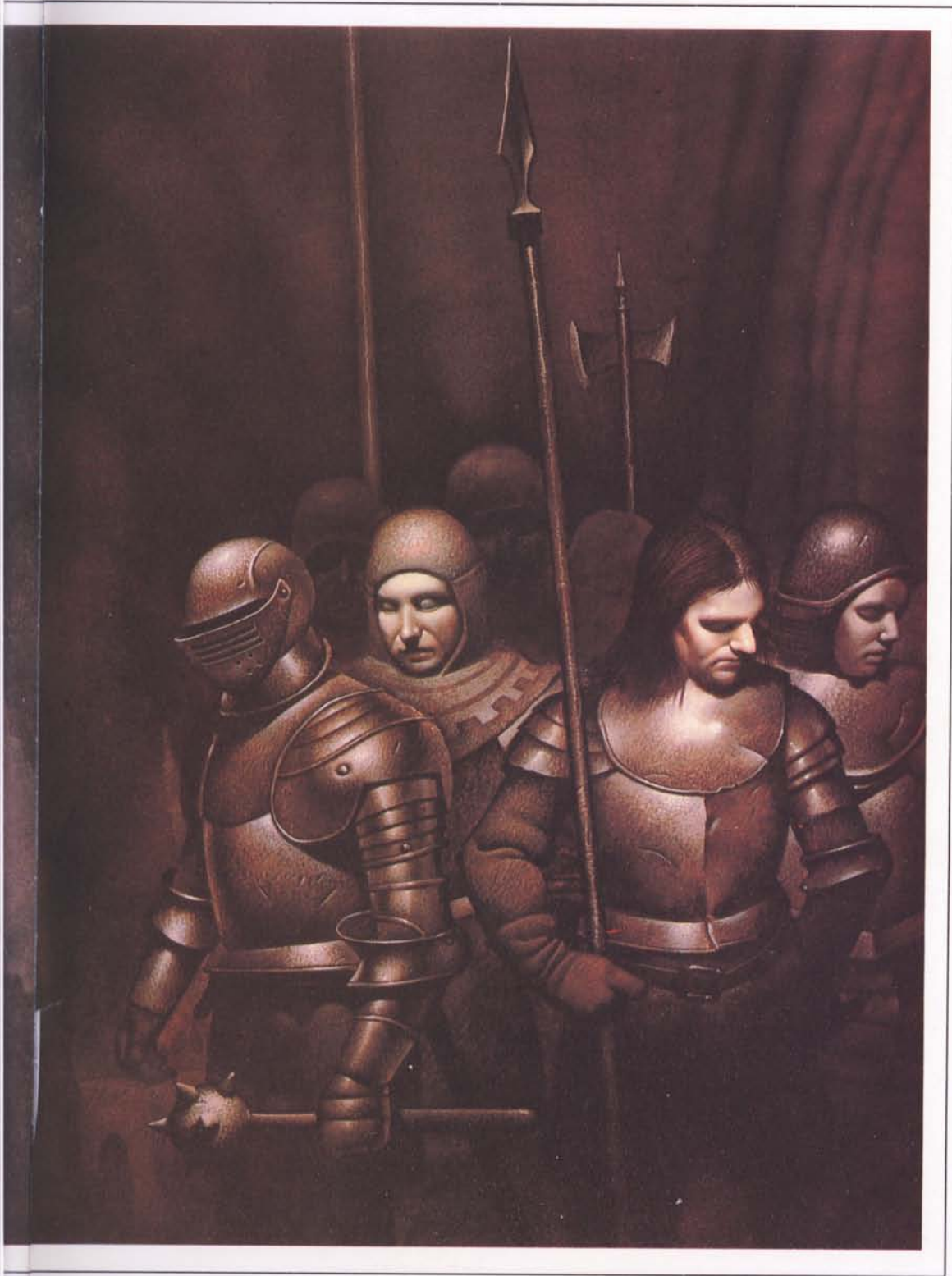
Легенды говорят, что эти зачарованные места иной раз открывались крестьянам или бродячим кузнецам, случайно ступавшим на них. Бывало, нечаянные гости едва не будили древних. Голос из тьмы спрашивал: «Пришло ли время?», и ужаснувшийся человек отвечал: «Спи спокойно, время еще не пришло», снова погружая в сон могучий призрак.

Но рассказы о героях, спящих в заклетах пещерах, достаточно туманны, чтобы доверять им. Они похожи на истории о потерянных царствах — таких, как Лионнес, королевство на самой оконечности Корнуолла, некогда поглощенное морем. Только горные вершины — острова Силли — остались на поверхности, да ветреными ночами из-под волн слышится колокольный звон. Такие рассказы часто кажутся обычными домыслами. Люди всегда пытались как-то объяснить таинственные явления, населяя пещеры подобными себе существами и давая человеческие имена голосам воды.

Голоса эти были реальны, и жизнь, которая дышит в камне, — тоже реальна. Но она вовсе не человеческая. Это скорее последний вздох племен куда более древних, чем род человеческий.

В старину люди знали это. В Греции и в Северных странах рассказывали о временах, когда старые боги еще ходили по земле. Эти боги, говорили сказители, без

*В недрах гор Англии, Ирландии, Уэльса и Германии спят древние воины.
Столетиями длится их сон, пока народ не призовет их на подмогу.*

колебаний вмешивались в дела человеческие. Иногда они брали людей в свое заоблачное царство и показывали им всякие чудеса — парящие в синеве неба золотые дворцы и крылатых коней.

В Ирландии рассказывали о Туата Де Дананн — племенах богини Дану, древнем, царственном и воинственном народе. Иногда их называли старыми богами, иногда — фейри. Туата исчезли из Ирландии, когда там поселились смертные. Но древние боги не умерли. Они просто отступили. Их владениями стали глубины морей и земные недра. Врата, ведущие в их царства, открываются в некоторых зеленых пологих холмах.

За этими холмами тайный, изменчивый мир Туата живет. Здесь заколдованные сокровища, здесь действует старая магия, перед которой не устоять смертным. Другое солнце светит здесь и другое время, отличное от человеческого, отсчитывает дни этого мира.

Туата были народом оборотней. Они могли принимать облик красивых стройных мужчин и женщин, но, если хотели, могли проникать в земли смертных под видом лебедей или воронов, в облике ветра, ручья или морской волны. Их отношения с людьми были такими же изменчивыми и непостоянными, как и они сами — смесь благоволения и враждебности. Считалось, что Туата хранили плодородие полей. В давние времена они иной раз даже сочетались браком со смертными, так что в жилах некоторых ирландских родов течет кровь фейри. И все же это было племя первобытной силы, и оно могло сдерживать яростные атаки всех, посягавших на его владения.

Чтобы защититься от магии Туата, ирландцы окружили себя правилами, ох-

ранительными словами и определениями. Весь образ их жизни служил стеной от разрушительной мощи их предшественников на этой земле. Но всю жизнь нельзя подчинить правилам, и не все ирландцы желали следовать законам, которые обеспечивали безопасность. Об этом рассказывает сага о Нера.

Нера служил Меб, королеве-воительнице из Коннахта, и ее мужу Айлилю. История эта началась в канун Самайна, ночи, что в землях кельтов разделяет зиму и лето. Самайн, как и рассвет, сумерки, полночь и конец года, считался промежуточным временем, когда необъяснимые силы вторгаются в мир. В ночь Самайна благоразумные люди сидели дома — ведь известно, что эта ночь принадлежит мертвецам, а воины Туата свободно бродят по земле.

Но некоторые люди бросали вызов тьме, и одним из них оказался Нера. Король Айлиль, распорядившись празднованием Самайна, сидел в своем ярко освещенном зале. Вглядевшись в ряды пирующих, он сказал, что тот из них, у кого достанет храбрости обвязать ивовый прут вокруг щиколотки висельника, что болтается на дереве за стенами замка, получит из рук короля украшенный золотом меч. Нера принял вызов.

Нера вышел из замка, миновал стражников у ворот и пошел по раскисшей дороге, ведущей с холма Круахан, на котором высился замок. Лишь легкий ветерок, шевеливший сухие листья деревьев, да звук собственных шагов слышал Нера по пути к дереву, на котором висел казненный накануне преступник. Никто так и не

снял его. Кто из добрых людей тронет мертвеца в канун Самайна?

Но Нера тронул. Похолодев, дрожащими руками он обвязал прут вокруг окоченевшей ноги. Как только он сделал это, над его головой раздался неживой глухой голос:

— Отнеси меня к воде. Меня мучит жажда, когда я умираю.

Коснувшись мертвеца в ночи мертвых, Нера оказался в его власти. Молча он снял труп с дерева и взвалил его на спину. Ледяные руки обвили его шею, хриплый сдавленный шепот проселестел в ухо:

— Вперед.

И Нера, пошатываясь, зашагал по дороге к крестьянским хижинам. Поскольку сейчас он был лишь орудием мертвеца, он стал видеть то, что видел мертвец, то, что недоступно человеческому взгляду. Первую хижину, к которой он подошел со своей ношей, окружало от злых сил огненное озеро. А другую кольцо воды. Жители этих домов разбросали вокруг мусор и оставили огонь в очагах, чтобы показать, что здесь нет приюта мертвым. Таков был обычай здешних мест. Третья хижина была темна, и вокруг не было никаких оберегов. В нее Нера и вошел. Мертвец слез с его спины, пополз по земляному полу и осушил кувшин, стоявший в очаге. Напившись, он утер губы, а потом вдруг плюнул этой водой на крестьянина и его жену, мирно спавших в постели. Жизнь оставила их, и они умерли на месте.

— Пусть это научит тебя соблюдать обычаи, — сказал мертвец, злобно сверкнув глазами. — Отнеси меня обратно к виселице. Я тебе кое-что покажу.

Так Нера и сделал: отнес труп к виселице и снова подвесил его. Потом на-

правился к замку, и увидел, что крепость сожжена. Лишь черный дым курился над высокими башнями на валу. Ворота были распахнуты, огонь лизал столбы и перекладины. Сквозь пламя Нера разглядел бегущих воинов. На поясах у них болтались отрезанные головы его товарищей. А у подножия холма во внезапно открывшуюся пещеру устремился отряд всадников.

Не раздумывая, Нера последовал за ними. Он подбежал ко входу в пещеру и вступил во тьму, даже не оглянувшись на крепость, пылавшую за спиной. Едва перевел он дух, как снова пришлось ему собрать все свое мужество: земля позади сомкнулась. Перед ним были лишь следы всадников, уходившие в безмолвие.

Выхода не было, и Нера по узкому проходу направился в глубь холма. Ему казалось, что он шел многие часы в слабом свете, исходившем от каменных стен. Наконец проход совсем сузился и закончился у каменной лестницы, ведущей к проделанной в скале арке.

Здесь Нера остановился. Перед ним, на сколько хватало глаз, расстился неведомый мир. Над головой было розоватое небо, усыпанное бледными незнакомыми звездами. Их серебристый свет лился на тучные поля и сады. Казалось, это была страна вечного лета. Среди полей высился дворец, ничуть не походивший на круглые деревянные замки Айлиля и других королей Ирландии. Стройные башни возвышались над стенами из полированного камня, ловившими и удерживавшими звездные лучи, а из окон золотыми потоками струился

ЗАТОНУВШИЙ ГОРОД КЕР-ИС

Не все потаенные царства принадлежали некогда к владениям фейри. Иногда чары действовали и в мире людей. В Арморике, одной из областей Бретани, был некогда город Кер-Ис. Могучие дамбы защищали его от подступающего моря, но и они не спасли его от заклятия.

Правил в этом богатом городе король Градлон. У него была прекрасная дочь Ахес. Король очень ее любил и не видел скрытого в ней зла.

Предметом страсти Ахес были юноши. Одного за другим совращала она, а после слуги душили ее любовников и сбрасывали тела в овраг на окраине города.

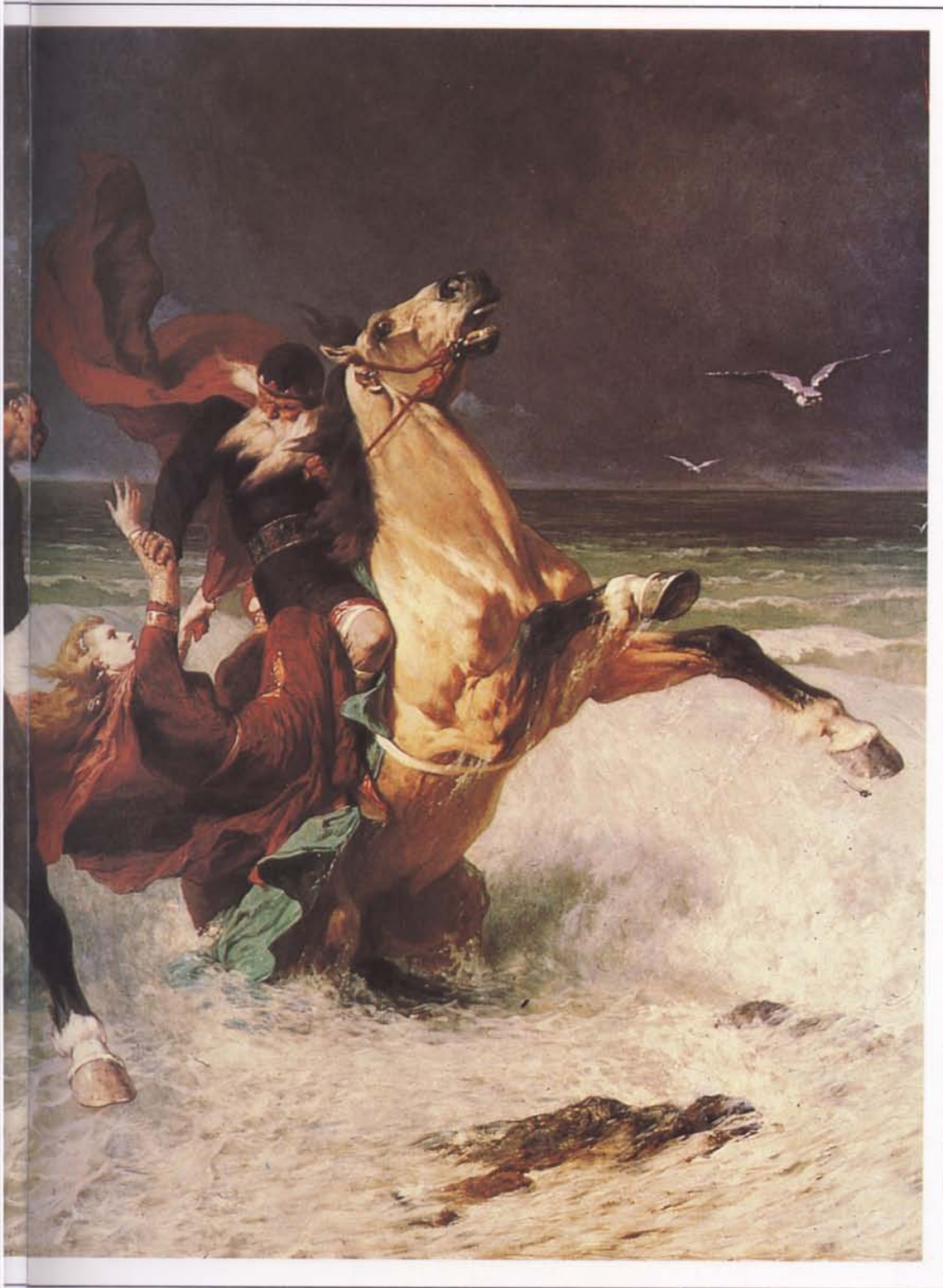
Лишь один человек подозревал Ахес. Это был Гвенноле, советник короля. Но он ничем не мог доказать вину принцессы и не смел заговорить об этом с правителем.

В конце концов язык ему развязало страшное бедствие. Однажды бледный юноша отворил шлюзы в дамбах. Его явно заколдовала Ахес. Море ворвалось в Кер-Ис. Бурные потоки неслись по улицам, врываются в дома. Из своего дворца Градлон видел, что происходит. Он выбежал во двор, вскочил на коня, усадил Ахес с собой в седло и помчался прочь от подступающей воды. Гвенноле скакал позади. И все же вода настигла их. Кони боролись с волнами, но уступали прибою. Тогда Гвенноле сказал:

— Сбрось дьяволицу, что вцепилась в твое седло!

Услышав эти слова, Ахес издала шипящий вопль и бросилась в волны. И тут же вода перестала прибывать. Правитель и советник обернулись, чтобы взглянуть на город. Он лежал под водой — и там ему суждено было остаться. Бретонцы говорят, что Кер-Ис не погиб совсем, может выйти на поверхность, если будет произнесено верное заклинание. А еще они считают, что Ахес по-прежнему обитает в этих местах в виде морского духа, и ее прекрасные песни приводят моряков к гибели у берегов Бретани.

Врата во владения фейри обычно открывались в особые дни года. Когда ирландский воин Нера прикоснулся в канун Самайна к повешенному, мертвецу заговорил и показал ему путь, ведущий из мира людей.

свет. Вдали, на окружавших поля и сады холмах, серебрились другие замки.

Нера почувствовал на своем плече железную хватку. Он обернулся и увидел высокого воина в шлеме и кожаных доспехах, с обнаженным мечом. Кивком головы воин велел Нере идти вперед, и Нера подчинился. Так он попал во дворец.

Никто не причинил ему зла. Во дворце было многолюдно, но воинов, что унесли с собой головы его товарищей, Нера не увидел. Люди роились вокруг, появляясь и исчезая, словно светляки летней ночью. Лишь рыжеволосый король в алых одеждах казался реальным существом, а не видением. Король встретил Неру милостиво — разве мог король Туата страшиться одного-единственного смертного? Он передал Неру под присмотр одной женщины-фейри и велел ему каждый день приносить ей охапку дров.

Не следовало королю так поступать.

Женщина эта жила в лесу в белом домике. Была она белокожая и стройная, как и большинство женщин-туата. Волосы ее серебрились, как лунный свет, а глаза были цвета зимнего моря. Она вспыхнула, когда Неру привели к ней — ведь, несмотря на то что Нера был безоружен, вел он себя с достоинством и выглядел как воин. А еще он был красивым и мужественным.

Ночью женщина-фейри и человек полюбили друг друга. Нера оставался в белом домике еще один день и еще одну ночь. На третью ночь женщина спросила его, как он попал в королевство, и он поведал ей о сгоревшем замке Айлиля и о пещере, открывшейся в Круахане.

Женщина поразмыслила немного, потом взъерошила его волосы и рассмеялась.

— Иногда смертным даются видения, — сказала она. — Пожара еще не было. Король возьмет замок только через год, если, конечно, ты не остановишь его.

— Как же мне его остановить?

— Я скажу тебе, что делать, если ты поклянешься вернуться ко мне и к своему ребенку, которого я выношу.

Нера дал ей клятву, и она открыла ему, что он должен вернуться в свой мир и предупредить об опасности.

— Как же я вернусь? Я здесь уже три дня, а пещера закрылась.

— Ты пробыл здесь лишь мгновение. В замке Айлиля воины все еще сидят у пиршественных котлов, празднуя Самайн.

— Но как же я докажу что говорю правду?

— Возьми с собой плоды лета — дикий чеснок, примулу и папоротник. В следующий Самайн, когда пещера развернется снова, пусть Айлиль со своими воинами нападет на королевство, и пусть не тронут лишь меня и нашего ребенка. А чтобы у короля не было сил противиться Айлилю, пусть прежде захватят сокровище, которое охраняет эти земли — золотую корону, что лежит на дне колодца во дворе королевского замка. Слепец да хромой стерегут ее. Каждый день слепой страж носит на спине хромого к колодцу, чтобы удостовериться, на месте ли сокровище. Их-то и должны убить воины Айлиля.

Потом женщина отвела Неру к колодцу, чтобы он убедился в правдивости ее слов, а вслед за тем — к арке, что

У Неры было видение: захватчики обращают в факел замок его вождя. И он последовал за воинами во врата, открывшиеся в холме, и вошел в мир древних.

впустила Неру в ее страну. А еще *напомнила ему о клятве.*

Все вышло так, как она сказала. Минул год, и в канун Самайна, когда открылись врата царства Туата, Айлиль и его воины уже ждали. Они ворвались в мир под холмом, захватили корону и вернулись, прежде, чем пещера в Круахане закрылась. Нера был вместе с ними, но остался внутри, вместе с женщиной и ребенком. Товарищи больше никогда не видели его.

Таково было царство фейри, скрытое от людских глаз.

О Круаханской же пещере существует множество сказаний. Рассказывают, что она открывалась, выпуская в мир хищных птиц, терзавших и уносивших людей и скот; однажды из нее вышел волк-оборотень, воровавший овец... Но никто больше не входил в пещеру и не спускался по каменным ступеням в летнюю страну Туата.

Хотя со временем Туата становились все более неуловимыми, еще многие столетия люди встречали их. Потаенная жизнь фейри продолжалась, и даже в дни своего упадка Туата оставались прекрасными и непостижимо переменчивыми в своем отношении к смертным. Они были то врагами, то союзниками. Страх перед ними отступал по мере того, как уменьшалась их власть, но ни один человек не мог бы сказать, что понимает их, даже те, кто был взят в мир Туата.

А потомки племени Неры проникали в разные края мира фейри еще многие столетия с тех пор, как Нера исчез в недрах Круахана, хотя приводили их туда совершенно другие обстоятельства. Этими смельчаками были фении, чье светлое братство во главе с Финном Мак Кумалом хранило королей Ирландии.

Случилось однажды, что *четырнадцать* фениев исчезли, пытаясь обуздать волшебного коня. Конь вырос до огромных размеров и унес их всех, усакав с пастбищ фениев в океан, мелькая над волнами, покуда не пропал из виду. А так как фении приносили друг другу клятву, то отправились на выручку в ладье, обтянутой кожей. Под командованием Финна они уходили все дальше в море вслед за конем.

Лишь через несколько дней они увидели землю. Прямо из пенистых гребней вырос остров — высокие источенные морем утесы, оглашаемые криками птиц. Фении закрепили свою ладью в скалистом гроте, и Диармайд, сын Донна (О'Дуйвне), храбрейший и самый славный из них, отправился на разведку.

Диармайд взбирался по отвесной скале, цепляясь за выступы в скользком камне и отбиваясь от морских птиц, защищавших свои гнезда. Возбравшись на вершину, он глянул вниз. У подножия скалы на волнах, словно игрушечный, плясал их челн. Он едва разглядел обращенные к небу лица своих товарищей. Диармайд знаком показал им, что с ним все в порядке и отправился в глубь острова.

Волшебная страна расстилалась перед ним — зеленая равнина с редкими деревьями. Среди лугов одиноко стояло могучее дерево с раскидистыми ветвями. К нему-то и направился Диармайд. Каменные плиты возвышались у змееподобных корней, а у подножия одного из камней бил ключ с такой чистой водой, что казалось, она лучится светом. Рядом висел

Настоящее чудо открылось Нере в мире, что лежал под холмом: золотая корона в колоде, хранящая волшебное царство.

золотой рог для питья. Диармайд взял его, наполнил водой и поднес к губам.

Но прежде чем он успел сделать глоток, кто-то выбил рог у него из рук. Диармайд обернулся и оказался лицом к лицу с могучим седобородым великаном, поднявшим широкий меч. Диармайд тут же обнажил свой меч. Они яростно сражались весь день, до тех пор, пока тени деревьев не стали длинными, а воздух — тихим и спокойным. Но как только настали сумерки, с последними лучами солнца воин в золотом шлеме исчез. Диармайд остался один, и всю ночь он не смыкал глаз.

На следующий день битва началась вновь. Противник появился так же внезапно и так же быстро исчез с наступлением темноты. Лишь в третий вечер Диармайд перехитрил его. Едва в вечернем небе зажглась первая звезда, как Диармайд отбросил свой меч, кинулся к противнику и обхватил его за туловище.

И отправился вместе с седобородым в другой мир: вместе с Диармайдом, вцепившимся в него, воин прыгнул в колодезь. Вода сомкнулась над их головами. Они погружались все глубже и глубже, и свет померк в глазах у ирландца.

Когда Диармайд пришел в себя, рядом никого не было. Он лежал на лесной опушке, а в отдалении стояли под солнечным небом башни золотого города. Седобородый воин исчез, но Диармайда ждали новые враги. Целый отряд вырвался из леса, и в боевых кличах воинов звучала сама смерть. Диармайд встретил их с одним лишь охотничьим ножом, но даже такое оружие делало его грозным противником. Он двигался стремительно, как кошка, и вот уже

один враг повержен, другой упал, потом третий... Охваченный боевой яростью, Диармайд плясал среди них, кружился, выбирая цель смертельного удара. Последний воин пал — но прежде успел сбить Диармайда с ног. И снова сомкнулась тьма.

Тихий голос пробудил его. Человек, одетый в шелка, склонился над Диармайдом. Глаза его светились добротой.

— Восстань, смертный, и иди со мной, — сказал он. — Я отведу тебя туда, где исцелят твои раны, ибо великое дело сотворил ты сегодня для моих соплеменников.

Он повел Диармайда в сияющий город, и Диармайд нашел там своих товарищей — и тех, с которыми отправился в плавание, и тех, что исчезли в морских волнах, оседлав волшебного коня. Все они, рассказал старец, попали сюда, в Подморье, чтобы помочь Племенам богини Дану справиться с врагами, одолеть которых те без помощи людей не могли. И все смертные воины сражались так же храбро, как Диармайд.

Но что это были за враги и из-за чего разгорелась война, сказание умалчивает. Ясно лишь, что Диармайд и фении помогли воинам другого, более слабого мира. Но и на этот раз смертным удалось увидеть лишь отблеск потаенной жизни, что скрыта в глубинах вод и земных недрах. Как только раны Диармайда зажили, фении тут же снова очутились среди родных пастбищ, и никто из них не мог сказать, как они вернулись обратно. Не довелось им снова разыскать и колодезь, и его стража, хранившего путь в Подморье.

Любая прореха в море или в земле — водоворот, озеро, пещера, колодезь — могла оказаться дверью в волшебный мир. Колодезь поглотил одного из фениев — Диармайда, когда тот бросил вызов его стражу.

ЗАЧАРОВАННЫЕ ОСТРОВА

Вот повесть о Майль-Дуйне из Ирландии, что отправился из своей земли в чудесные моря и нашел там острова, полные опасностей и наслаждений.

Первые годы своей жизни Майль-Дуйн провел на востоке страны. Он воспитывался вместе с сыновьями короля этой земли. Мальчики были очень близки. Старинные хроники говорят, что лежали они в одной колыбели, вскормлены были у одной груди и росли вместе на одних коленях. Но Майль-Дуйн не был им братом. Когда он достиг зрелости, ему сказали, что он сын покойного Айлиа Острие Битвы, вождя одного из племен с берегов Западного моря. Тот отправил сына в приемыши, чтобы сохранить ему жизнь.

Узнав о своем происхождении, Майль-Дуйн вместе со своими приемными братьями отправился в землю отца. Там он проведал о том, какой смертью тот умер: морские разбойники заперли его в церкви и сожгли ее. В скорби стоял Майль-Дуйн среди обгоревших камней, и затаил месть в своем сердце. Таков был первый шаг к путешествию, которое продолжалось годы.

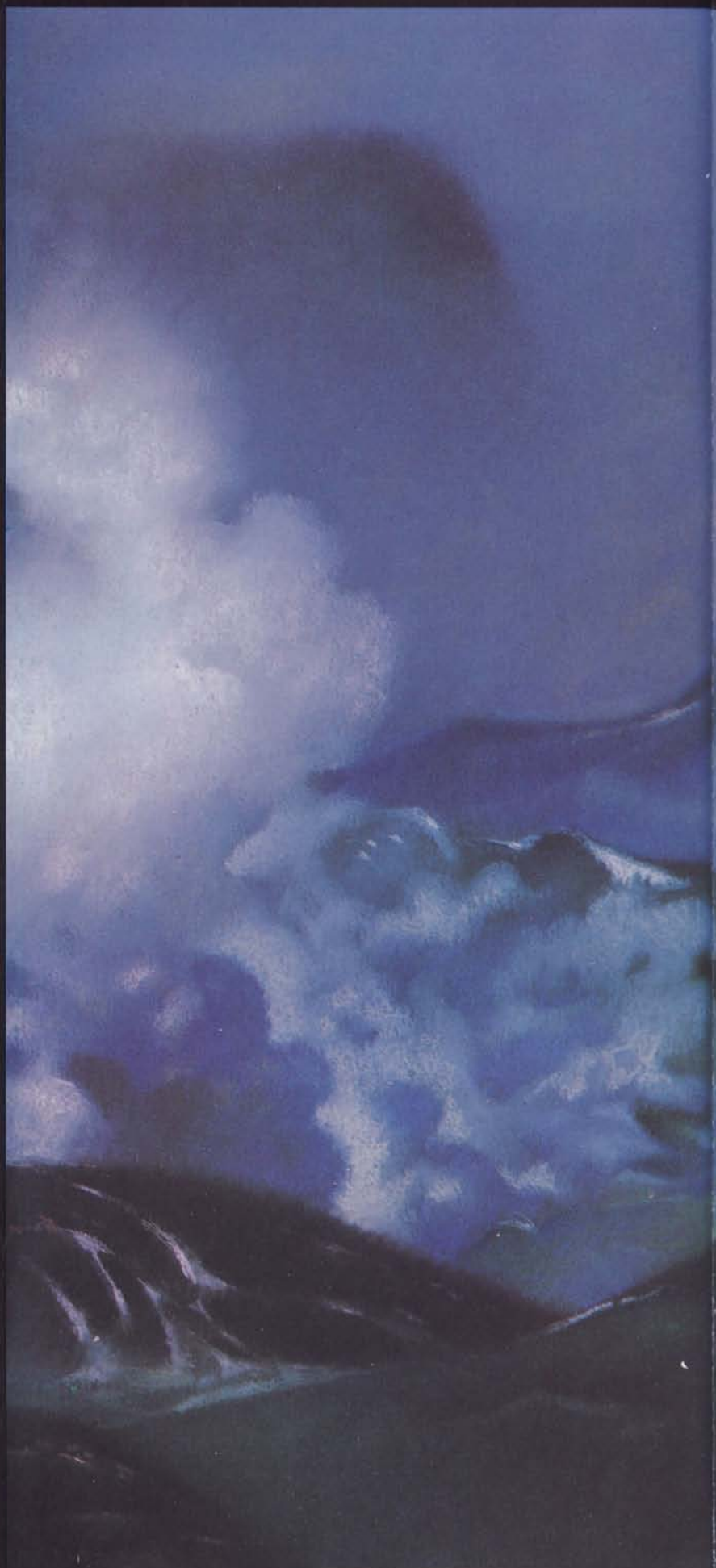
Спустя несколько месяцев Майль-Дуйн построил корабль. Он снарядил его, следуя советам жреца-друида, друид же защитил корабль своими заклятиями. Каркас из ивовых прутьев обтянули дублеными бычьими шкурами, а в команде было ровно столько людей, сколько под страхом проклятия велел набрать друид — семнадцать человек. Сводных братьев не было с ними, но в день, когда подняли разноцветный парус и ладья отчалила, братья прибежали на берег и принялись кричать, что бросятся в море, если Майль-Дуйн не возьмет их с собой. Тот вначале отказывался, ссылаясь на проклятие, но братья и впрямь бросились в воду и поплыли следом. Опасаясь, что они утонут, Майль-Дуйн направил к ним свой корабль и взял их на борт.

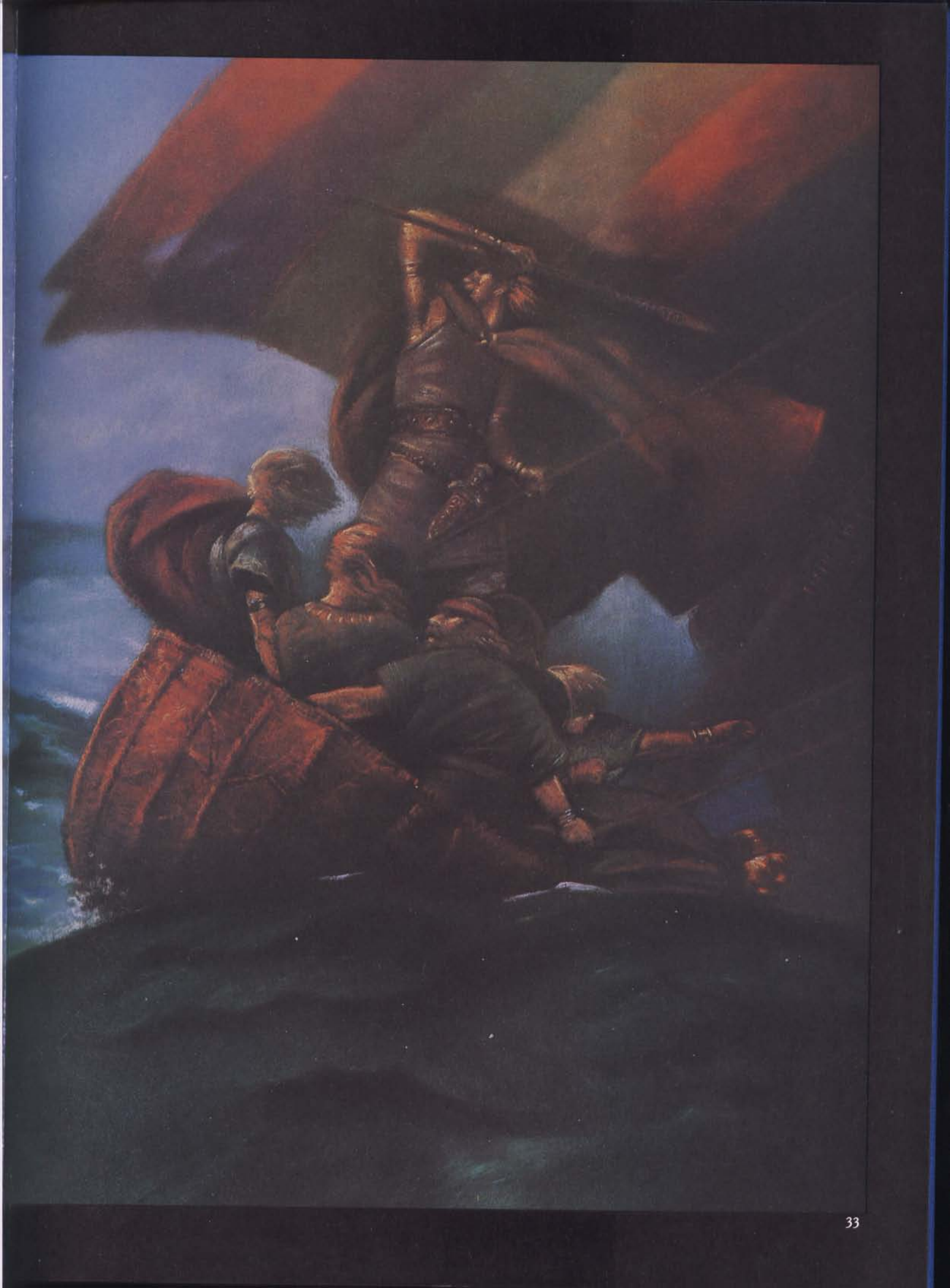
Целый день красноцветный корабль шел на запад. Он стремился к острову Лайгес, пристанищу морских разбойников. В полночь Майль-Дуйн заметил его очертания и услышал разносившиеся над морем голоса пирующих разбойников. Он дал команду, и корабль скользнул к берегу.

У самого берега, на мелководье, послышался громкий голос:

— Я поведу вас! Я убил Айлиа Острие Битвы, славного рубаку, и никто с тех пор не посмел отомстить за него! — так похвалялся главарь перед своими людьми.

Майль-Дуйн, стоя на носу, уже изготовился метнуть копье, но прежде, чем корабль достиг берега, вскипели штормовые тучи, померкли звезды, северный ветер и огромные валы обрушились на ладью и подхватили ее.

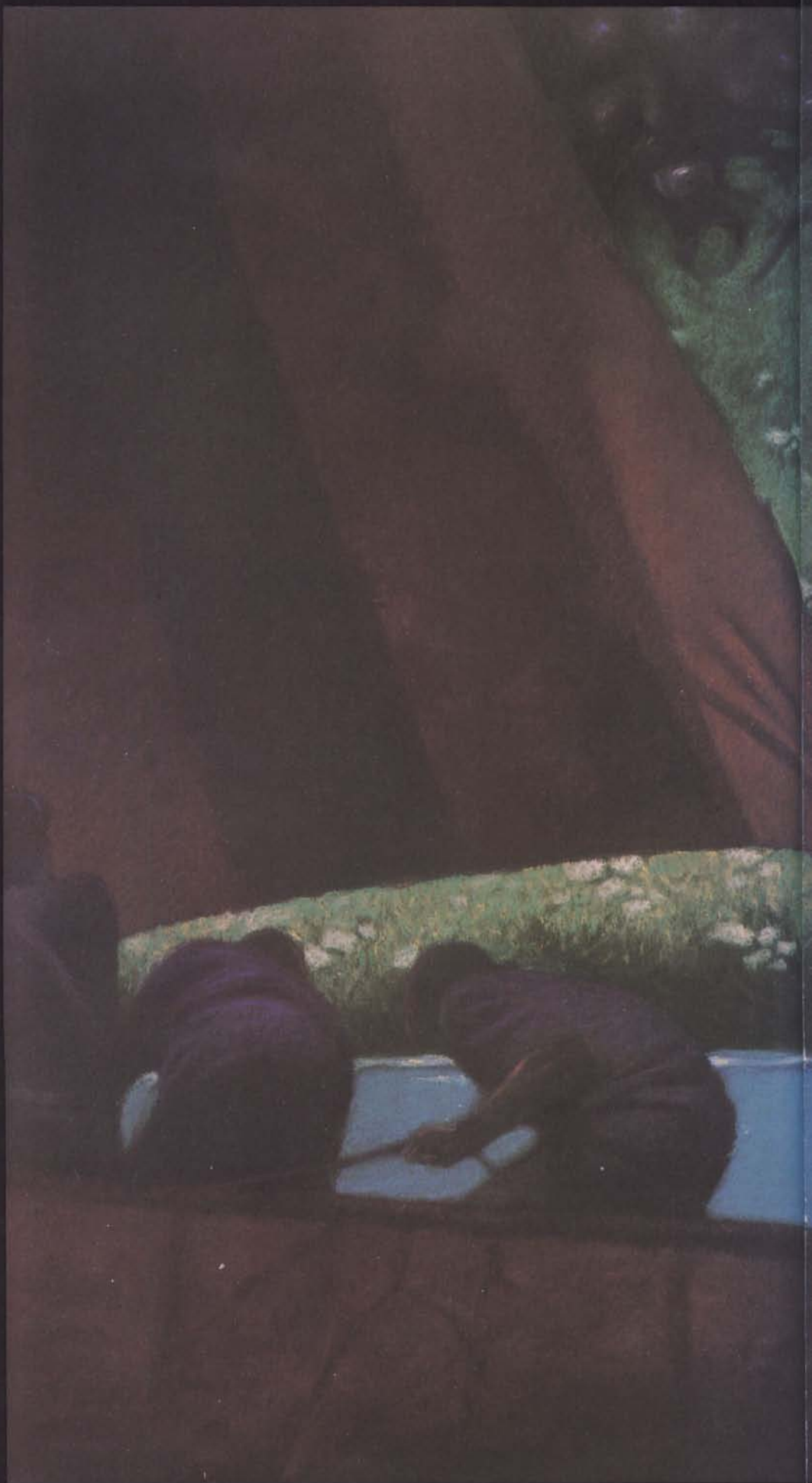

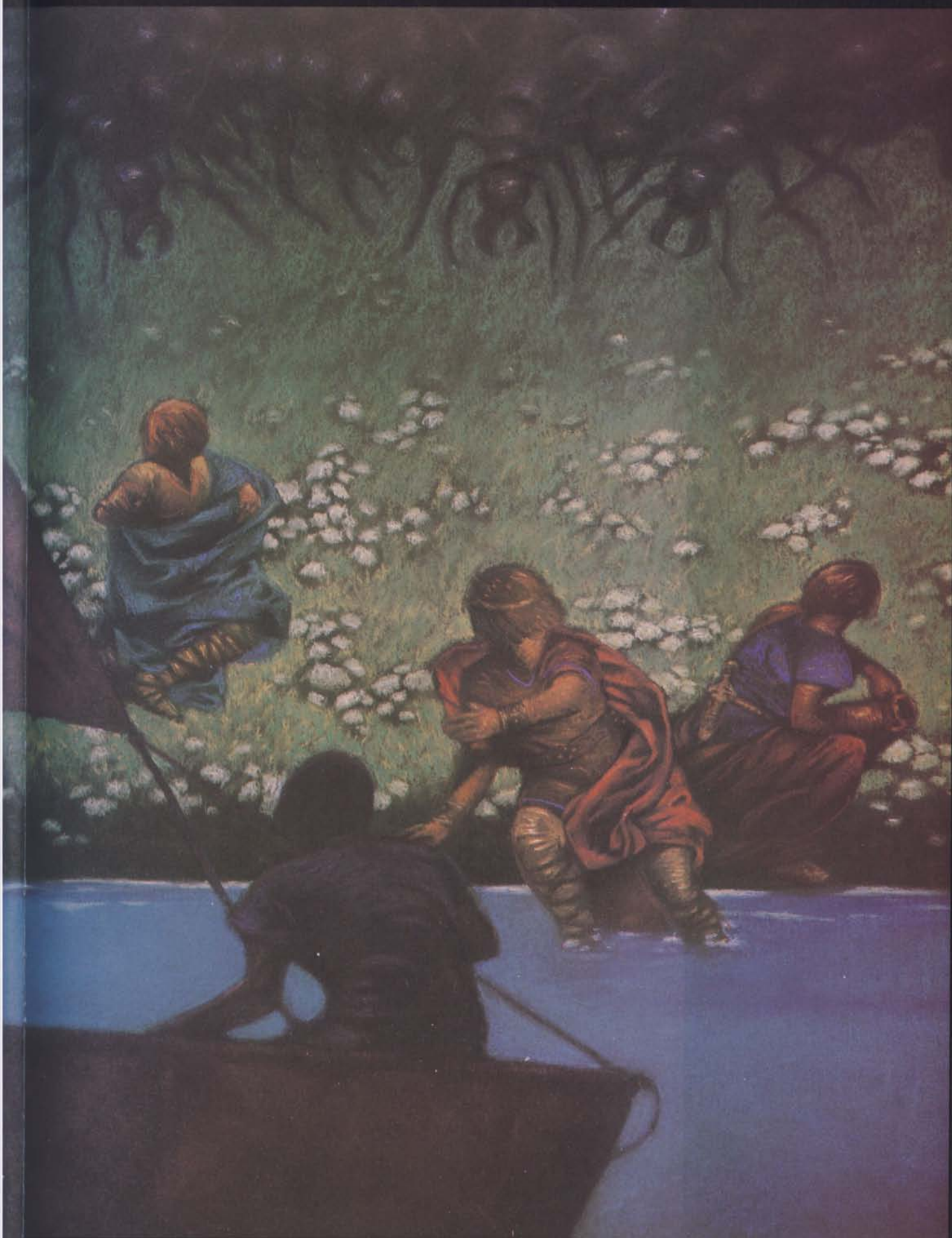
Всю ночь их несло в открытый океан, прочь от берегов острова разбойников. Два дня минуло, на утро третьего буря утихла. Перед впавшими в уныние моряками предстала спокойная морская гладь. Лишь на самом горизонте горбатились спины редких островов.

— Это из-за вас все случилось, — упрекнул Майль-Дуйн своих молочных братьев и приказал рулевому править к ближайшим островам, надеясь отыскать там пристанище. Вскоре ладья ткнулась носом в усыпанный галькой берег небольшой бухты. Высокие утесы вздымались над ней, и по краям их недвижно сидели какие-то черные тени. И вдруг без единого звука, всей стаей они устремились вниз, лишь сухой шелест их ног словно дрожал в воздухе. Это были гигантские муравьи величиной с жеребенка. Они приближались, поводя усищами, кляца жвалами. Майль-Дуйн и его спутники спешно отчалили и могучими взмахами весел направили корабль в море.

Через несколько дней плавания припасы их подошли к концу. Высадиться нигде не удавалось. Остров за островом им приходилось покидать в спешке. Странные звери ревели на них из-за скал. На песке они видели отпечатки конских копыт шириной с корабельный парус. Они миновали берег, по которому бродил воплощенный ужас — зверь, வாцававшийся внутри собственной шкуры. В ярости он завывал, хватал пастью камни и швырял их вслед уходящему кораблю. Изголодавшиеся моряки бросили якорь у острова, сплошь заросшего яблонями и окутанного паром. Земля под ногами была нестерпимо горячей, а сквозь дыры в ней вырывалось пламя. Тут же, поедая опавшие яблоки и уворачиваясь от языков пламени, бродили алые свиньи. Люди взяли с собой столько плодов, сколько смогли унести, и удалились прочь от этой огнедышащей земли.

В конце концов они высадились на берегу гористого острова, обещав-

шего надежную гавань. На горных вершинах белели, упираясь в облака, крепостные стены, а внизу, около укрепленного вала, было несколько больших белоснежных домов. Тщетно моряки звали их обитателей — ответом им было только эхо.

Поразмыслив, они решили, что жители, должно быть, спрятались внутри, и вошли в один из домов. В просторном зале на стенах укреплены были золотые пряжки, золотые ожерелья, украшенные золотом и драгоценностями мечи. Никто не приветствовал их, но дом казался гостеприимным. Посреди двора стоял огромный стол. На нем были кувшины с пивом, хлеб и копченое мясо. Кругом стола стояли высокие каменные столбы, и на одном из них сидел белый кот, самый обычный с виду.

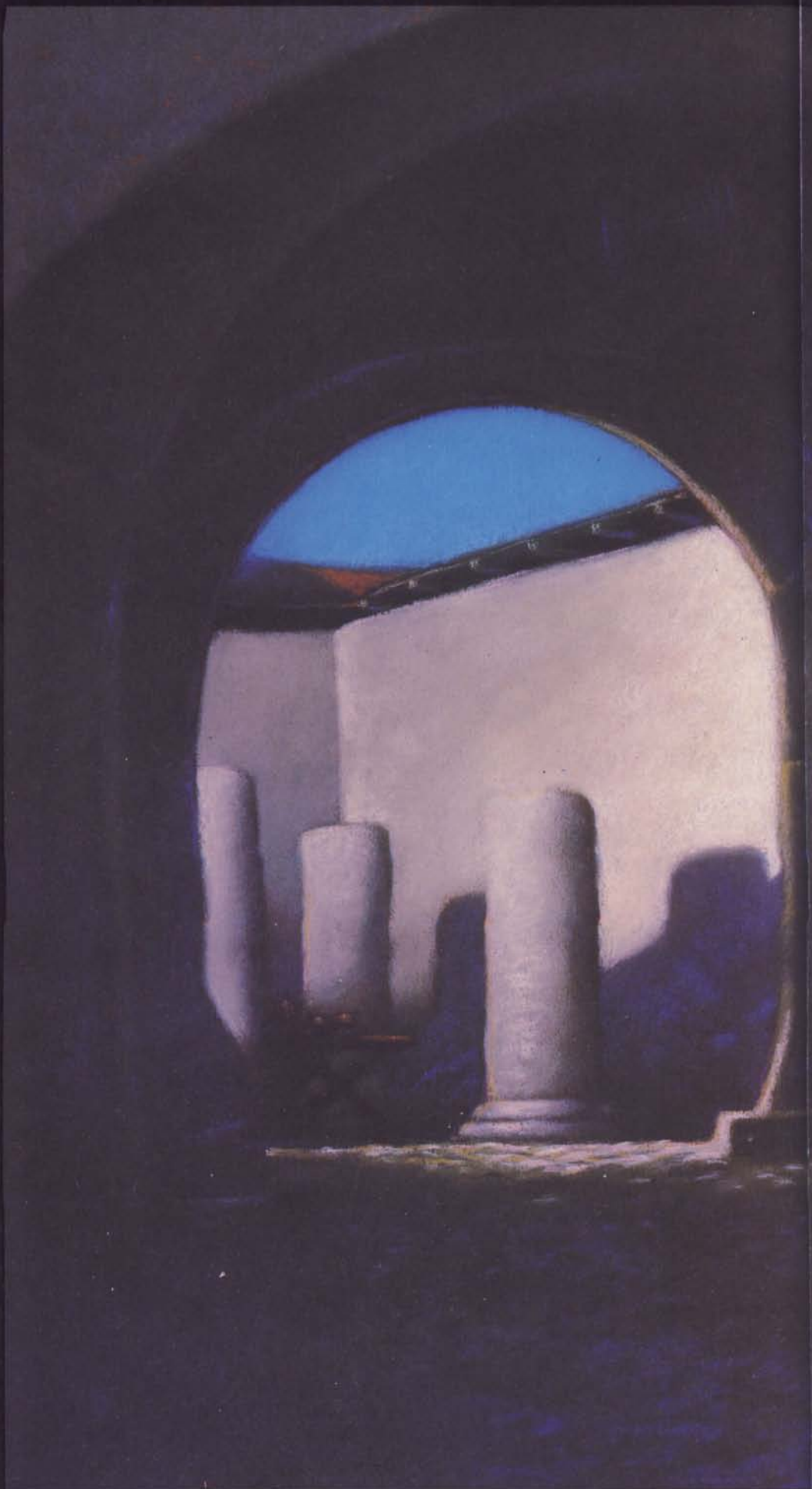
— Для нас ли приготовлена эта еда? — спросил Майль-Дуйн.

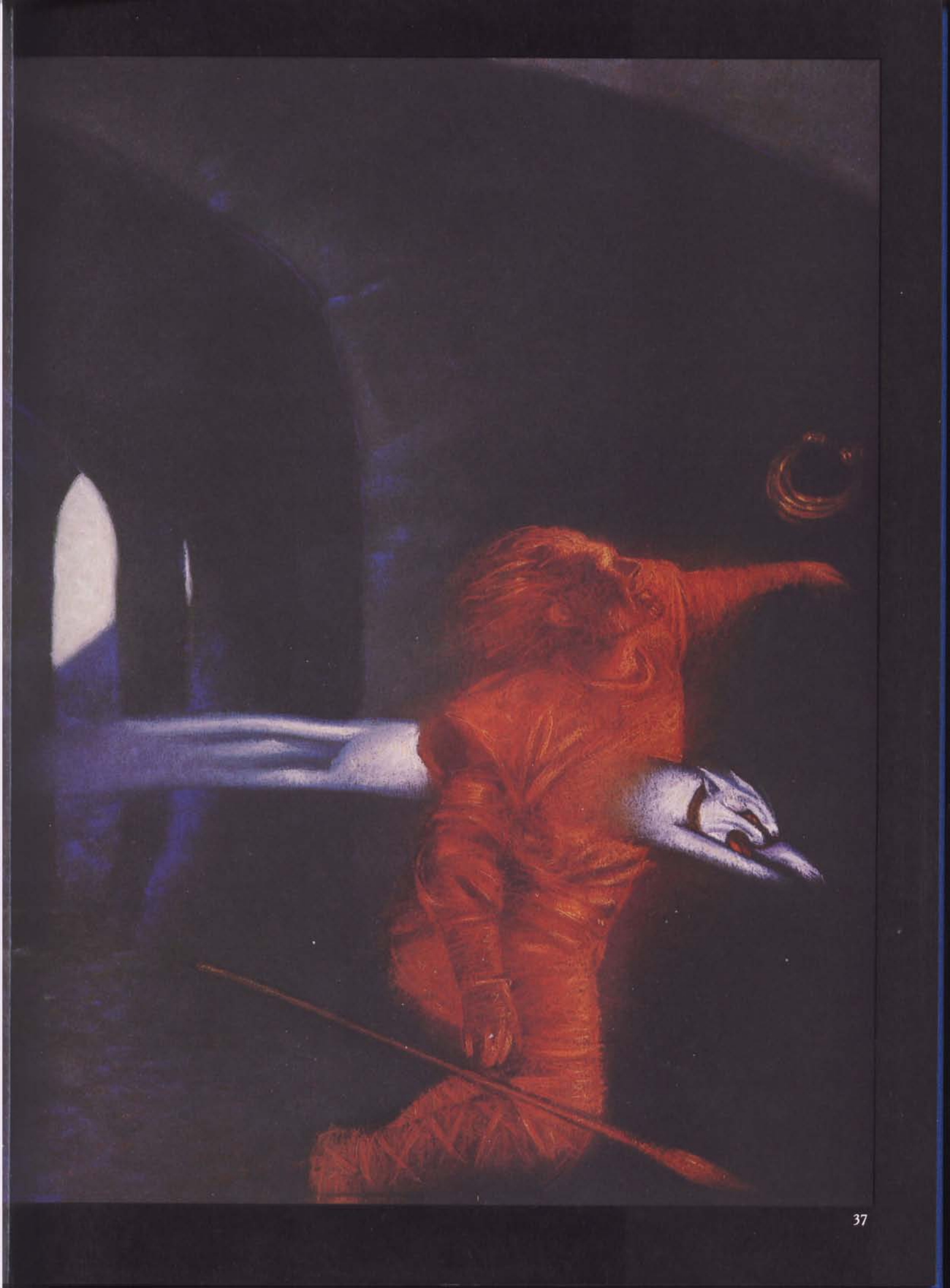
Кот глянул на него круглыми немигающими глазами и начал играть, перепрыгивая с одного столба на другой с легкостью, присущей всякой кошке.

Люди устроили пир, а потом завалились спать. Кот тоже заснул, свернувшись на одном из столбов.

Утром они еще раз поели и уже собрались уходить, когда старший молочный брат Майль-Дуйна взял золотое ожерелье из зала, словно трофей. Майль-Дуйн велел ему не нарушать законов гостеприимства и вернуть все на место. Кот тоже угрожающе зашипел. Но брат не внял предупреждению. Прихватив сокровище, он зашагал через двор. Он не оглядывался и потому не заметил, как белый кот выгнул спину и прыгнул, стрелой прорезая воздух. Воин не успел даже крикнуть, когда кот пропорол насквозь его тело, извергнул огонь, и обратил человека в высокий факел пылающей плоти. Старший брат рухнул на землю и сгорел дотла на глазах у застывших от ужаса товарищей.

Майль-Дуйн подобрал золотое ожерелье, повесил его на место и по-

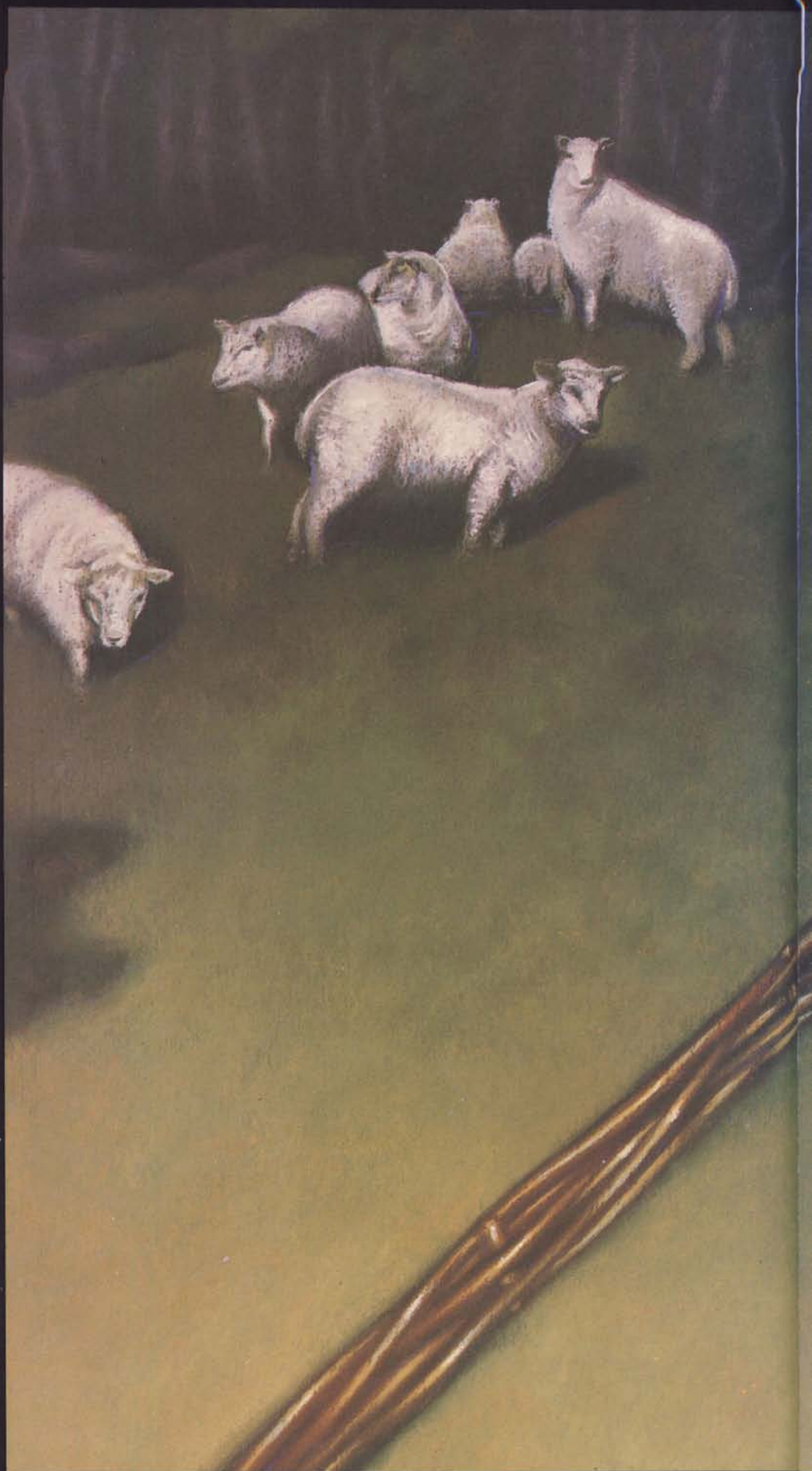
просил у кота прощения. Потом он повел своих людей к кораблю и они продолжили свое плавание, не зная пути и цели.

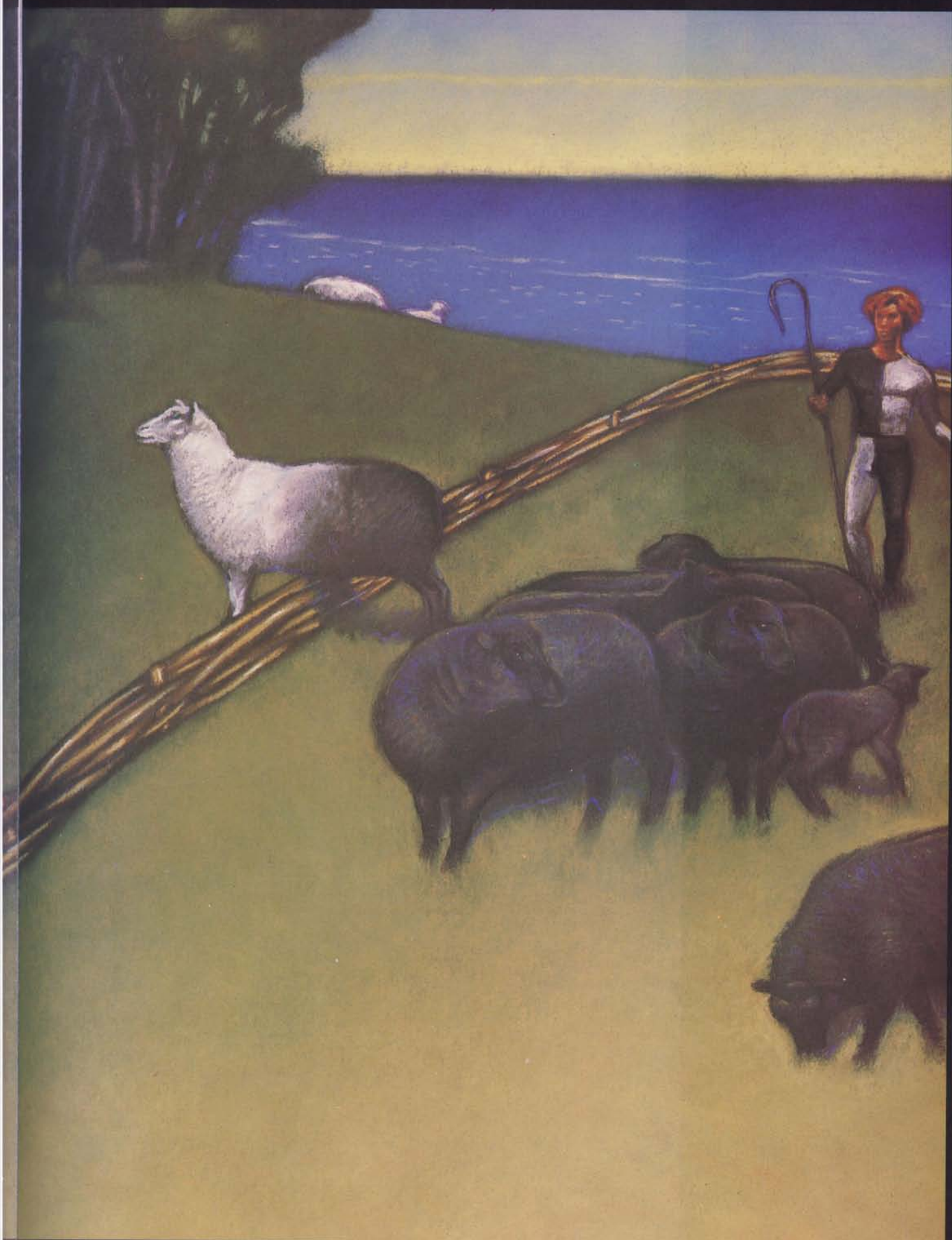
К какому бы острову они не приставали, везде, казалось, властвует магия. Они прошли мимо острова, поделенного пополам медным забором. Там паслись овцы, по одну сторону забора — черные, по другую — белые, а когда овца переходила с одного пастбища на другое, ее цвет менялся. Чтобы испытать это волшебство, Майль-Дуйн бросил светлое древко на берег, где паслись черные овцы, и древко тут же окрасилось в черный цвет. Моряки ужаснулись и устремились прочь.

Все дальше плыли они меж диковинных островов. На одном паслись гигантские коровы, с другого страшный великан прорычал, что он тот мельник, что крутит адскую мельницу...

После многих испытаний они достигли тихого зеленого острова, поросшего тисом и ивами. Среди деревьев бродили люди в черных плащах с капюшонами. Плач и стоны, прерываемые всхлипами, доносились оттуда.

Корабль пристал к берегу, и моряки бросили жребий, кому идти к

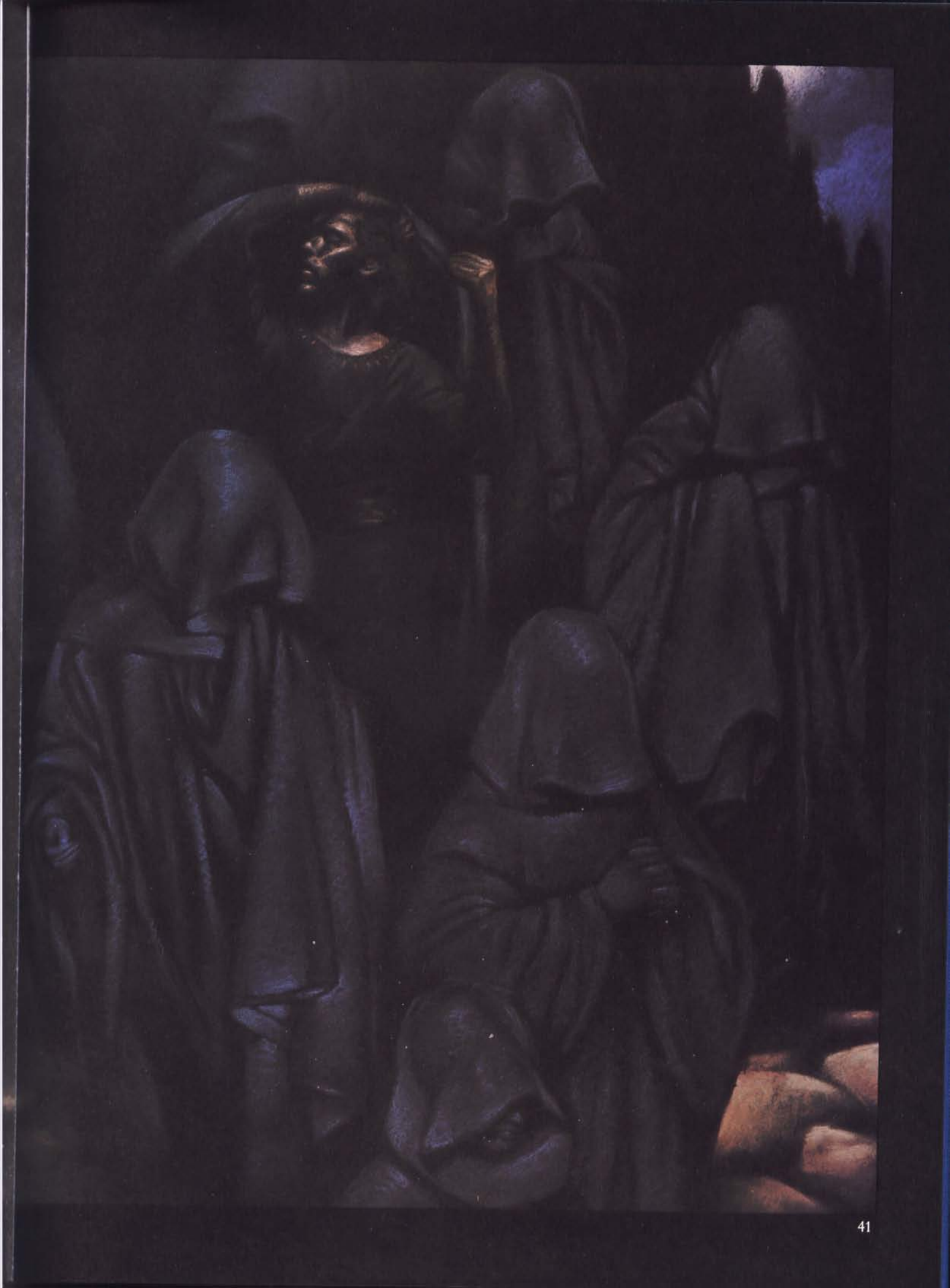

скорбящим и расспрашивать о причине их печали и о том, куда занесла моряков судьба. Жребий пал на среднего из молочных братьев Майль-Дуйна. Юноша прыгнул на песок и зашагал к лесу. Черная женщина взяла его за руку, и тут же он задрожал и плоть его почернела. Женщина обняла его за плечи, а когда отняла руку, на нем уже был плащ и капюшон, и отличить его от остальных было невозможно. Майль-Дуйн послал за ним воинов, велел ни с кем из скорбящих не говорить и даже не смотреть тем в глаза. Но брат его уже затерялся среди обитателей этого острова, навсегда оставив свое племя.

Воины плыли все дальше по воле ветров и течений, и ни одна из виденных ими земель не показалась им знакомой. Как-то подошли они к острову, где во множестве обитали фейри. Те дали морякам волшебное пиво, и напиток погрузил всю команду в многодневный сон. А ладья между тем продолжала свое странствие. Они прошли мимо острова, больше походившего на торчащую из моря скалу. По скале ползал седобо-

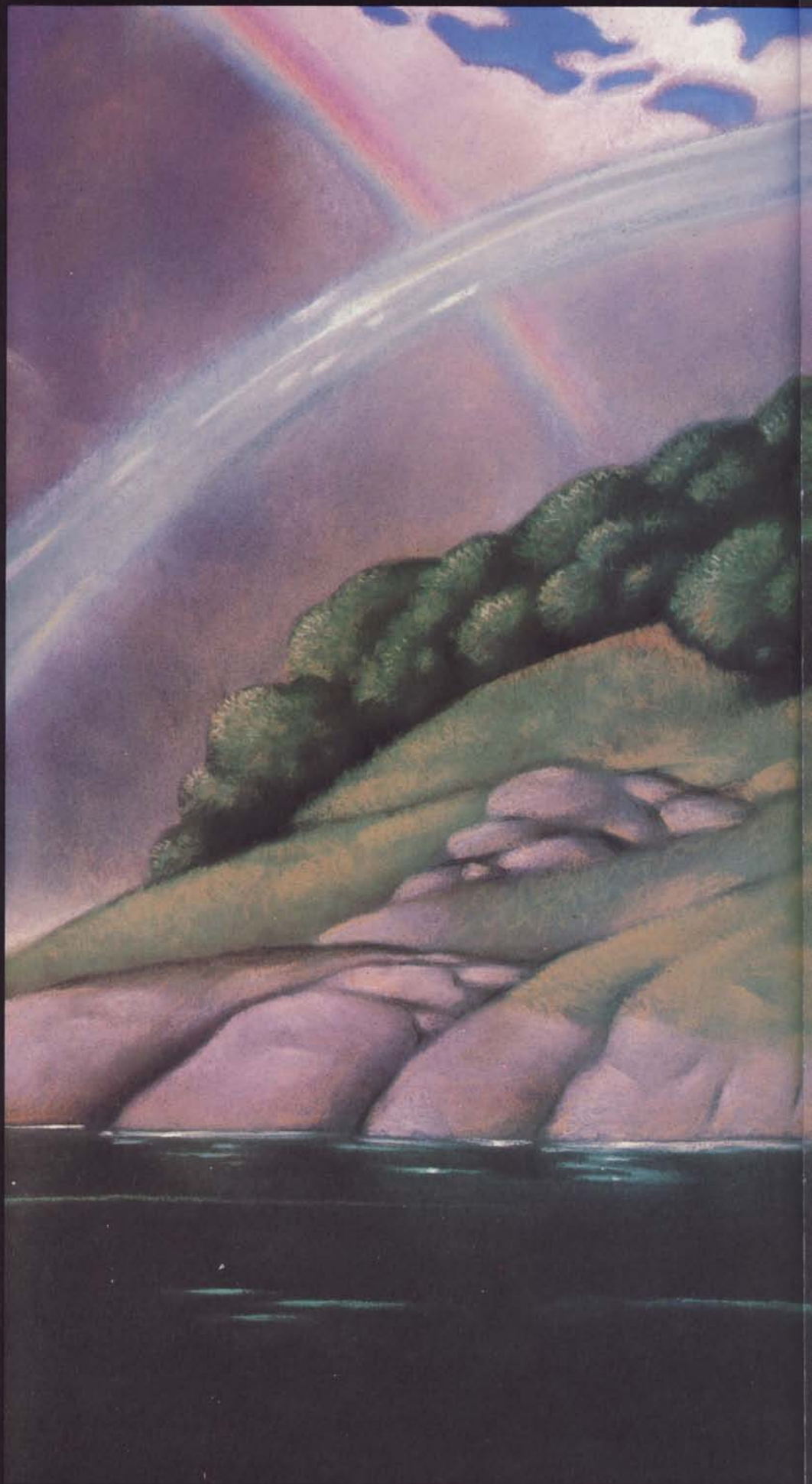

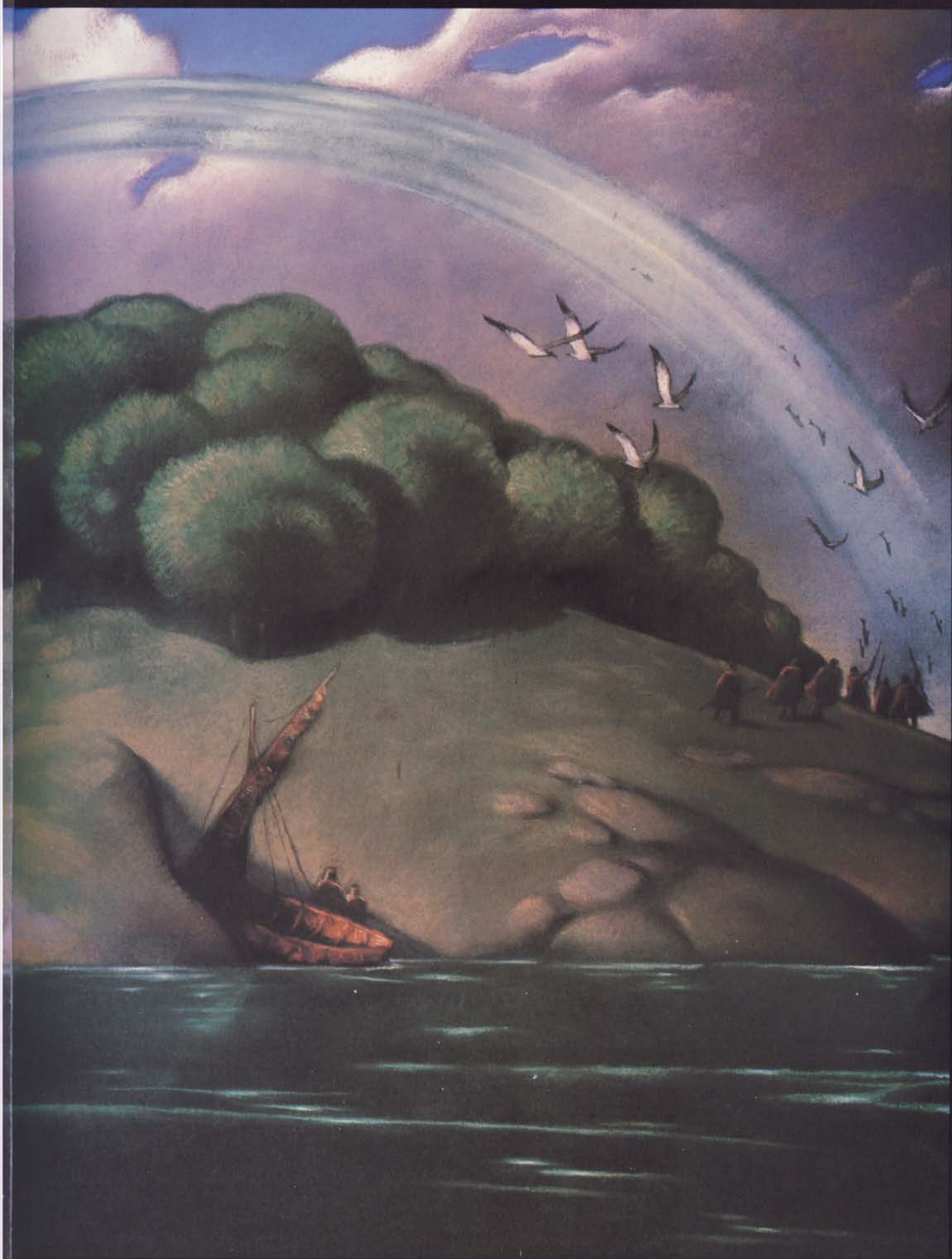

родый отшельник. «Все вы вернетесь домой, кроме одного», — такое пророчество сказал он им. Они пересекли море, поверхность которого казалась бесплотной пленкой, едва способной нести ладью. Под килем, в прозрачной воде видна была страна: пологие холмы, на которых паслись стада, и могучие замки. Позже они достигли острова, где большой поток, словно радуга, струился по воздуху, и в его хрустальных водах играли лососи. Моряки били их копьями и ели свою добычу, и продолжили плавание, пополнив свои запасы.

Как-то они плыли ночью по серебристой лунной дорожке, при свете звезд, отражавшихся в черных морских водах. Здесь островов не было ни поблизости, ни на горизонте, только в отдалении мерцала огромная башня. К ней-то и устремились ирландцы.

Приблизившись, они от изумления не могли вымолвить и слова. Башня оказалась серебряным столпом, вздымавшимся прямо из воды. Он был так высок, что вершины не было видно. Казалось, он поддерживает свод небесный. Со столпа спускалась, слегка покачиваясь на волнах, серебряная сеть, словно сотканная из звездного света. Она была так огромна, что ладья с легкостью проскользнула в одну из петель. Какой-то моряк ударил по сети мечом, отрезав кусок на память, чтобы люди поверили его рассказу, если

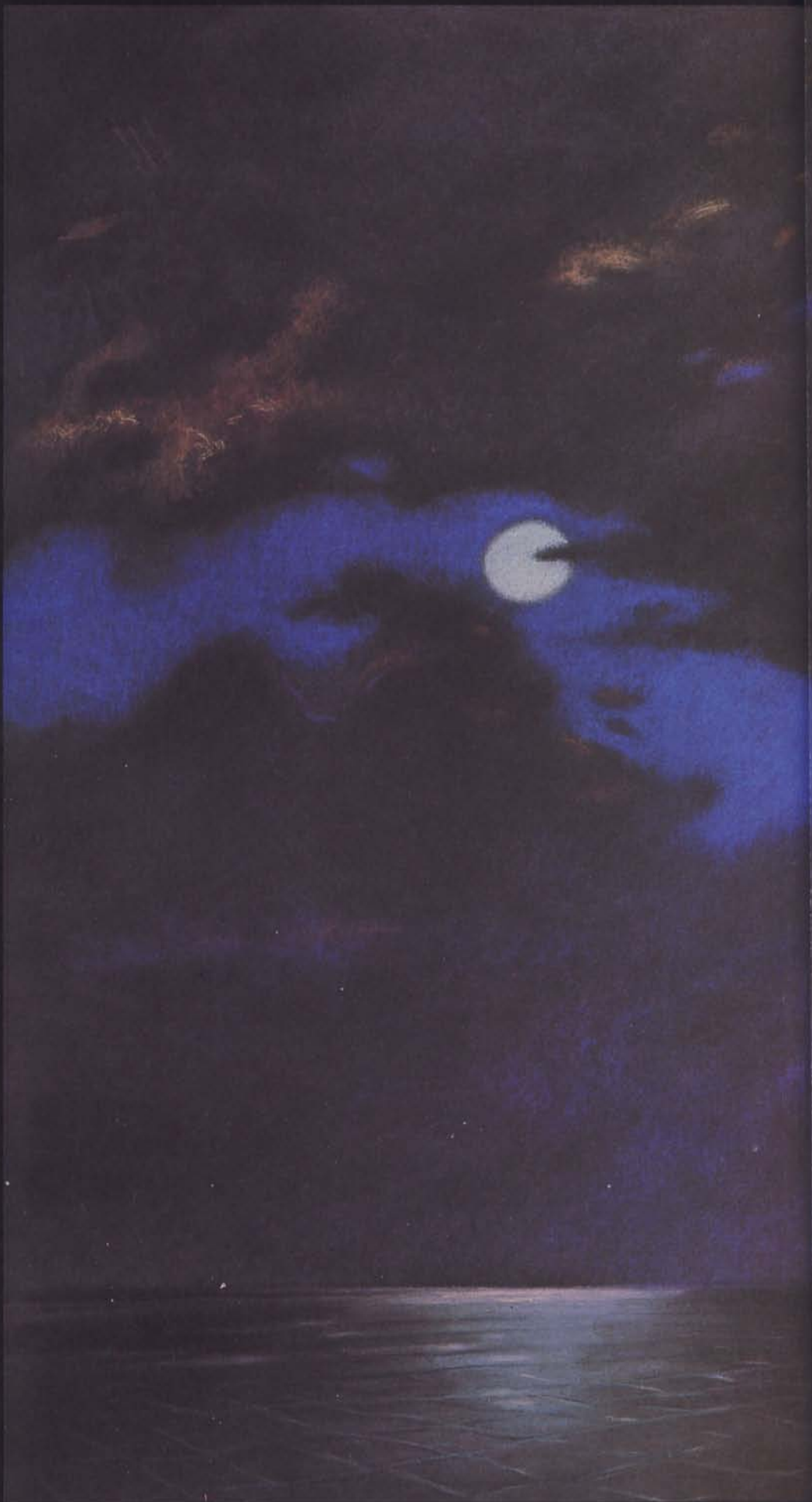

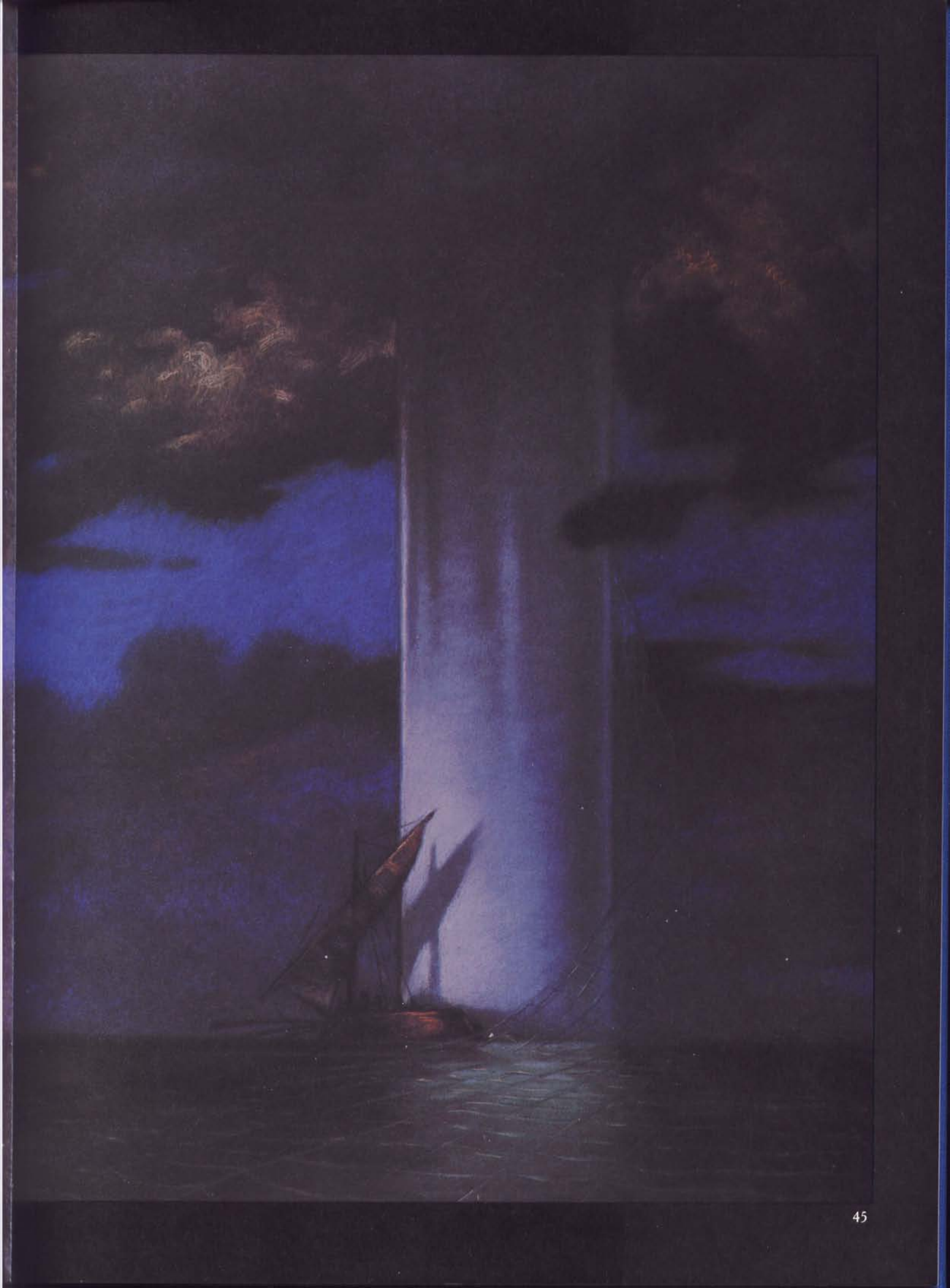
ему доведется вернуться домой. И тут они услышали голос с вершины столпа, но говорил он на незнакомом языке, и они ни слова не поняли.

Так продолжалось их плавание по чудесным водам. В общей сложности Майль-Дуйн и его спутники странствовали более трех лет, то едва ускользая от опасности, то находя приют на островах эльфов. Не будь заклятье друида снято, странствовать бы им меж зачарованных островов до самой смерти.

Они освободились от заклятья, когда потеряли третьего из молочных братьев Майль-Дуйна, последнего из тех, кто поднялся на борт вопреки запрету. Он исчез на острове блаженных, обитатели которого хохотали без всякого смысла и причины. Как только он пропал, над морем появился сокол, уверенно державший курс на юго-восток.

Они следовали за птицей целый день и целую ночь. Сокол вел их сквозь облака и туманы, через неизвестные воды, через невидимые границы, — и наконец вывел к знакомым местам, к острову морских разбойников. Моряки вытащили ладью на берег и направились к крепости, где давным-давно главарь разбойников похвалялся убийством. Но на этот раз они услышали, что главарь говорит о Майль-Дуйне с почтением, как о муже, что решился бросить вызов неведомому, как о воине, которого он хотел бы видеть своим другом. И когда главарь увидел Майль-Дуйна и его воинов, он приветствовал их, как подобает.

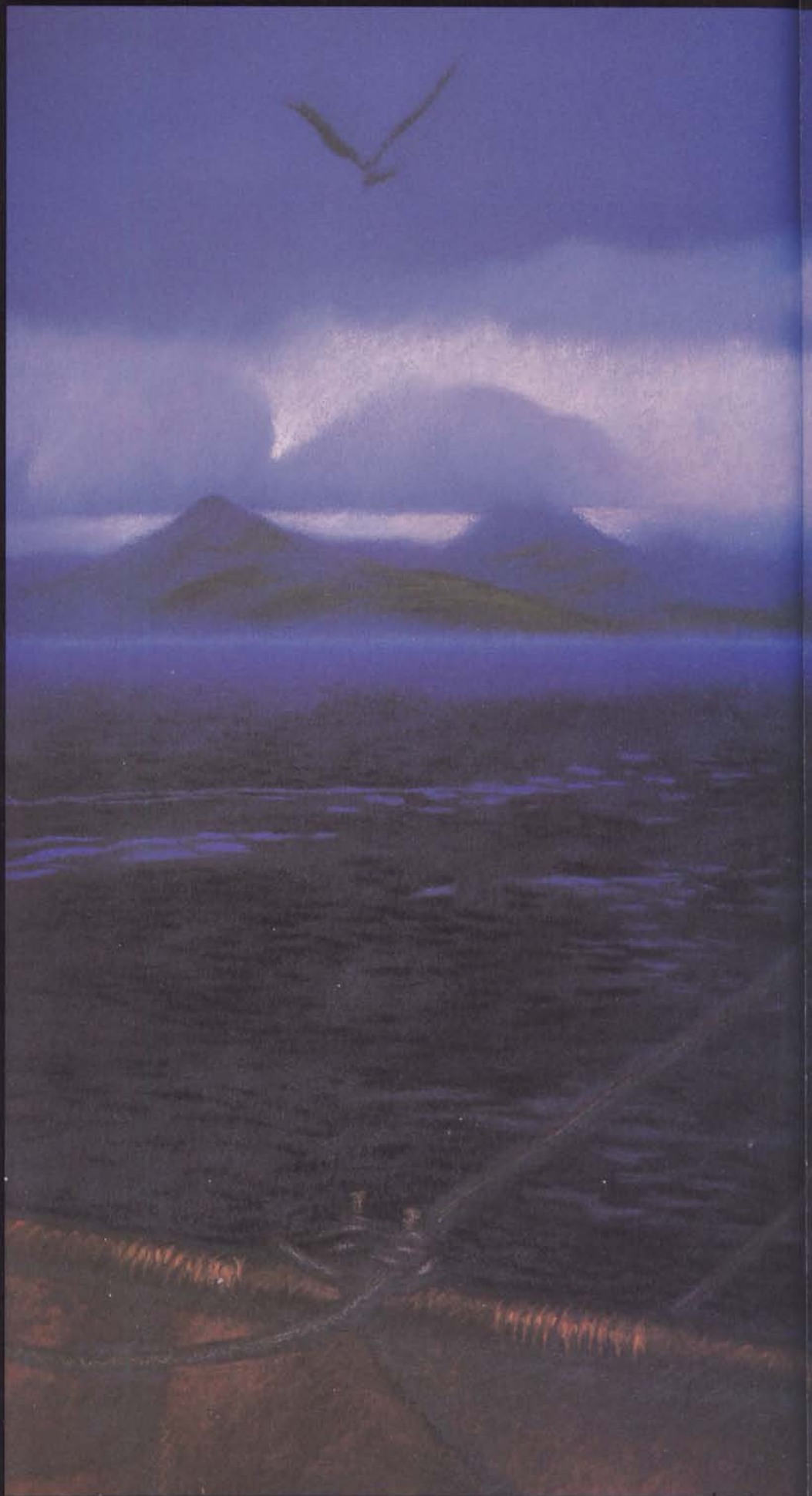

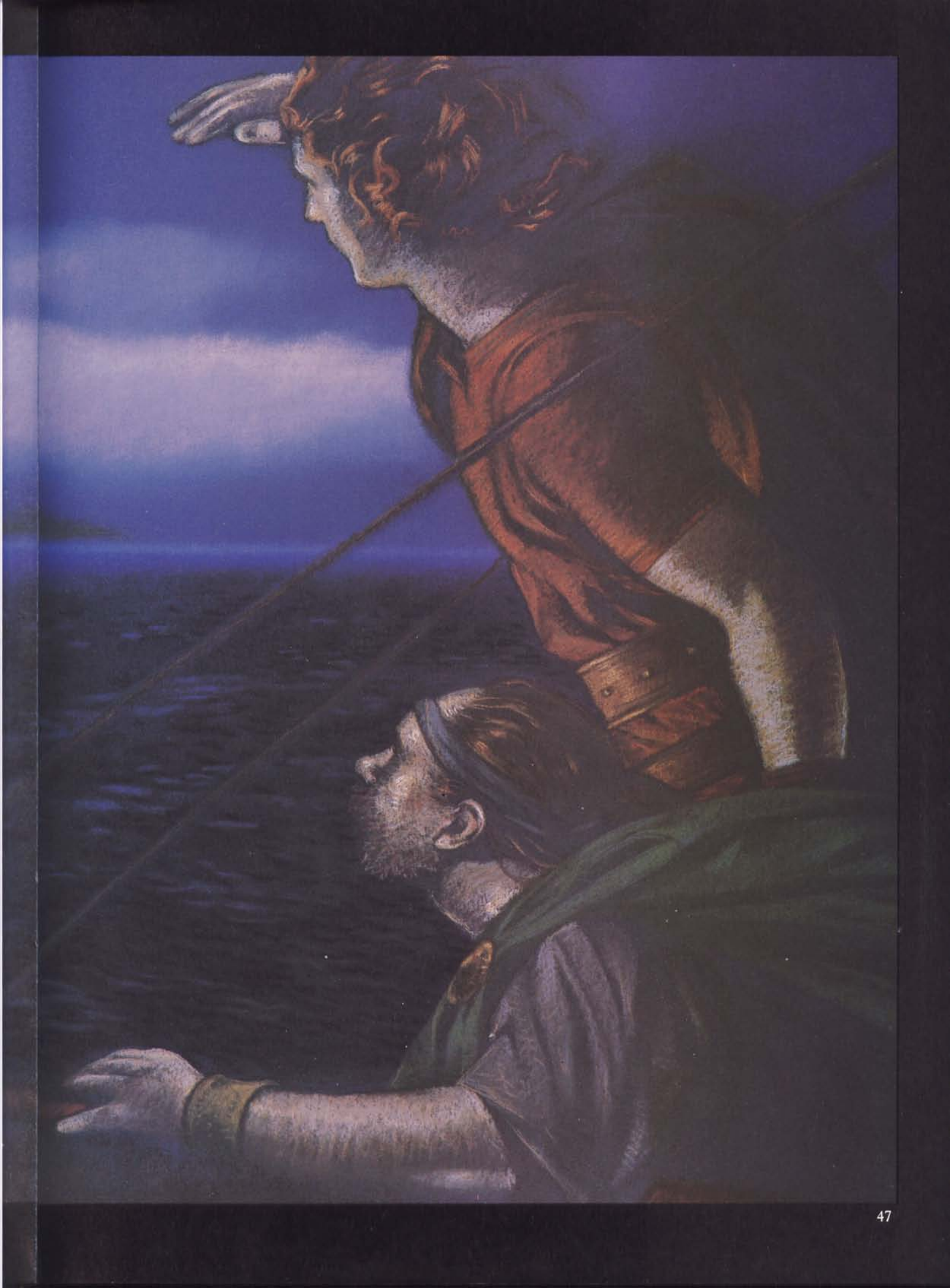

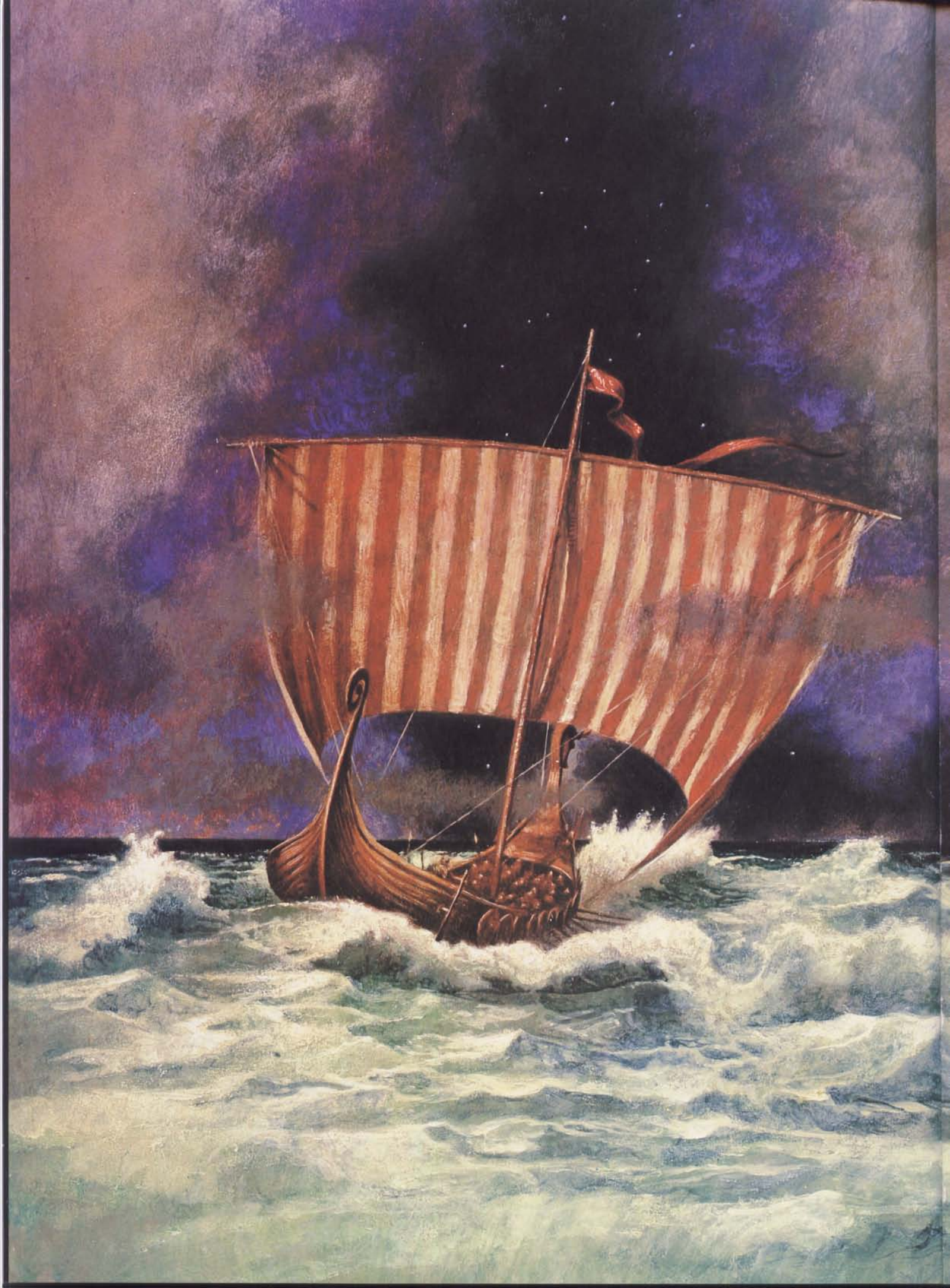
Майль-Дуйн же, после тяжких испытаний набравшийся мудрости, простил его и в знак примирения протянул ему руку.

Вернувшись в Ирландию, моряки поведали о своем странном плавании по неведомым морям, о буре, унесшей их в океан, и о мире островов, населенных невероятными созданиями, живущими по непостижимым законам. В доказательство они представили кусок серебряной сети.

Так прекрасен был их рассказ, что человек по имени Айд Финн (Айд Светлый), в те годы первый поэт Ирландии, сложил песнь в честь Майль-Дуйна и его людей. И в этих словах плавание Майль-Дуйна живет уже тысячу лет.

ЦАРСТВА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Далеко ходили в древности долгие ладьи скандинавов. На юг, к берегам Франции и Сицилии, на запад, к Британским островам, и на восток, в русские земли. Они бороздили моря там, где прежде не проходил ни один корабль, бросали якорь у безымянных берегов, уходили в седой океан на поиски царств Старого мира — темных и ветреных пустошей, не предназначенных для человека, древних царств, где от века правили мертвые.

Горм, король Дании, рискнул совершить такой подвиг. Его вдохновили рассказы некоего Торкила, морского разбойника, ходившего под парусом в Исландию и еще дальше, в Море мрака за северной оконечностью Финнмарка. Оттуда он привез сведения о сокровищах, спрятанных в пещерах, которые стерегут великаны.

Горм решил отыскать эти земли — не ради золота, но ради славы. Так говорят древние хроники.

Горм назначил Торкила проводником и капитаном. Всего за одну

зиму Горм под руководством Торкила построил свои корабли. Работы начались после того, как собрали урожай. Три длинных дубовых килей уложили на сухую траву, приладили к ним нос и корму, обшили каркас и обтянули обшивку кожей внахлест, чтобы уберечь ее от морской влаги. Три мачты укрепили в дубовых основаниях, три страшных драконьих головы украсили носы. Летописцы утверждают, что каждый из кораблей был больше, чем славный «Великий Дракон», на котором Харальд Грозный совершал походы в Британию. А ведь на «Великом Драконе» было 35 скамей для гребцов! На судах же Горма было по пятьдесят скамей, и каждое вмещало сотню гребцов.

Весенним утром, под бегущими по яркому небу облаками, три огромных корабля заскользили по деревянным каткам к воде. Скрип, стоны и дым вырывались из-под килей, окрасившихся жертвенной кровью. Команда была как на подбор — три сотни воинов, вооруженных франкскими мечами и украшенными серебром боевыми топорами. В кожаных мешках под скамьями гребцов лежал запас провизии на несколько месяцев. С попутным ветром суда миновали проливы Каттегат и Скагеррак, разделяющие Данию и

Скандинавию, и вскоре вышли в открытое море. Рулевым на флагманском корабле был Торкил, крупный мужчина с обветренным лицом и выгоревшими на солнце волосами. Он взял курс на север, держась ближе к берегу там, где это было возможно. Корабли шли мимо возвышавшихся башнями гор, обрамлявших норвежские фьорды, мимо Халогаланда и Финнмарка, все дальше на север в бескрайний седой океан. Их вели солнце и звезды, косяки рыб и стаи птиц — сотни примет, что ведомы морякам.

Недели превращались в месяцы, и по мере того, как корабли продвигались к северу, пейзаж становился все более однообразным. Дни становились все короче и темнее. Ни одной рыбы не было видно за бортом, ни одной птицы в небе. Ветер стих. Луны не было. Лишь огонь фонарей, мерцавших на мачтах, да звездный свет разрывали тьму — но и звезды были здесь странно редкими и тусклыми, и свет их больше угнетал, чем успокаивал. Моряки вступили в царство ночи, где правили бессмертные.

Они двигались под покровом тьмы, в тишине, нарушаемой лишь скрипом весел в уключинах да плеском воды. И все же они были не одиноки. В какой-то момент сквозь мрачный шум вздымающихся валов они услышали далекий грохот прибоя. Торкил направил туда корабли.

— Здесь застава, — сказал он и громовым голосом добавил: — На берегу возьмете с собой не больше, чем вам необходимо. Лишь это позволено.

Но команда едва обратила внимание на его слова, и даже король Горм пожал плечами. Эти люди с молоком матери

впитали обычай «страндхог» — береговых рейдов, которые скандинавы совершали всякий раз, когда провизия в их ладьях подходила к концу. Они высадились на берег в скалистой бухте. Вокруг на лугах безмятежно паслись коровы. Они явно никогда не видели людей и, сбившись в кучу, следили за пришельцами любопытными глазами. Моряки устремились в самую середину стада и устроили настоящую бойню. Они истребили все стадо — много больше, чем нужно было им для еды. Мяса оказалось так много, что когда его погрузили на корабли, они просели так низко, что едва не черпали бортами воду.

Возмездие было скорым. Как только люди убрались с берега, огромные фигуры, едва видимые в полумраке, подошли к кораблям вплотную, ревя и мыча что-то на неизвестном языке. Потом люди говорили, что это были чудовища, но никто толком не мог описать их. Однако существа эти были так сильны, что корабли начали сами собой раскачиваться, черпая воду и грозя перевернуться. Тогда голос Торкила перекрыл рев.

— Какую цену вы хотите за забитое стадо? — прокричал капитан.

— По одной жизни с каждого судна, — последовал ответ.

Цена была уплачена. Торкил бросил жребий, чтобы выбрать жертвы. Трех воинов столкнули с кораблей на отмель, где их поджидали создания тьмы. Потом суда отправились прочь под душераздирающие вопли оставленных моряков.

В последующие часы Торкил велел передать каждому, как следует вести себя в этих краях, и на этот раз его слова были услышаны. Он сказал, что корабли приблизились к Пограничью, стране великанов.

Здесь — место испытаний для смертных, но дальше лежат земли старых богов, полные сокровищ. А еще он дал своим людям совет, который должен был уберечь их на пути между мирами. «Не говорите ни с кем, кроме как друг с другом. Не ешьте ничего, кроме собственной еды. Не берите ничего, кроме того, что принадлежит вам», — так велел Торкил, а звезды между тем гасли. Многие часы мореходы двигались в полной тьме, пока наконец Торкил не вывел их к устью реки. Они двинулись вверх по течению. Стена деревьев стояла у самой воды. Откуда-то из глубины этого леса доносился жуткий волчий вой.

Скандинавы разбили лагерь и разожгли костры — крошечные маячки в необъятной зимней тьме. Они работали быстро и молча, подчинившись воле Торкила. И даже когда из тьмы слышался шепот, звавший каждого по имени, люди не откликнулись.

Торкил встал и подошел к самому краю освещенного пламенем круга. Кто-то стоял во тьме и смотрел на них. Видом он походил на человека, но был вдвое выше взрослого мужчины. Он был стар, хотя и не горбился. Кожа его выцвела, бо-рода поседела, а глаза глубоко запа-ли.

— Здравствуй, Гудмунд, преграда смертных путников, — сказал Торкил.

— Здравствуй, Торкил, дерзкий бродяга. Почему это твои люди не отвечают мне?

— Они плохо знают твой язык, господин.

Великан Гудмунд улыбнулся — в дрожь бросало от его улыбки. Потом он сделал Торкилу знак, и капитан утвердительно кивнул. По его команде

воины и направились за великаном по ледяным берегам реки. Река петляла по лесу и наконец вывела их на заснеженную равнину. Посреди нее стояли огромные палаты, похожие на пиршественные — длинные и высокие. Стены их были сделаны из такого прозрачного льда, что пламя факелов, сиявших внутри, создавало снаружи круг света. Внутри был ледяной сад — но деревья в этом саду были тяжелы от плодов. Длинные столы в доме были празднично накрыты и ломились от оленины, пива и осетрины. Еда была подходящей для воинов. У скамей ждали женщины с наполненными рогами и улыбались маняще.

Смертные воины посмотрели на это великолепие, но, покачав головами, отказались от пира.

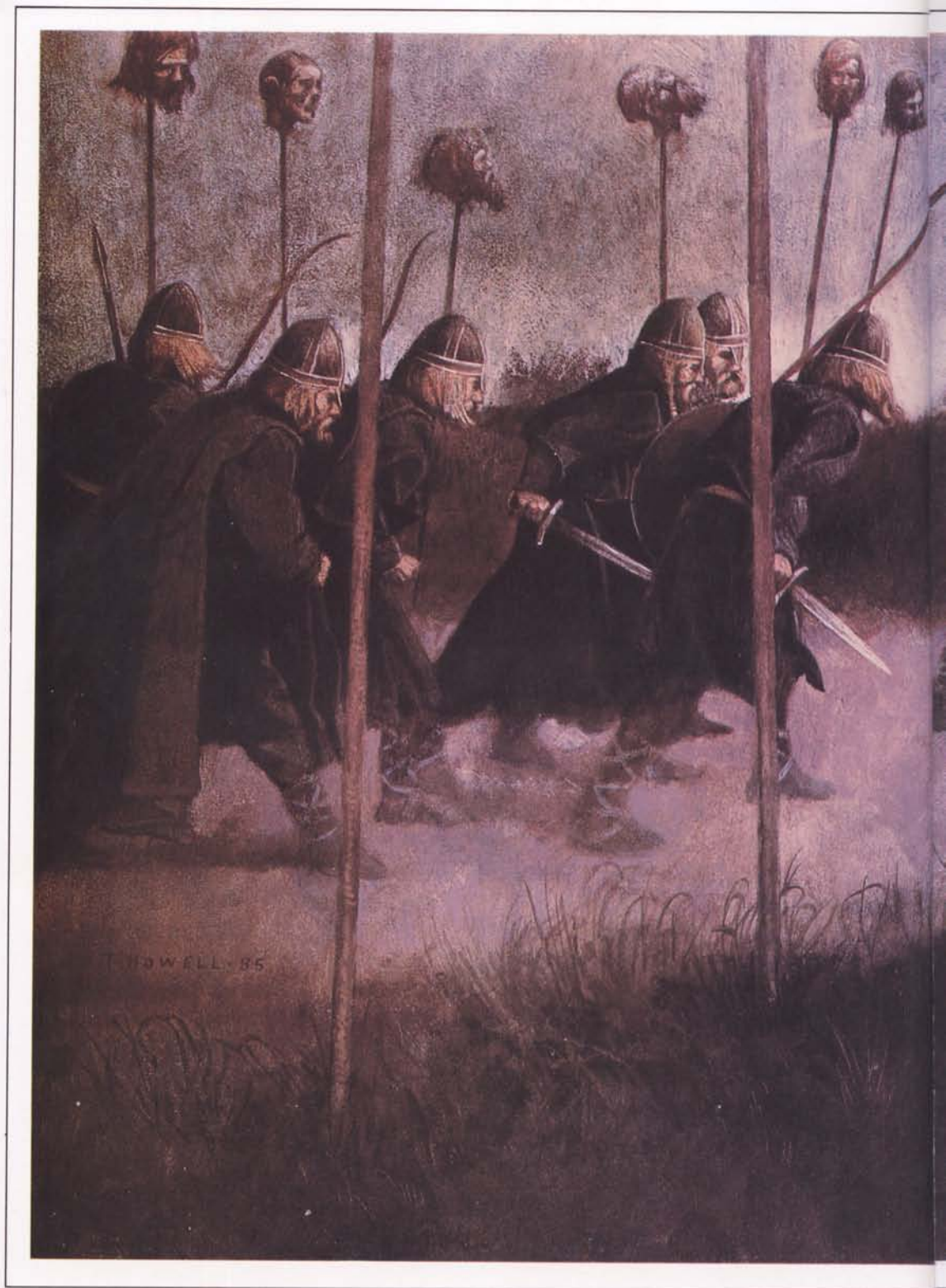
— Твоя еда слишком хороша для них, Гудмунд, — сказал Торкил.

— А что же мои дочери? — снова улыбнулся великан своей ледяной улыбкой. — Они достойны возлежать рядом с конунгами.

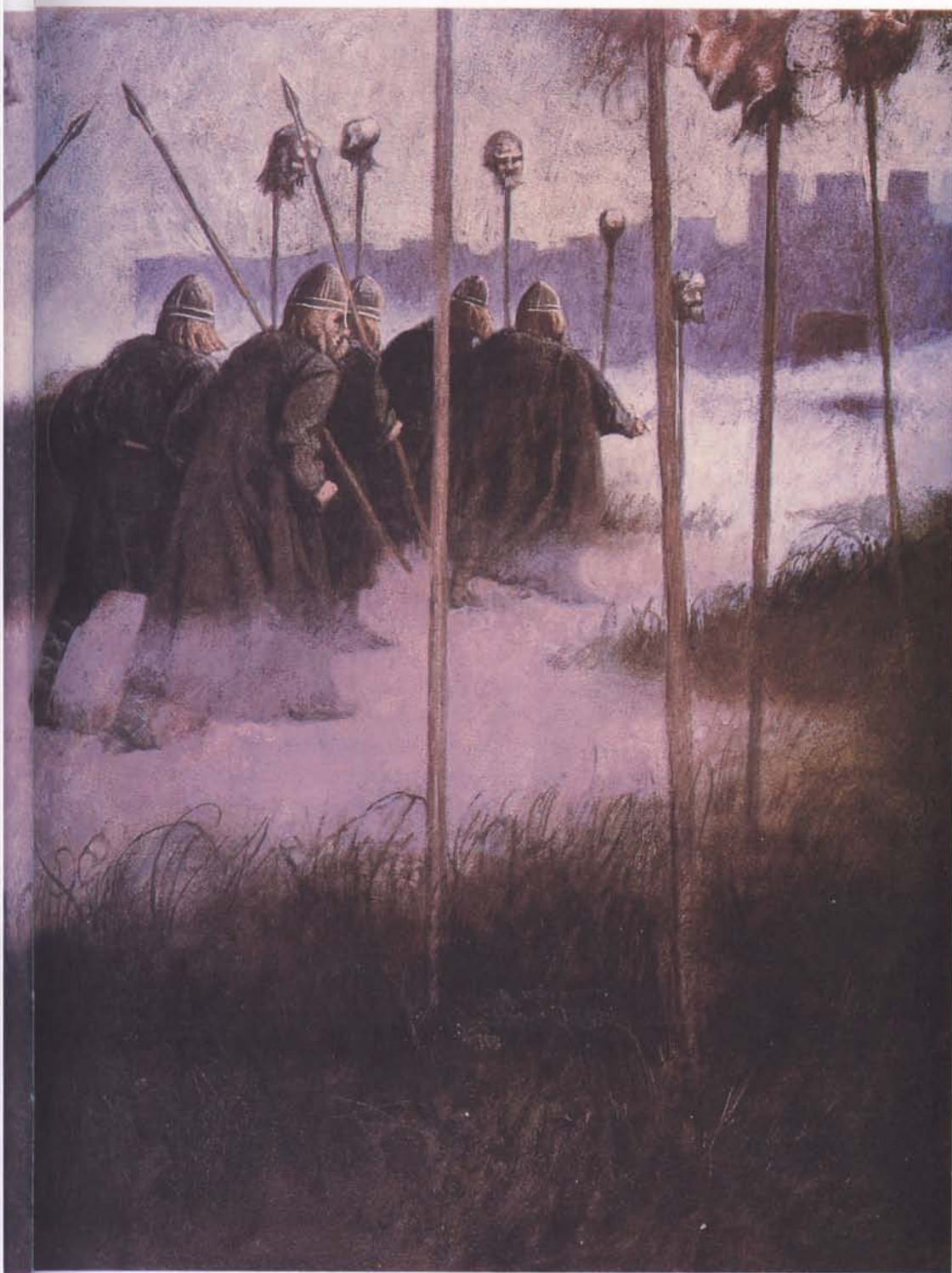
Это было так — женщины в ледяном дворце были высоки и стройны, белые, как лилии. Но Горм вежливым жестом отказался, и люди его последовали его примеру — все, кроме четверых, что вышли из строя, и, двигаясь, как во сне, приняли протянутые им руки. И тотчас разум, память и жизнь оставили их. На ледяной пол опустились они — не люди более, но тени в мире теней, пленники Пограничья на краю мертвого мира.

— Вы не говорите со мной, не хотите есть мою пищу и жениться на моих дочерях, — сказал Гудмунд. — Чем же тогда одарю я вас?

И тогда Торкил рассказал ему, что они пришли издалека ради того, чтобы

Печален был путь в страны мертвых, и это узнал Горм Датский. В конце мрачного своего пути, в ужасающем холоде, он шел со своими воинами под пустыми взглядами мертвых голов. Это был знак, послание непрошеным гостям, чтобы отпугнуть их.

увидеть мир мертвых, чтобы воочию узреть великана Гейрреда, что вечно сидит в своем замке, пригвожденный к стене раскаленным брусом. Тор метнул тот брусок в великана, когда они забавлялись играми. Моряки хотели посмотреть на дочерей великана, которым Тор переломил спины в богатырских забавах. А больше всего жаждали они увидеть выделанные гномами сокровища, которые великаны собрали еще до того, как началось время смертных. А в заключение Торкил попросил безопасного прохода в землю Гейрреда и обратно.

— Я позволю вам пройти, — сказал Гудмунд. — Передайте от меня привет брату моему Гейрреду, — с этими словами он вывел людей из ледяного дворца и повел их вдоль реки к мосту.

Под мостом в снежном блеске тускло золотилась вода. По другую его сторону была тропа, шедшая по острым плавучим камням. А за ней начиналась гать, пролежавшая по затопленной равнине. Датчане остановились у гати, потрясенные тем, что открылось им. Это было ужасное место, не предназначенное для взоров смертных. Земля здесь двигалась, вздуваясь пузырями, что-то булькало, струи испарений вились в воздухе. Вдоль гати были расставлены шесты, и на каждом из них была наколота почерневшая человеческая голова, — все, что осталось от тех, кто проходили здесь раньше. В отдалении прямо посреди равнины возвышалась гора, и сквозь окружавшую ее мглу виднелись стены и здания, громоздившиеся по безлесным склонам к стенам дворца.

Воины Горма дошли до горы и теперь пробирались по грязным улицам, на которых валялись растерзанные трупы мел-

ких животных. За людьми следили. Создания ночи крались следом за живыми по темным переулкам и дворам. Обитатели страны, где никогда не восходит солнце, бледные призраки со свисающей лоскутами кожей, они вопили и тараторили на непонятных языках, появляясь и исчезая во мгле — то ли тени, то ли пробудившиеся ото сна мертвецы.

Датчане взбирались все выше и наконец достигли лестницы, ведущей к огромным дверям дворца. Они были распахнуты и слегка покачивались в петлях, хотя ветра не было. Торкил поднял руку.

— Ничего не трогайте, — предупредил он. — Людям здесь ничего не принадлежит. Только смотрите — и тогда вы сможете вернуться и рассказать об этом живым.

С этими словами он вступил в твердыню старого великана Гейрреда.

Сквозь почерневшие от копоти двери воины вошли в огромный зал, вырубленный в скале. По стенам ползали, извиваясь, жирные безглазые твари. На полу валялись раздувшиеся оплывшие туши, вроде люди, но нечеловечески огромные. От них шла такая вонь, что дыхание перехватывало. Бестелесные твари — и человекоподобные, и непохожие ни на зверя, ни на человека, — плясали, раскачивались и скакали под музыку, которую людям не дано слышать.

И на весь этот разгул взирал со своего трона на уступе скалы великан Гейрред, который еще до того, как пришло время людей, вознамерился потягаться с богом-громовником. Из живота Гейрреда торчал железный штырь, черная желчь лилась из раны и стекала к его ногам на

волосы его дочерей, ползающих у его ног. Они не могли поднять головы, потому что спины их были сломаны.

Бледные, помрачневшие смотрели датчане на это вековечное злодейство, которому никогда не будет конца. Потом Торкил и конунг Горм вошли сквозь высокую арку в сокровищницу.

Богатства Гейрреда хранились в небольшой кладовой. Здесь воздух был свеж, а стены отражали свет, исходивший от изделий, сделанных руками гномов: золотых кружек, украшенных серебряной филигранью, слоновьих клыков, оправленный в золото, усыпанных драгоценными камнями браслетов... Там были изукрашенные рога для вина и пива с выгравированными на них рисунками, серебряные перевязи для мечей и тонко выделанные ткани. Для воинов, живущих грабежом, это было слишком сильным испытанием. Трое не выдержали и бросились к сокровищам. Один прикоснулся к слоновьему бивню, но тот повернулся под его рукой и пронзил его насквозь. Его товарища убил золотой браслет: он превратился в змею и выпил кровь из его сердца. Третий взял изукрашенный рог, но изображение дракона вспыхнуло и поразило его.

Тогда Торкил велел всем уходить. Слишком много смертей было здесь. Но было поздно: он сам уже не мог двинуться, ибо случайно положил руку на мантию, небрежно брошенную на камень. И как только он это сделал, все твари ночные собрались у двери в сокровищницу. Их усаженные зубами пасти распахнулись в крике, когтистые лапы потянулись к пришельцам. Казалось, сами стены рычали, рыдали, завывали и скалили зубы на датчан.

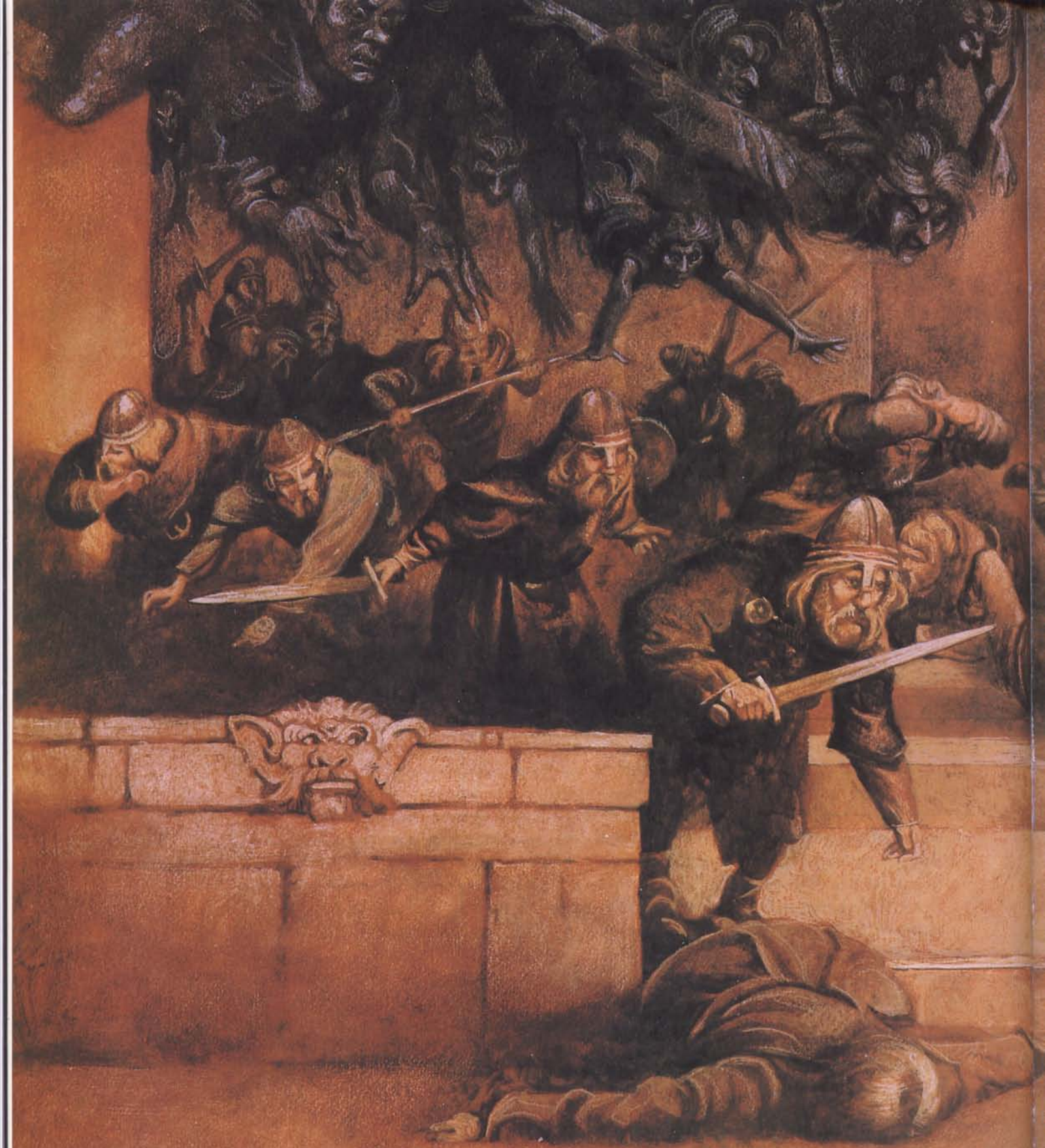
Воины прокладывали себе путь: впереди — лучники, за ними — копейщики и меченосцы, они стреляли, кололи и рубили, перешагивали через вонючие туши мертвецов, скользили и падали в уличную грязь, бежали прямо сквозь призрачных мертвецов. Они все же прорвались к гати, пробежали по золотому мосту и оставили позади разъяренных стражей владений Гейрреда.

Из всей команды лишь двадцать человек вернулись в Данию. Их слава гремит в веках — Горм, Торкил и те, что были с ними, побывали в мире мертвых, выжили и смогли поведать об этом.

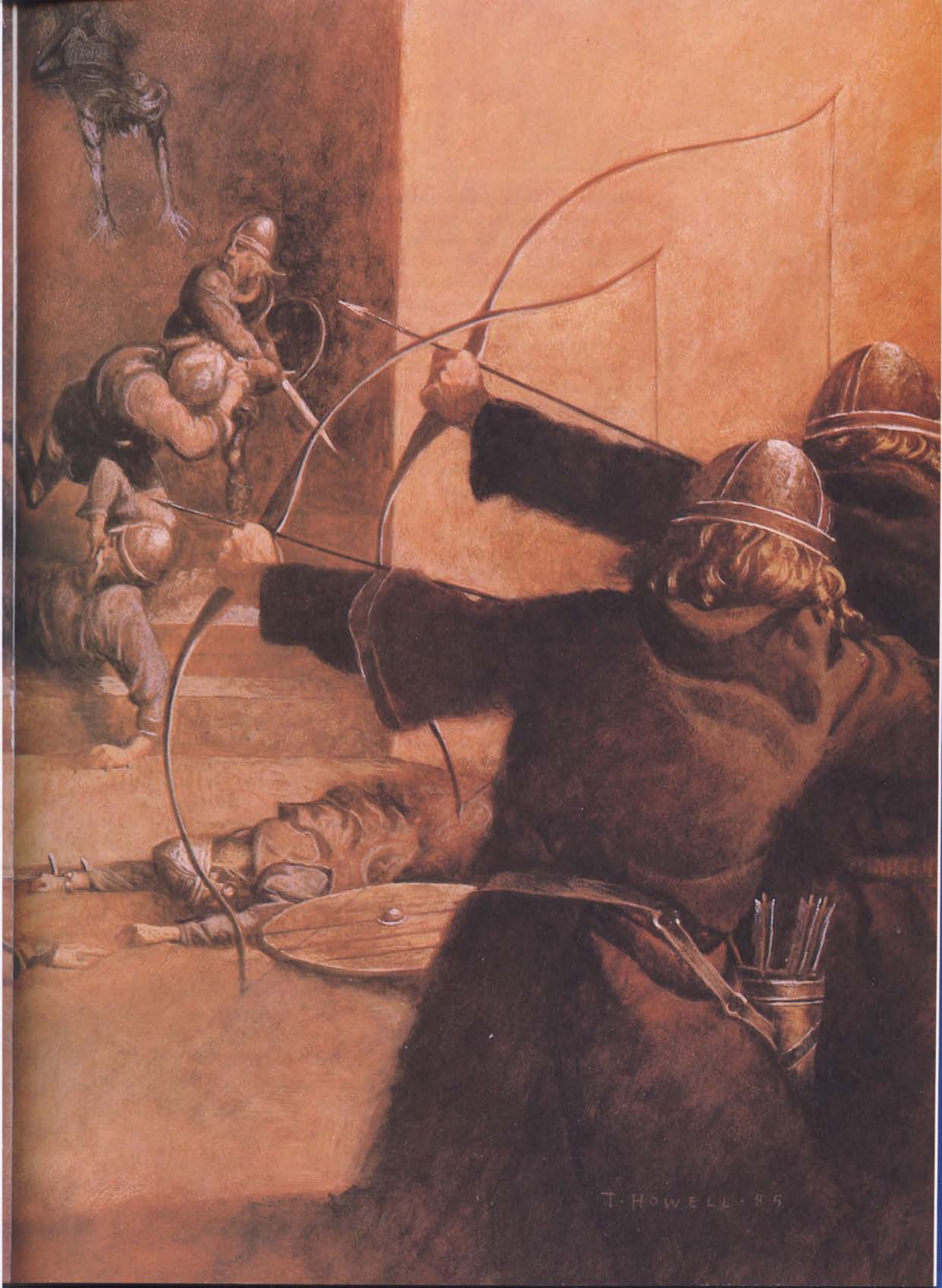
Любопытство придает людям храбрости. Зная, что человеку суждено умереть, но не желая верить, что душа обратится в ничто, люди искали путь в бессолнечные миры, лежащие за пределами жизни, в последнее прибежище людей.

Отчасти эти края принадлежат вечности. Первородные гиганты обитают там и старые боги, поразившие гигантов, а также бесчисленные поколения людей, что топтали землю с тех пор, как ее оставили боги. В загробном мире можно узнать тайны будущего и прошедшего, поскольку мертвые, созерцающие вечность, не только все помнят, но и знают все наперед. А еще там можно встретить своих любимых, давно обратившихся во прах — отцов, матерей и супругов.

Но где же эти страны вечной тени? Под землей, там, где на западе пустыня смыкается с горизонтом, говорили древние египтяне. Там течет могучая подземная река мимо входов в обширные пещеры, где томятся человеческие души. Души те проводят во тьме

Пробужденные прикосновением человеческих рук, древние демоны устремились на команду Горма, желая насытиться живой плотью и кровью.

свои дни, но по ночам, когда солнце заходит над их тюрьмой, овцеголовый бог Ра проплывает по реке в своей ночной ладье. На носу стоит бог-волк Упуат, Открыватель путей. Так Ра, бог солнца, приносит свет в этот темный мир. Проплывая мимо пещер, солнце ненадолго озаряет их стены, и бледные тени собираются у входов, вспоминая покинутый мир, простирая руки к теплым лучам, пока свет не исчезает вместе с плывущим по реке богом.

Души греков уходили в мглистую страну, что лежала за океаном, опоясывающим мир. Предки римлян обитали в обширной подземной стране, вход в которую был на берегах Авернского озера в Кампании. С точки зрения кельтских народов, загробный мир располагался к западу от их земель, на островах за океаном или за туманами. Там обитали фейри, и туда же уходили умершие.

Византийский историк Прокопий описал племя, обитающее на северном побережье Европы. Обязанностью этого народа было переправлять души умерших на остров под названием Бриттия, где, по словам историка, находилось царство мертвых. Глубокой ночью, говорит Прокопий, жители этих мест слышали невнятный голос, призывавший их к работе. Они поднимались, не в силах противиться, шли к берегу и там обнаруживали ожидающие их лодки. Они видели, что лодки тяжело нагружены и сидят в воде так низко, что волны лишь на палец ниже бортов и уключин, но никого в них не видели. Они брались за весла, чтобы за ночь доставить свой призрачный груз к берегам Бриттии. Там они причаливали к берегу и слышали голос, выкликающий имена. Посте-

пенно лодка становилась все легче и поднималась все выше, и наконец лодочник, освободившись от своих бесплотных пассажиров, греб домой.

Странная история, рассказанная Прокопием, вероятно, относится лишь к одному кельтскому племени. Во всех прочих случаях умершие путешествовали в одиночестве. Единственное, что могли сделать для них живые — обеспечить средства перехода, а это отнюдь не предполагало простую перевозку. Викинги, например, сжигали умерших вождей вместе с повозками, лошадьми, а иногда и с кораблями.

Скандинавы после смерти уходили в разные земли. Некоторые говорили, что под землей у мертвых девять миров. Другие верили, что они уходят, по примеру Гейрреда, далеко на север; третьи держались мнения, что покойники обитают в своих могилах или под курганами. Живые избегали появляться на кладбищах, полных неясных шепотов и завываний. Мертвецы были свирепы и охочи до живой плоти. И никто не нарушал их покой, хранимый призрачными огнями.

И все же в царство мертвых можно было попасть. Грек Эней посмел сойти в подземный мир, чтобы получить мудрость и благословение своего отца и узнать там прошлое, настоящее и будущее. Так же поступали и викинги, проникавшие в погребальные курганы, чтобы испросить помощи у своих предков.

В этих краях обычны рассказы о родителях, на смертном одре обещающих детям помощь и защиту или ласково ободряющих их из могилы. Вот

какую историю рассказывали об исландском воине Свипдаге.

Имя его значило «сияющий, как день», и среди товарищей не было ему равных. Но мачеха не любила Свипдага и устроила ему ужасное испытание. Он дал ей клятву, что возьмет себе в жены девушку из царства, где еще правят великаны и древние боги. Даже для храбрейшего из мужей это означало верную смерть. Воины севера помнили, сколько бойцов конунга Горма нашли свою гибель во дворце великана. А потому прежде чем отправиться туда, Свипдаг поступил так, как завещала ему родная мать незадолго до своей смерти. Он пришел один на ее могилу и там, в кругу погребальных огней, среди мечущихся теней, воззвал к своей матери, выкликая ее имя — Гро, — чтобы та пробудилась от вечного сна. И голос ответил из-под кургана, он был ясно слышен в столах ветра:

— Что за кручина заставляет сына звать к своей матери, покинувшей мир живых?

Свипдаг поведал, какой подвиг предстоит ему совершить и попросил дать ему заклинания, чтобы ускорить свой путь. И Гро, наделенная мудростью мертвых, дала ему девять древних заклятий, чтобы служили они ему щитом и защитой.

Первое было благословением, и должно было хранить Свипдага. Второе состояло из песен, которые должны были уберечь его от враждебных чар, способных лишить его воли. Третье заклятие было щитом от широких рек — если разольются они, оно заставит воды уйти под землю. Четвертое заклятие ж сжимало вражьи сердца и удерживало вра-

гов от нападения. Пятое должно было облегчить бремя, возложенное на Свипдага, а шестое — успокоить бурные моря, которые ему предстояло пересечь. Седьмое защищало от мороза, а восьмое ограждало от ночных чар, насылаемых из мглистых пустошей. Девятое же заклятие делало Свипдага искусным в словесных поединках, ибо старые боги, с которыми ему предстояло столкнуться, были очень мудры, а сами их речи — опасны.

И когда Свипдаг отправился на север в царство старых богов, реки наступали перед ним, и бури стихали. Когда спускалась тьма, огонь плясал на его тропе, чтобы освещать ему путь. В одиночку Свипдаг пересек кишачище призраками пустоши и темные леса, и даже море мрака открыло ему путь.

Наконец пришел он в замок той, которую искал. В глубоких снегах стоял замок, окруженный частоколом и огненной стеной. Древний великан и адские псы стояли на страже. Но Свипдаг победил великана одними лишь словами, мудростью доказав свою силу: он задавал вопросы, на которые великан вынужден был отвечать.

Свипдаг узнал, как боги построили этот замок и окружили его огненной стеной. Он разузнал о невесте, спрятанной там — в ее жилах текла кровь богов. Он узнал ее имя — Менглот, что значит «Радость в ее ожерелье». Должно быть, она была в родстве с богиней любви Фрейей, чье ожерелье Брисингамен сияло, как солнце, опускающееся в море.

Загадку за загадкой разгадывал Свипдаг, и в конце поединка узнал свою

*Иногда живым удавалось избежать смерти, получив помощь от мертвых.
Так случилось со Свиндагом. Он пришел на могилу матери, и она дала
ему оружие и чары, хранившие его во время поисков невесты.*

судьбу: Менглот была предназначена смертному, у которого хватит мудрости, чтобы завоевать ее. И этим мудрецом был он сам. Так что великан отдал невесту без боя. Свипдаг доставил ее в наш мир целой и невредимой — и все благодаря оберегающим закланиям, которые дала ему покойная мать.

Хотя мертвые обладали волшебными силами, далеко не все ужасы, с которыми живые сталкивались в загробном мире, имели отношение к волшебству.

Из всех рассказов о путешествиях в мир иной нет печальнее историй о несчастных влюбленных, желавших победить смерть и вернуть под лучи солнца своих возлюбленных.

Сами боги пытались совершить это. Некогда месопотамская богиня Иштар, которой поклонялись в Уруке, Ниневии и Аккаде, сошла в царство мертвых.

Иштар была богиней любви и плодородия, божественной распутницей и великой матерью. Ее воплощала планета Дильбат, позже известная под именем Венеры. Спутником ее был Таммуз, бог растительности и урожая. Он умер и ушел в нижний мир.

В глубокой скорби Иштар последовала за Таммузом в страну мертвых, которую вавилоняне называли «Страной без возврата», в мир смерти за семью вратами. Там нет света, мертвые носят одежду из перьев и питаются пылью и глиной.

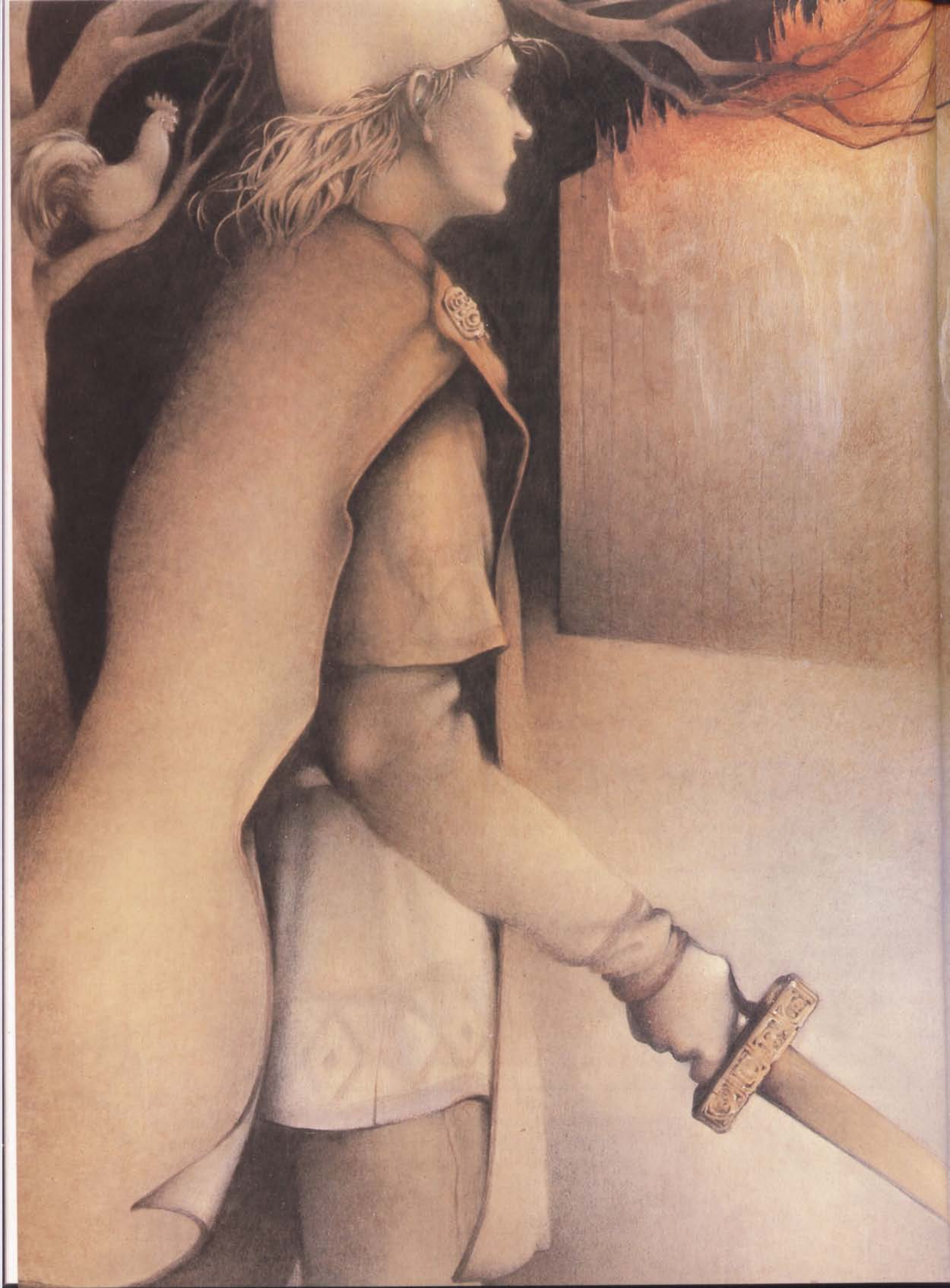
Чтобы проделать путь к центру этого мира, Иштар пришлось снять с себя все одежды. У первых каменных ворот она сняла свою увенчанную звездами корону, у вторых — драгоценные серьги, у третьих — царское ожерелье, у четвертых — нагрудник, у пятых — сверкающий пояс, у шестых — брасле-

ты с рук и ног, и у седьмых — покрывало. Когда наконец она подошла к трону Эрешкигаль — своей сестры и царицы загробного мира (сама Иштар царствовала в мире живых), — она была совсем нагой и беспомощной как дитя. Она молила Эрешкигаль вернуть к жизни своего любимого. Но царица мертвых решила показать свою власть и превратила Иштар в пленницу, страдающую от боли и немоции.

Все живое на земле оплакивало Иштар. В тростниковых болотах Вавилонии умирали водяные птицы. На широких нивах перестали расти ячмень и пшеница. Горячее солнце жгло города, кирпич трескался, и пыльные улицы превращались в настоящее пекло. Животные не размножались. Мужчины и женщины перестали любить друг друга, и дети перестали рождаться.

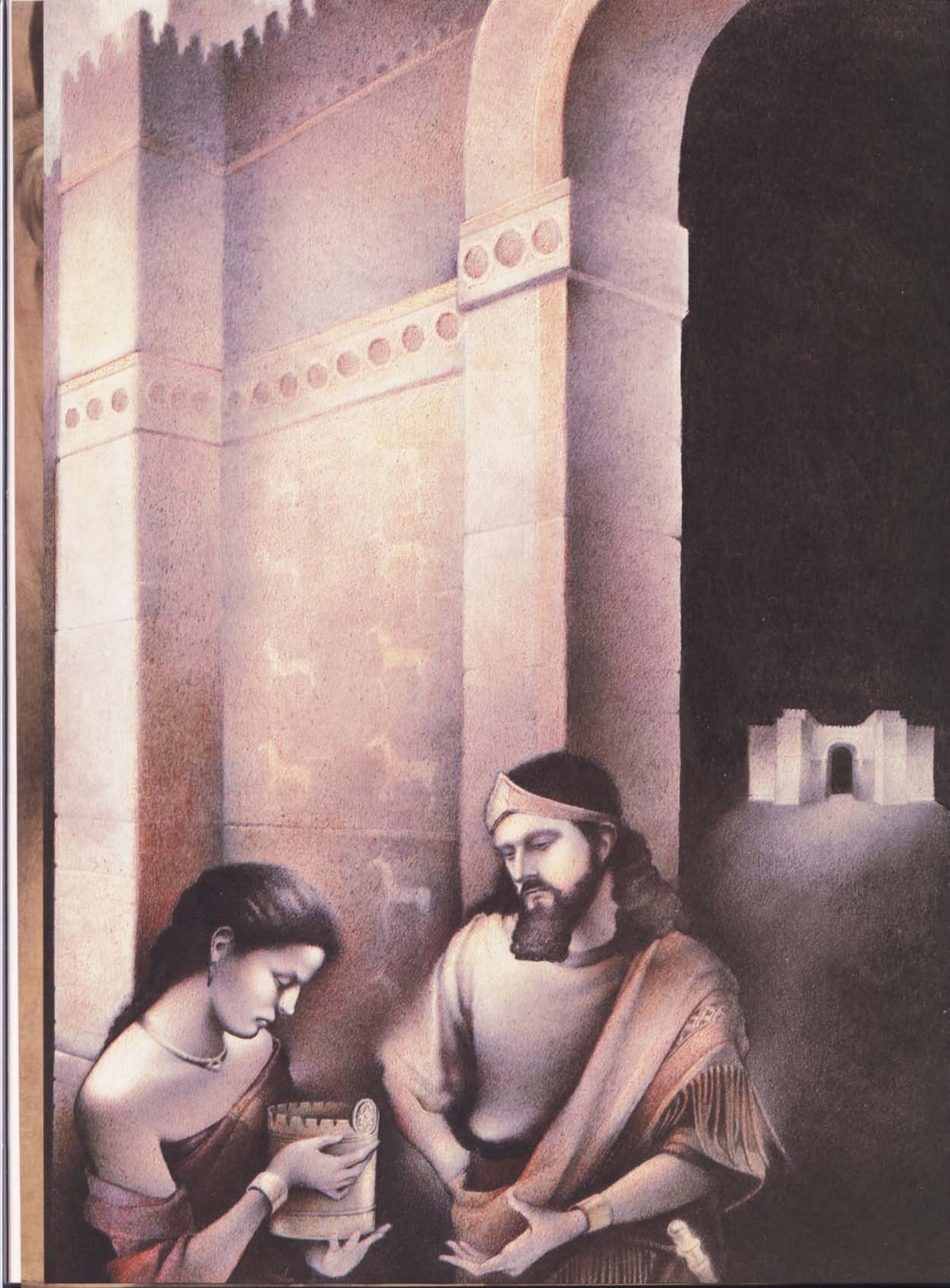
Древние боги мудрости, увидев, что земля становится бесплодной и обречена на смерть, сотворили заклинание, чтобы спасти богиню. Его должен был донести посланник, которому суждено было заменить Иштар, томящуюся в плену, посланник, предназначенный царству пыли и глины. Бог Эа послал евнуха. Замена была принята, и Иштар снова была свободна. Она вернулась в мир по длинной дороге через семь врат.

Она принесла Таммуза обратно в мир, и после ее возвращения земля расцвела вновь. Зеленые ростки пробивались сквозь растрескавшуюся глину, животные вновь плодились и размножались. Но в летнее солнцестояние, как бы надеясь смягчить смерть, вавилоняне оплакивали мертвого Таммуза пе-

В стране великанов, за огненной стеной стоял замок невесты Свидга.
С помощью своей покойной матери юноша преодолел все преграды,
отделяющие его от невесты.

чальным пением флейт и гимнами, в которых сравнивали его с увядающими цветами. И каждый год он на время исчезал, оставляя землю на шесть бесплодных зимних месяцев.

Такова была власть нижнего мира. Смерть правила всем, и даже великие боги были бессильны противостоять ей. Жизнь цветет лишь по прихоти смерти, говорили жрецы Таммуза.

В странах севера дело обстояло так же, как и в Вавилонии. Задолго до того, как появились люди, прежде, чем появились первородные великаны и потерпели поражение в битвах с богами и были заключены навсегда в безжизненных землях, северные боги Тор и Один вместе со своими сородичами правили верхним миром, сидя в своих заоблачных дворцах. Радужный мост спускался оттуда в Мидгард — Средиземье — место, предназначенное для людей (хотя боги могли бывать везде, где им заблагорассудится). Под Средиземьем располагались девять подземных миров Нифльхейма — Мглистого мира, — владения богини Хель и пристанище мертвых. Власть Хель была абсолютной, даже боги боялись ступить на ее холодные земли. Сам Один, всеотец, в мирах Хель был не более чем посетителем. Это подтверждает история Бальдра.

Бальдр, чье имя означает «Сияющий», был сыном Одина и самым любимым богом. Так он был прекрасен, что все духи земли и неба — от морских волн до деревьев в лесу — поклялись перед богами не причинять ему зла. Только ничтожную омелу, сотворенную позже других и совершенно без-

вредную, избавили от клятвы. Узнав это, бог Локи, злоязычный обманщик, ненавидящий всякую радость, подговорил слепого бога Хеда в шутку бросить ветвь омелы в Бальдра — все равно тому ничего не сделается. Но ветвь омелы пронзила Бальдра, и светлый бог упал.

Все небеса — боги и великаны, альвы и гномы — оплакивали Бальдра. Они положили тело его в ладью и подожгли ее. Ладья исчезла в море, а душа Бальдра отправилась в нижний мир.

Но Один ничем не мог унять свою печаль. Он послал своего сына Хермода, брата Бальдра, в нижний мир, чтобы вымолить у богини жизнь Бальдра.

Вскочив на коня Одина, восьминогую Слейпнира, Хермод отправился в путь по радужному мосту. Девять ночей скакал он темными и глубокими долинами, пока не подъехал к холодной реке Гьелль, что значит «Шумная», и не ступил на мост, выстланный светящимся золотом. Вход на мост охраняла ледяная дева Модгуд.

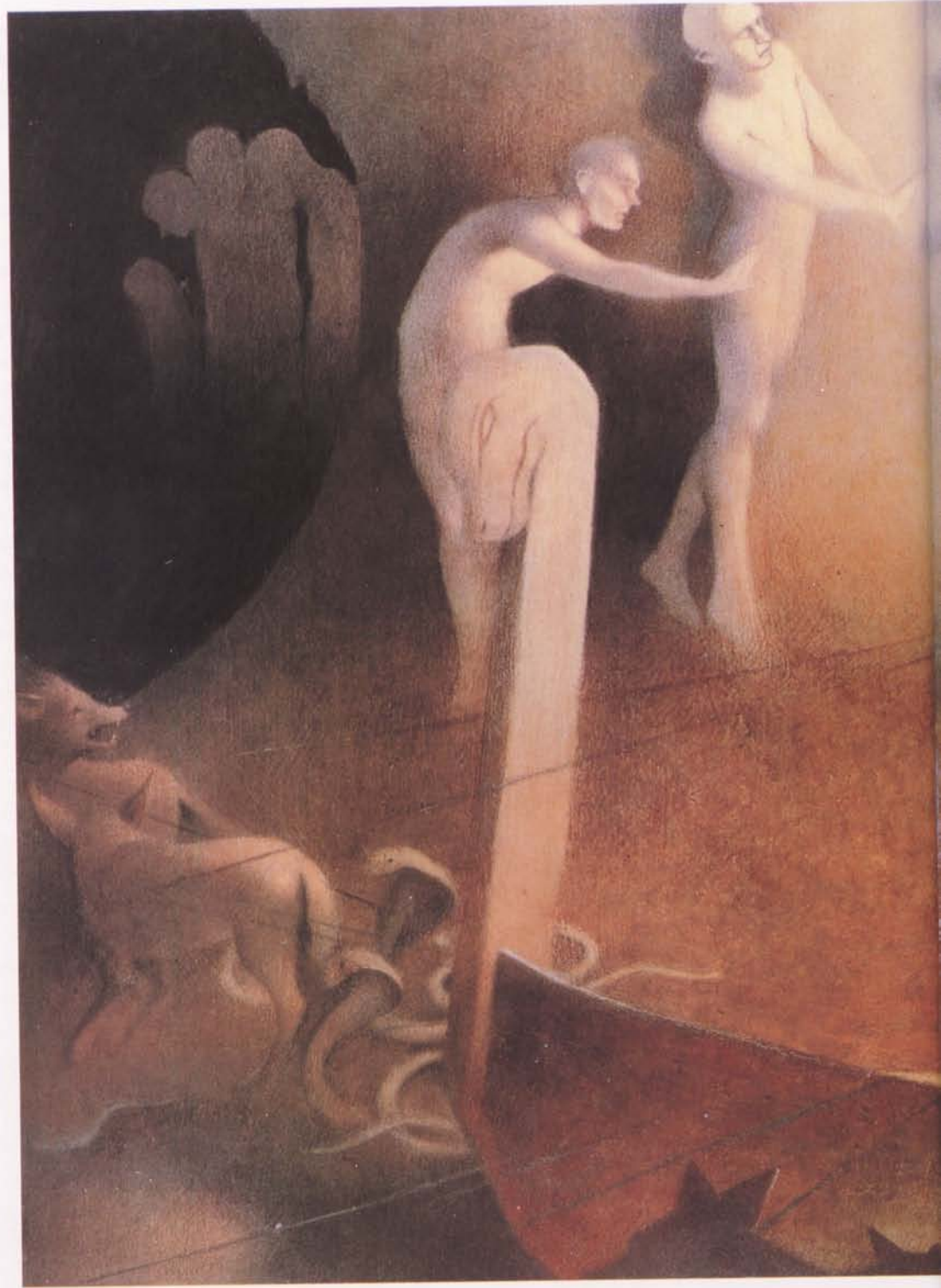
— Зачем ты идешь по дороге в Хель, странник? И лицом не похож ты на мертвеца, — обратилась она к нему.

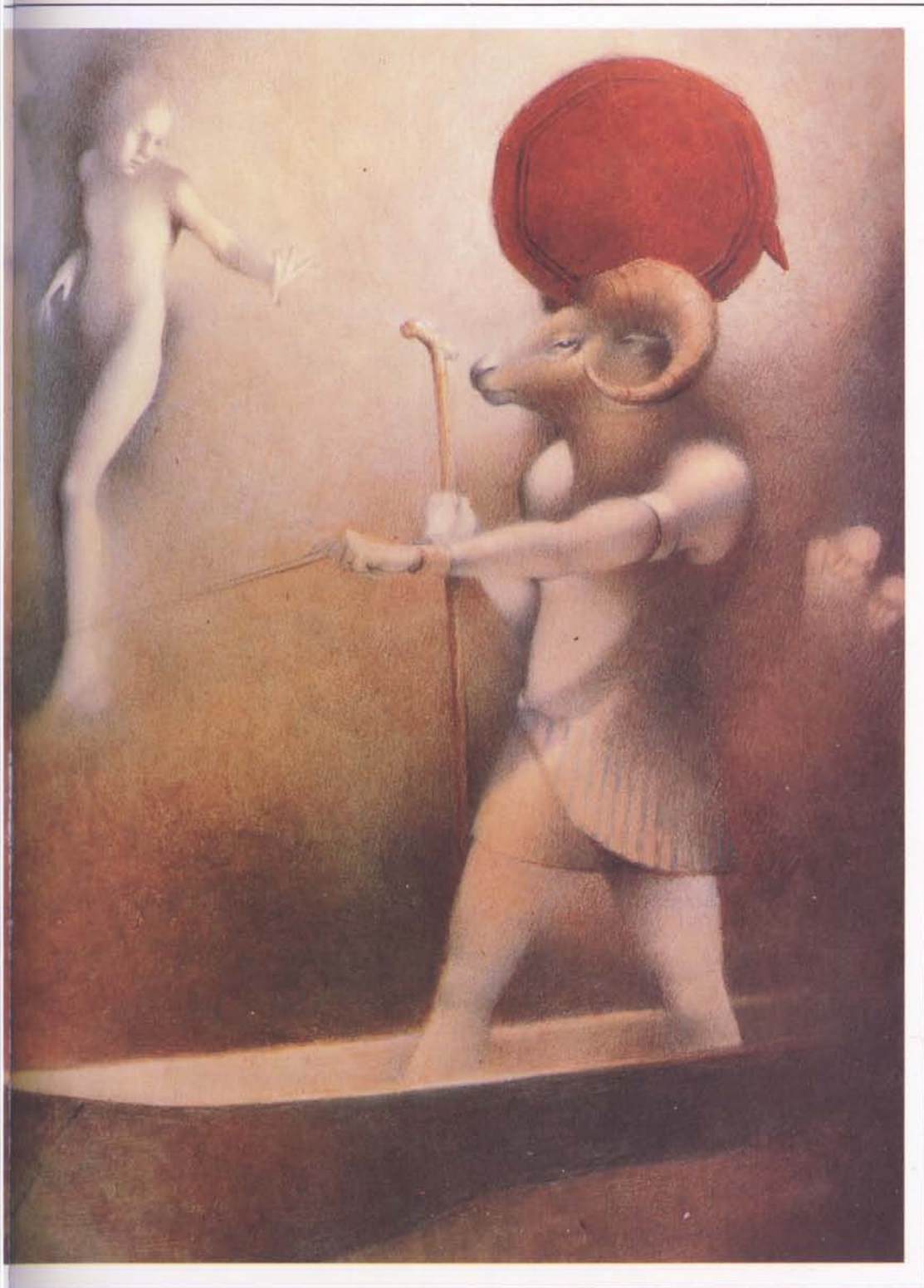
— Я иду, чтобы разыскать Бальдра Светлого и ту, что заботится сейчас о нем.

— Бальдр проезжал здесь, — сказала дева. — Спускайся в Нифльхейм, дорога в Хель ведет к северу и вниз.

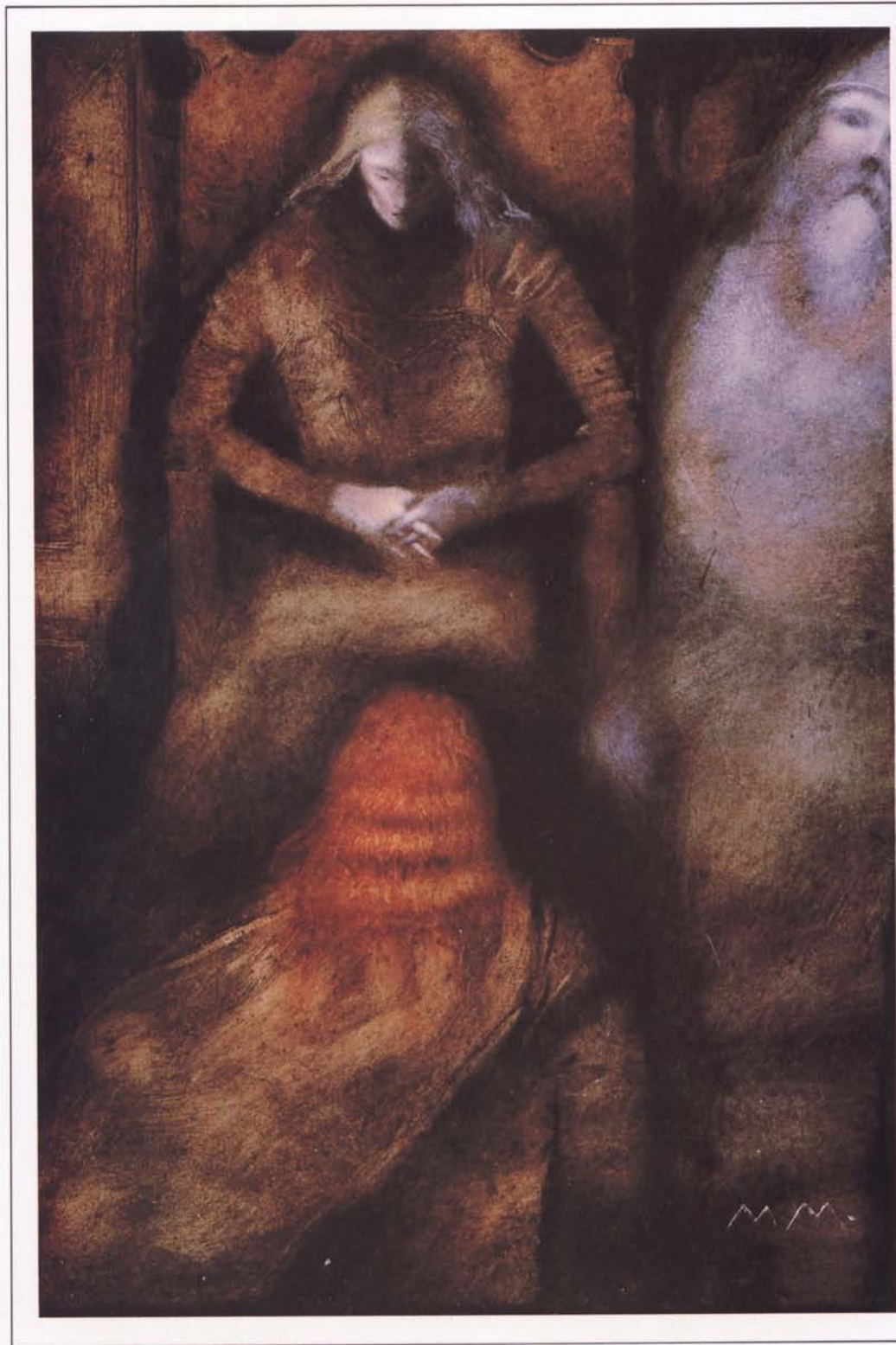
И Хермод отправился дальше, и ехал, пока не прибыл прямо в покои Хель. Он вошел в ее тронный зал и увидел там брата своего, Бальдра. Тот, недавно умерший, принес Хель приветствия из мира живых. Богиня посмотрела на него со своего трона. Одна половина ее лица была как у женщины, с ярким оком и пухлыми губами. Другая же половина была неживая и нерожденная.

В Месопотамии рассказывали о богине Иштар, сошедшей в подземный мир в поисках любимого. Чтобы соединиться с умершим богом Таммузом, Иштар отдала стражам царства мертвых свою власть.

Миры мертвых скрываются повсюду. Души умерших живут под пустынями Египта в мрачных пещерах, что тянутся вдоль темной реки. Ночами лишь ненадолго озаряет их свет, когда на своей барке, влекомой кобрами и шакалами, проплывает мимо бог солнца Ра.

Скандинавы пели о Бальдре, любимом сыне небес. Когда смерть призвала светлого бога к себе, его брат отправился в нижний мир и, рассказав о том, что вся земля погрузилась в скорбь, упросил царицу мертвых вернуть Бальдра к жизни.

— Вот проситель пришел, — сказала она, увидев Хермода, и засмеялась.

Тут Хермод попросил вернуть Бальдру жизнь. Все небо и вся земля скорбят о его смерти, говорил он.

— Вот как? Тогда пусть вся земля плачет, пусть все твари живые проливают слезы по Бальдру, и я отпущу его из своего царства, — ответила Хермоду богиня.

И по слову богов все на земле и на небе заплакали по Бальдру. Облака пролили дождь, листья на деревьях покрылись росой, слезы выступили на камнях. Только одна тварь не плакала. Это была старая великанша, завалившаяся спать в пещере.

— Пусть Хель хранит то, чем владеет, — сказала она. И полагают, что это был зловредный Локи, но в другом обличье.

И Хель сберегла то, чем владеет, несмотря на мольбу всего мира.

Сказания ночи сходятся в главном: кто бы ни вступил в нижний мир — бог, мужчина или женщина, — в конечном счете никому не под силу одолеть владыку тьмы. Это не удалось даже Орфею, песнопевцу из Греции, чья музыка могла вызволять мертвых с того света.

Орфей спустился в загробный мир, чтобы отыскать тень своей жены, Эвридики, и своим пением он смог вывести ее на тропу, ведущую в мир живых. Он почти уже вывел Эвридику, но прервал свою песнь и обернулся, чтобы убедиться, идет ли она за ним, — хотя боги велели ему ни в коем случае не смотреть в лицо тех, кто еще во власти смерти. И как только Орфей взглянул на свою любимую, Эвридика повернулась и ушла

обратно во мрак, оставив его в вечной печали.

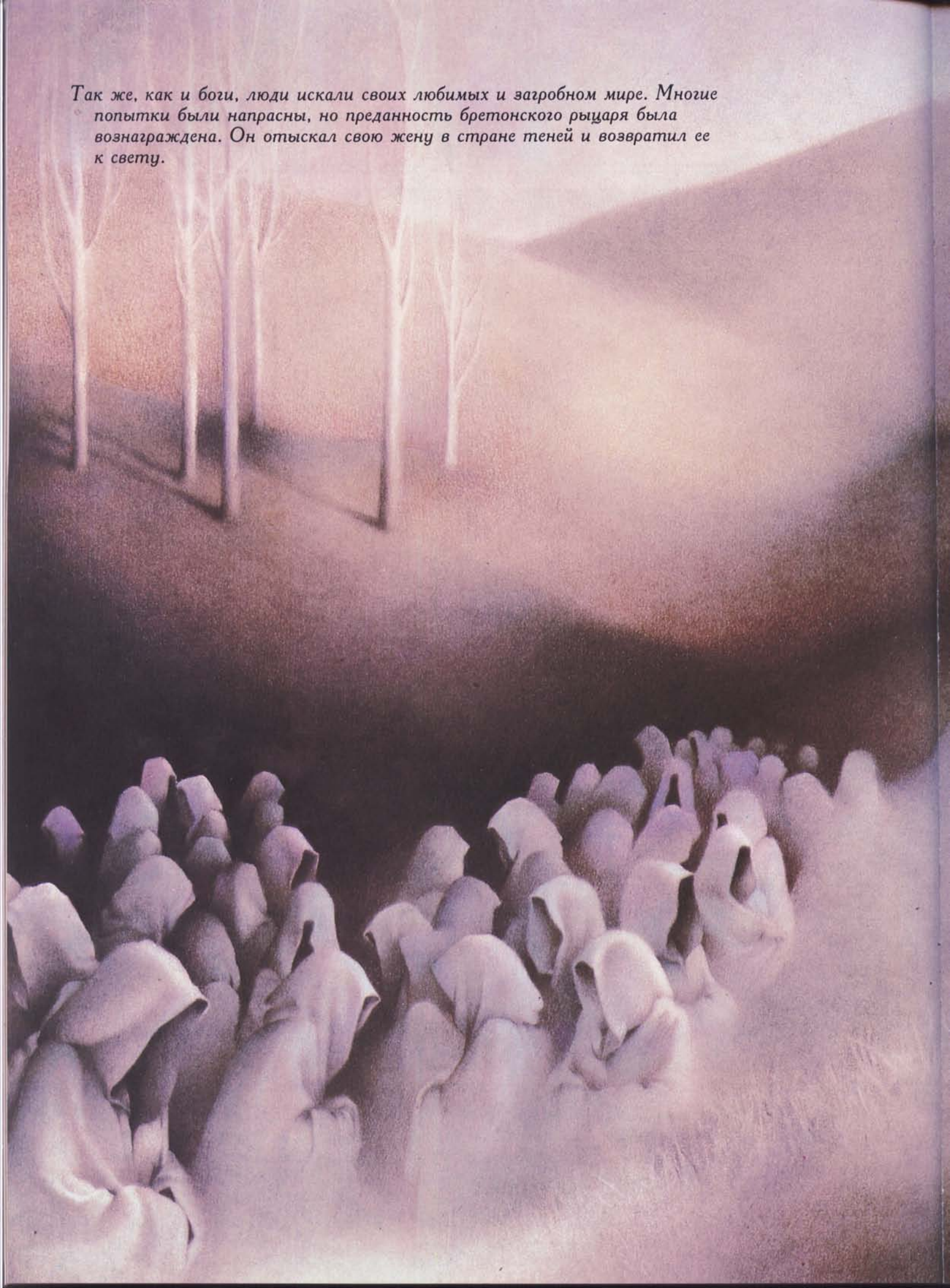
Из всех историй о несчастных, что пытались вырвать из лап смерти своих любимых, лишь одна оставляет надежду. Этот коротенький рассказ затесался в хронику, составленную средневековым монахом. У героя его нет имени, о нем известно лишь, что он был храбрым и любящим человеком.

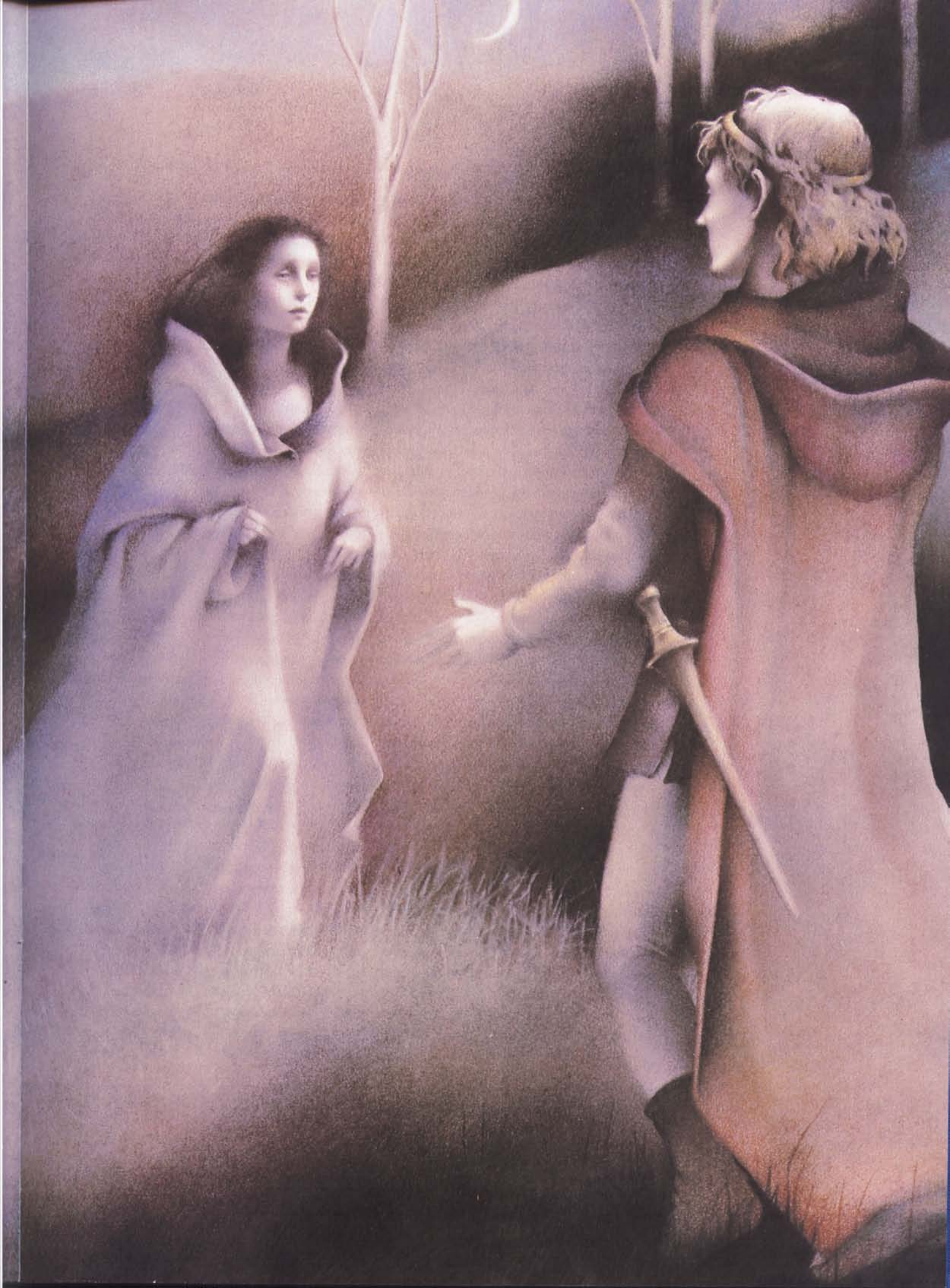
Дело было в Малой Британии, как тогда называли Бретань. Жил на свете некий рыцарь, и была у него красавица жена, а когда она умерла, он похоронил ее в соответствии с обрядом и соблюдал положенный траур. Но и после того, как время траура истекло, он не мог избавиться от горя и воспоминаний. Тогда он в одиночестве отправился в путь. Долго шел на Восток, через холмы и леса, через высокие горы и широкие реки и наконец пришел в скалистую пустыню. Здесь, в лунном свете, отыскал он долину и увидел там женщин в светлых одеждах. Они бродили тут и там, тени в стране теней, и когда они ступали по мелкому песку, шагов их не было слышно. Рыцарь подъехал к ним, и они расступились, хотя ни одна не подняла на него глаз.

И вдруг взгляд темных глаз столкнулся с его взглядом. Его жена была здесь. Без страха, без колебаний он спешился и обнял ее. Она не исчезала и не противилась. Тогда посадил рыцарь жену на коня и ускакал с ней единственно верным путем.

Похитив ее из мира мертвых, он прожил с ней много лет в союзе столь же приятном и открытом, сколь и прежде, и имел от нее детей, потомки

Так же, как и боги, люди искали своих любимых и загробном мире. Многие попытки были напрасны, но преданность бретонского рыцаря была вознаграждена. Он отыскал свою жену в стране теней и возвратил ее к свету.

коих многочисленны и зовутся «сыновьями мертвой матери».

Эта история уникальна — если в нее вообще можно поверить. Но есть множество рассказов о воссоединении любящих иным способом — когда за любимыми следовали в мир иной и оставались там навеки.

В некоторых странах поступить так было делом чести и доказательством любви. От Индии до берегов северных морей некогда существовал обычай, согласно которому жена приносила себя в жертву после смерти мужа, чтобы навсегда остаться в его объятиях.

Скандинавы рассказывали о конунгах, что после битвы наполняли ладьи трупами и присоединялись к павшим товарищам. Говорят, что предводитель моряков Хаки, сам тяжело раненный в битве, взял рулевое весло погребальной ладьи, приказал поджечь ее и умер в великом пламени среди вод, в кругу своих товарищей. Рассказывали и о конунгах, что, почувствовав приближение смерти, живыми спускались в родовые курганы, в сопровождении воинов, которые не желали покидать вождя.

Эти вожди уходили в загробный мир хорошо обеспеченными, поскольку скандинавы заботились о том, чтобы их знать ни в чем не нуждалась в темных курганах. Иногда сжигали целые корабли вместе с вождем, восседающим на деревянном троне на корме. Вместе с вождем в загробный мир отправлялся и его конь в дорогой, украшенной золотом и серебром сбруе, его охотничьи собаки и ястребы должны были покоиться у его ног. И еще у него должно было быть оружие: меч в ножнах, бронзовый, золотой или серебряный шлем, боевые то-

поры и копья. И, конечно же, драгоценности и сокровища: золотые пряжки, чаши из золота и серебра, рога для питья из слоновой кости, бронзовые сосуды и кошельки с золотыми монетами. Чтобы уходящие и в мир иной не испытывали недостатка в провизии, в погребальной ладье были клетки, полные зерна, яблок, свиных, бараньих и говяжьих туш.

В царственном блеске сидел вождь, иногда вместе со своими рабами, иногда со своей женой или воинами. Лишенные света мира живых, они все же располагали всеми его благами. Погребенным под курганами не было никакого дела до мира, что они оставили.

Некотрые вожди, однако, после смерти становились опасными. Не принадлежа более к роду человеческому, их разлагающиеся тела набирали силу и ярость, пока не превращались окончательно в кровожадных тварей, которых скандинавы называли «драугар». Когда такое случалось, призрачные огни ярко разгорались вокруг курганов, и благоразумные люди старались держаться подальше.

Но не все были благоразумны. Хотя курганные поля таили опасность, они хранили и сокровища. Грабители часто пытались вскрыть царские захоронения. Именно грабители — хотя прежде всего они были воинами — записали сказание об Освите и Осмунде.

Сыновья богатых норвежских конунгов жили как сводные братья близ извилистых ледников на западе Норвегии. Вместе они учились искусству битвы, вместе ходили в юности под парусом и

смешали кровь в знак побратимства. В доказательство взаимной преданности они поклялись, что если один из них умрет, то другой заживо сойдет с ним в могилу. Это была самая серьезная клятва, и вскорости она исполнилась. Освит умер — намного раньше, чем смог претендовать на наследство своего отца, и прежде, чем самому стать отцом.

В скорби Осмунд провел все дни, пока его сводный брат лежал в доме отца, бледный и недвижный, окруженный факелами и людьми, что заботятся о теле после смерти. Осмунд ждал, пока женщины не соткали саван и не обрядили его брата, ждал, пока они не надели плащ ему на плечи и не скололи его пряжкой. Осмунд ничего не сказал, даже когда тело брата понесли вверх по каменистому склону горы, туда, где люди хоронили мертвых. Осмунд шел позади и вел коня Освита и его охотничьих псов. Он сам принес коня в жертву, оросив землю кровью из его глотки, совершив приношение нижним богам. Он заколол копьем скулящих собак. Он дождался, когда откатят камни от входа в курган и положат жертвы.

Осмунд смотрел, как тело его брата усаживают на деревянный трон. И лишь после этого он спустился в могилу. Его товарищи все поняли и не рыдали. Они дали ему немного соленого мяса, воды и хлеба. А потом начали замуровывать вход землей и камнями, закрывая серое небо, с которого сыпал снег.

Во тьме, окутанный вонью от убитых животных и тошнотворным запахом разлагающегося трупа, Осмунд ждал своей смерти. Он слышал последние

звуки песнопений вокруг кургана. Потом голоса стихли, и тишина наполнила пристанище мертвых. Но длилась она недолго.

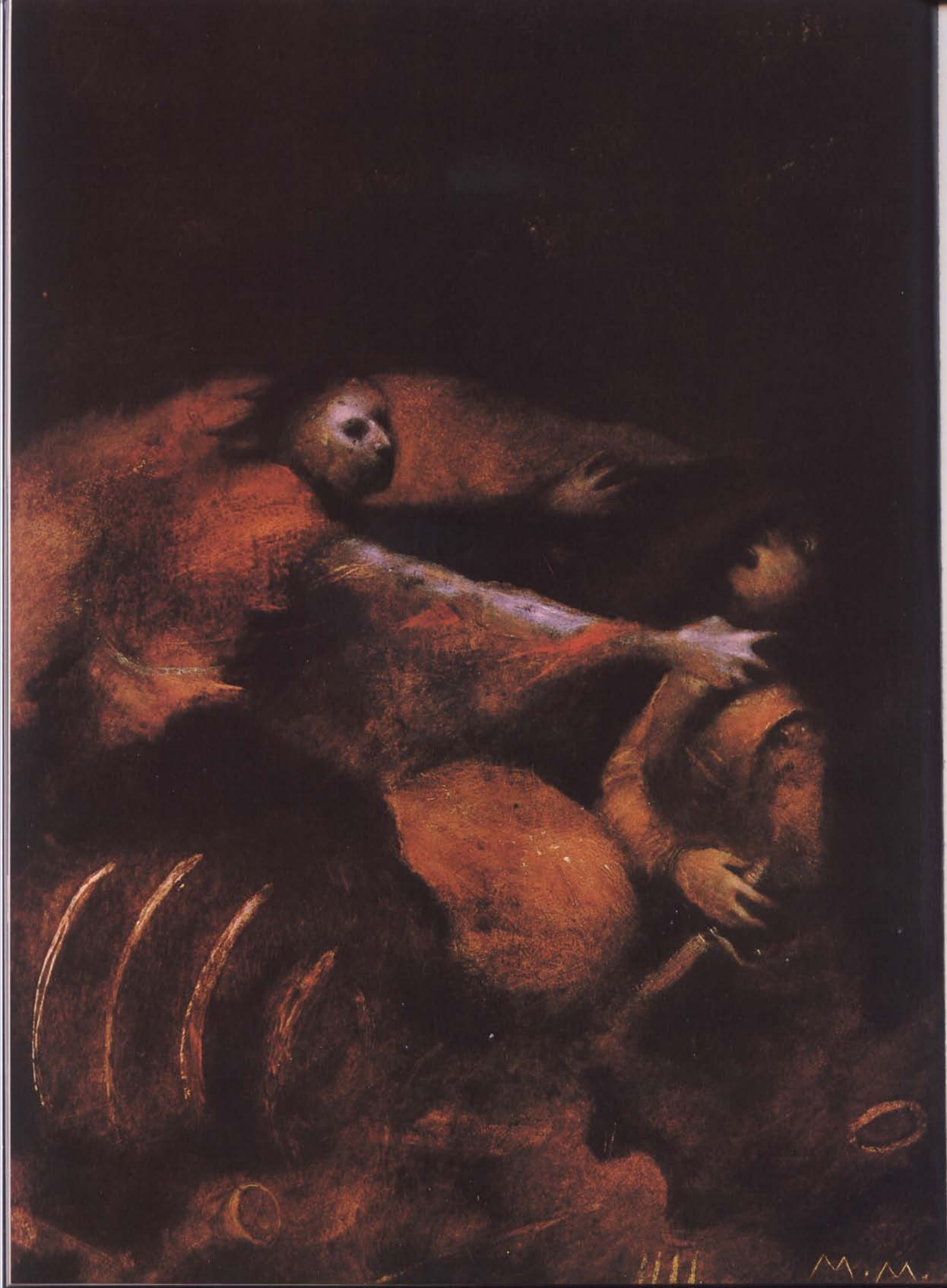
Шорох послышался во тьме. Какие-то земляные твари, должно быть, пробирались в дом мертвеца. Звук прекратился, потом возник снова, и на этот раз послышалось клцанье зубов и царапанье ногтей по камню.

Осмунд весь превратился в слух.

— Я голоден, — прозвучал голос, глухой и невнятный — верно, из-за того, что у мертвецов распухает язык.

Осмунд ничего не ответил. Клцанье и скрежет становились все громче. То, что некогда было его братом, двигалось, шаря мертвыми руками по полу склепа, несомненно, в поисках пищи. Оно рычало. Осмунд услышал, как зазвенела конская упряжь, услышал, как рвется плоть и хрустят кости, когда Освит начал пожирать жеребца. Долгие часы насыщались тварь, и все это время Осмунд сидел неподвижно, вжимаясь спиной в холодный камень стены. Потом тварь успокоилась, но Осмунд по-прежнему сжимал боевой топор, который положили с ним в могилу, и ждал. Через некоторое время тварь вновь зашевелилась, занявшись на этот раз трупами собак, и снова затихла.

Когда она проснулась в третий раз — Осмунд не знал, сколько часов или дней провел он в могильной тьме — то стала бродить по склепу, нащупывая путь вдоль стен и переступая через раздробленные кости. Подойдя к углу, где сидел Осмунд, тварь остановилась.

— Теплая кровь, — пробормотала она. — Что делает здесь живой?

И Осмунд севшим от страха голосом ответил:

— Здесь твой брат. Как я и обещал, когда давал тебе клятву.

Кашляющий смех эхом отразился от камня.

— Живым здесь не место.

И тварь бросилась на него, словно все видела в этой кромешной тьме. Железная хватка сомкнулась на его шее, клыки впились в плечо и щеку. Отчаянно, вслепую, Осмунд взмахнул боевым топором. Собрав все силы, он сумел вырваться и перекатился к центру склепа.

Но драугар уже был над ним, снова клыки скользнули по лицу Осмунда, и горячая кровь потекла по шее. Осмунд высвободился, но тут же снова почувствовал страшную боль — тварь жевала его ухо.

Слепой в этой тьме, Осмунд рубил топором, и удары его достигали цели. Топор впивался в плоть, перебивал кости. Драугар отступал, оглушительно завывая. Осмунд преследовал его, вновь и вновь поднимая топор, пока наконец тварь, что была его братом, не рухнула тяжело на пол склепа. Действуя по наитию, Осмунд отрубил ей голову и пронзил тело копьем, пригвоздив его к земле.

Совершив этот страшный подвиг, Осмунд прислонился к стене, вздыхая и плача о братской любви, которая не смогла пересилить смерть. Он закрыл глаза и ждал, когда придет его час.

Но смерть не приходила. Осмунд не смог бы сказать, как долго он оставался наедине с убитой тварью и обглоданными костями. Единственной мерой

времени здесь было только его дыхание. Его мучили жажда и голод, но ему было уже все равно.

Потом он услышал как высоко над его головой перекатываются камни у входа в курган. Щебень и земля посыпались на пол, и вместе с ними в склеп ворвался поток чистого холодного воздуха. Снова стало темно: кто-то спустился по веревке в могилу. Тихий подбадривающий шепот послышался сверху. Это были могильные воры.

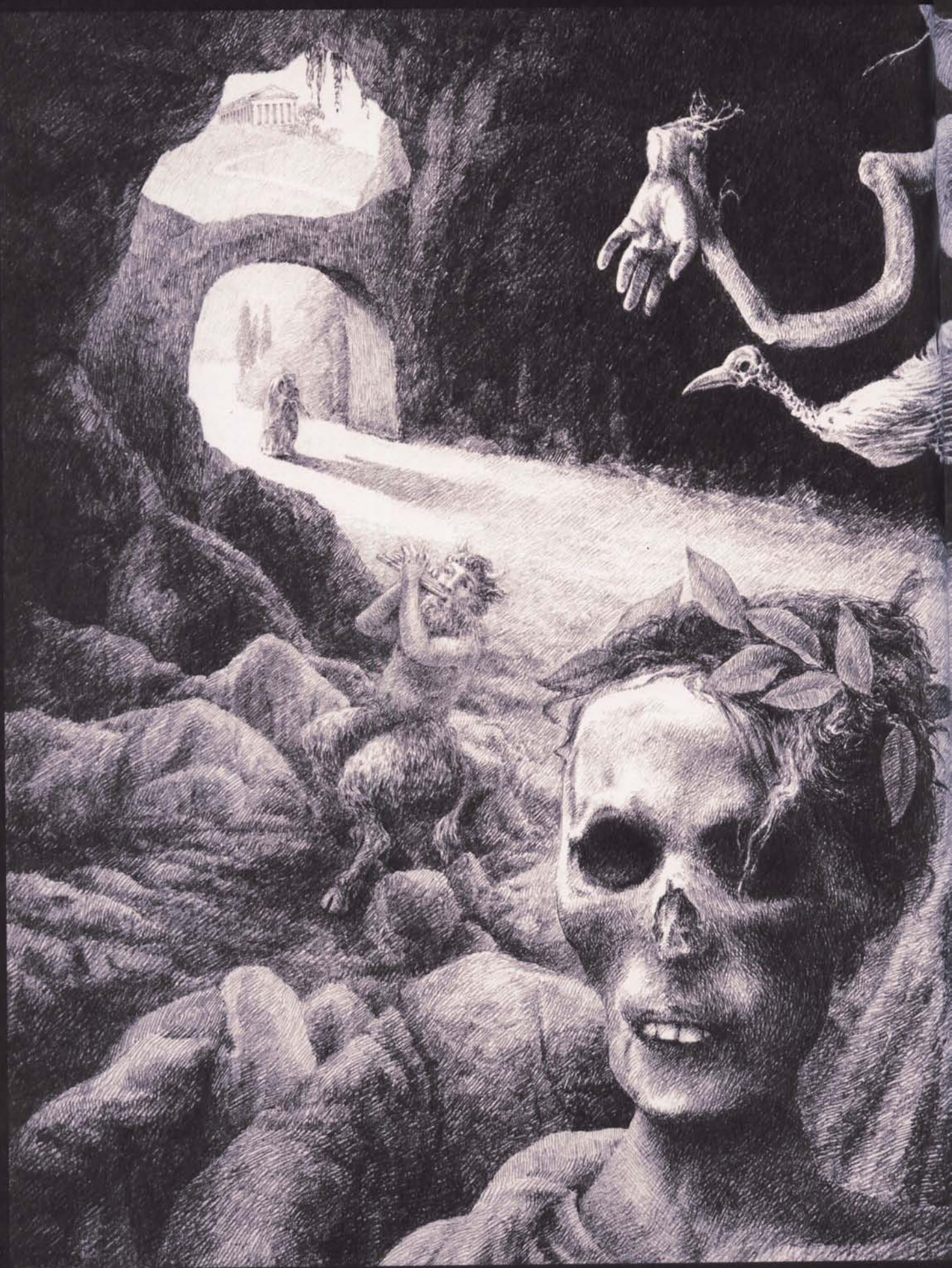
Как только человек коснулся земли, Осмунд нанес удар. Топором он убил грабителя и схватился за веревку. Он выждал некоторое время, потом дернул веревку и почувствовал, как сильные руки вытягивают его наружу.

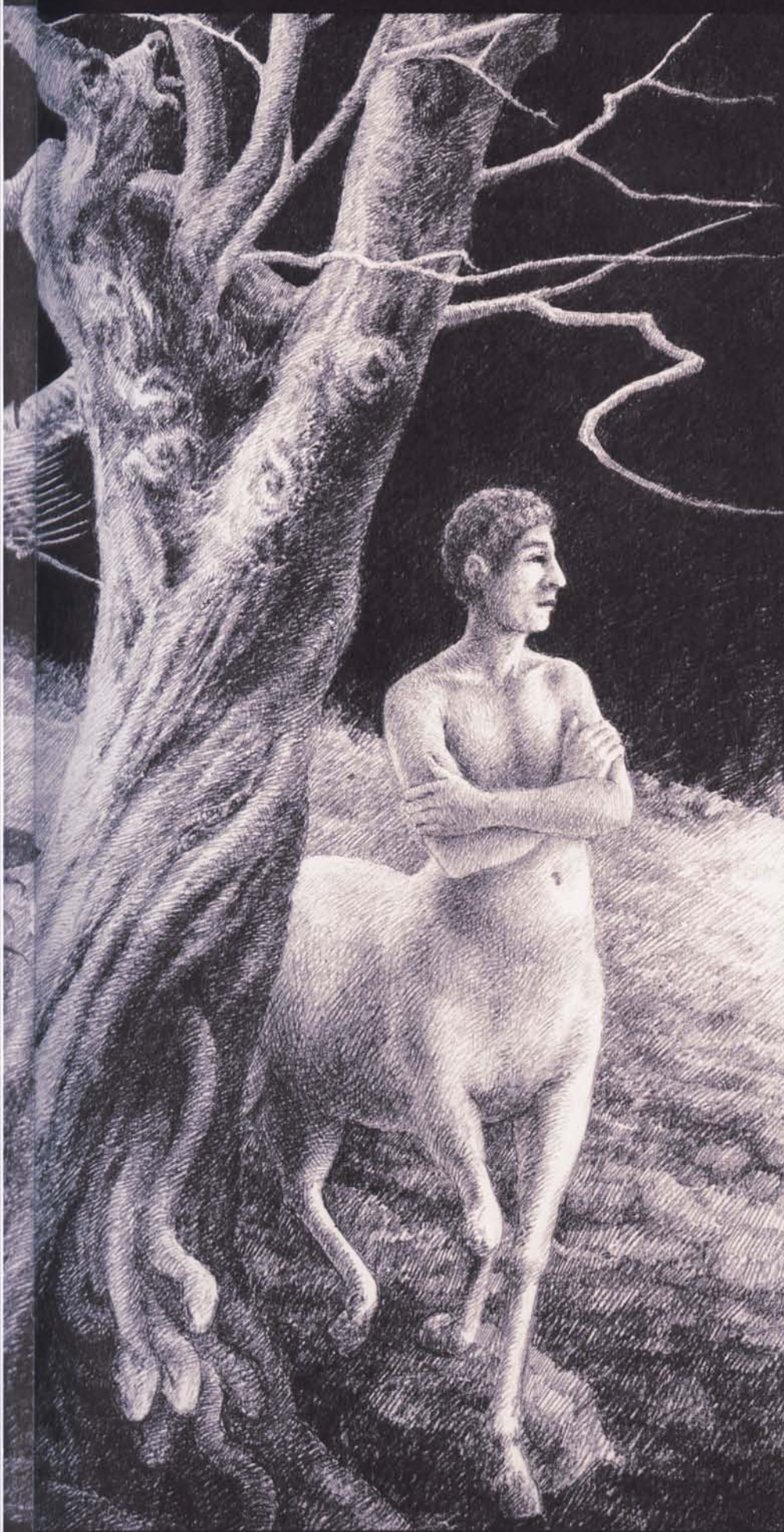
Он выполз из кургана и тут же вскочил на ноги, чтобы отразить удары. Но грабители не приближались к нему. Замерев на месте, они уставились на него, выпучив глаза и раскрыв рты от ужаса. А потом обратились в бегство.

Грабителями оказались шведские воины. Жадность подтолкнула их к тому, чтобы проникнуть в склеп. Поскольку он оказался глубоким, им пришлось спустить одного из своих людей на веревке. Когда же вместо него наверху появился Осмунд, бледный, израненный и окровавленный, они решили, что это призрак.

Услышав живой человеческий голос, они все же вернулись. Осмунд рассказал им все, а они пересказали потом другим людям. Что стало с Осмундом, история умалчивает. Он выбрал мир смерти, но не смог остаться там, потому что не принадлежал ему. Но его история среди живых заканчивается вместе с его освобождением.

Следуя клятве, норвежец Осмунд живым сошел в могильный курган своего сводного брата. Там он узнал, что смерть породила демона: мертвец пробудился и, возжаждав живой плоти, бросился на него.

БРОСАЯ ВЫЗОВ МРАКУ

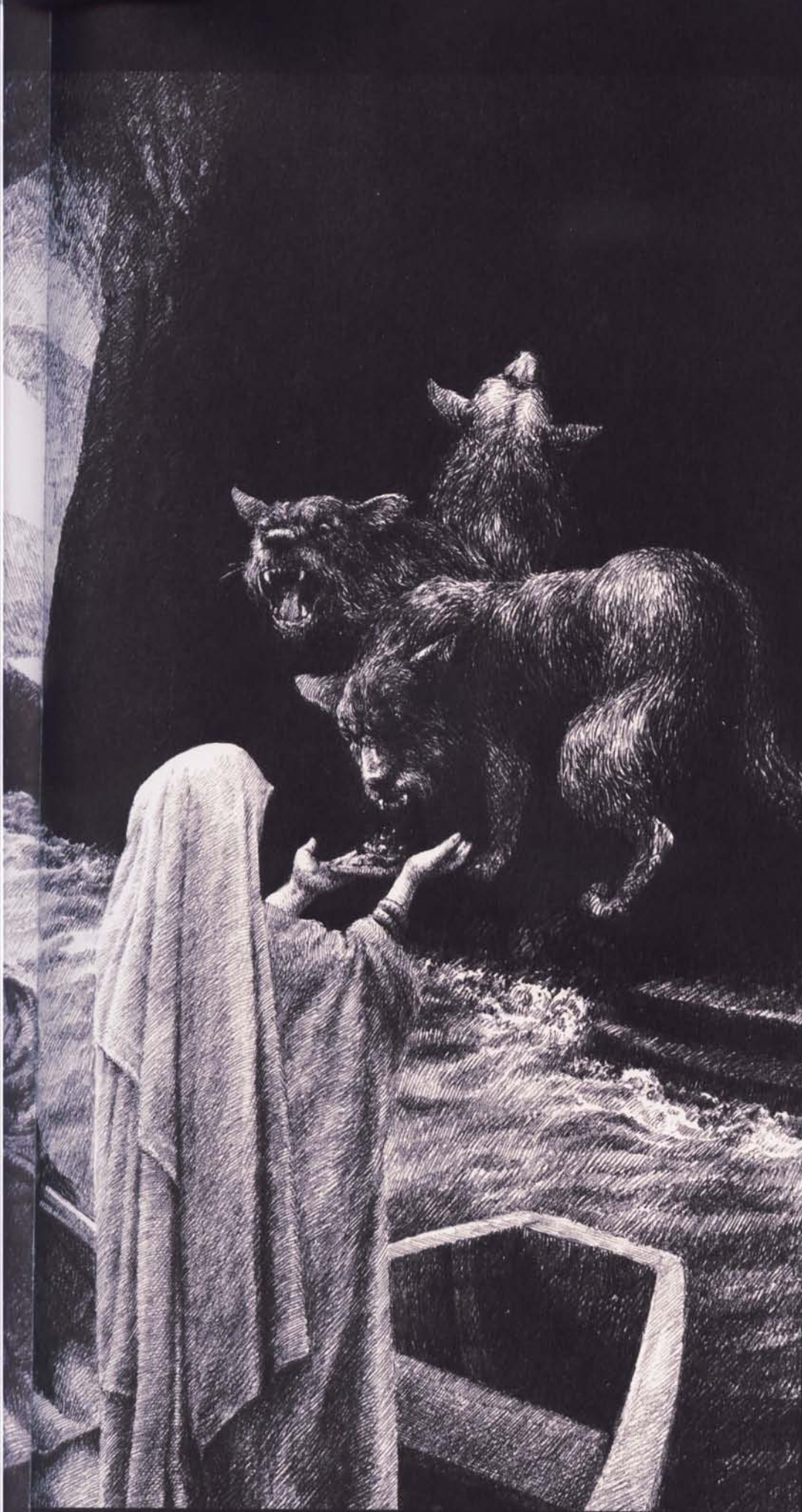
Рассуждая о странах, что лежат за пределами познания, люди не забывали и о царстве мертвых, последнем прибежище оставивших этот мир. Пристально, со страхом и любопытством, люди вглядывались в загробную жизнь, ибо там были скрыты тайны будущего и прошедшего. Некоторые пытались проникнуть в страну теней, повествуют сказители, и отдельным счастливицам удалось вернуться и поведать о том, что они видели.

Римляне знали о загробном мире со слов троянца Энея. «Избежавший судьбы» прозвали они его, потому что, когда ахейцы взяли Трою, Энею удалось выйти из дымящихся развалин. На закорках он вынес своего отца. Всю жизнь ему пришлось потом провести в странствиях. Он увел разбитых троянцев за моря, на поиски страны, где можно поселиться. Влекомый вещими снами, преследуемый гневом богов, чьи удары погубили его отца, Эней миновал Фракию, отправился на Делос, потом на Крит и далее в Карфаген, что на побережье Африки. Наконец он высадился в Италии и разыскал божественную пророчицу Сивиллу. Сон сказал Энею, что она покажет ему путь туда, где обитает тень его отца. Эта тень хранит ключ к будущему Энея — так сказал ему сон.

Растрепанная, с пылающим взором, Сивилла прокричала нечто таинственное, чего Эней не смог понять. Но, как и предвещал сон, она согласилась проводить его в мир мертвых и рассказала, как ему вернуться из царства, откуда нет возврата.

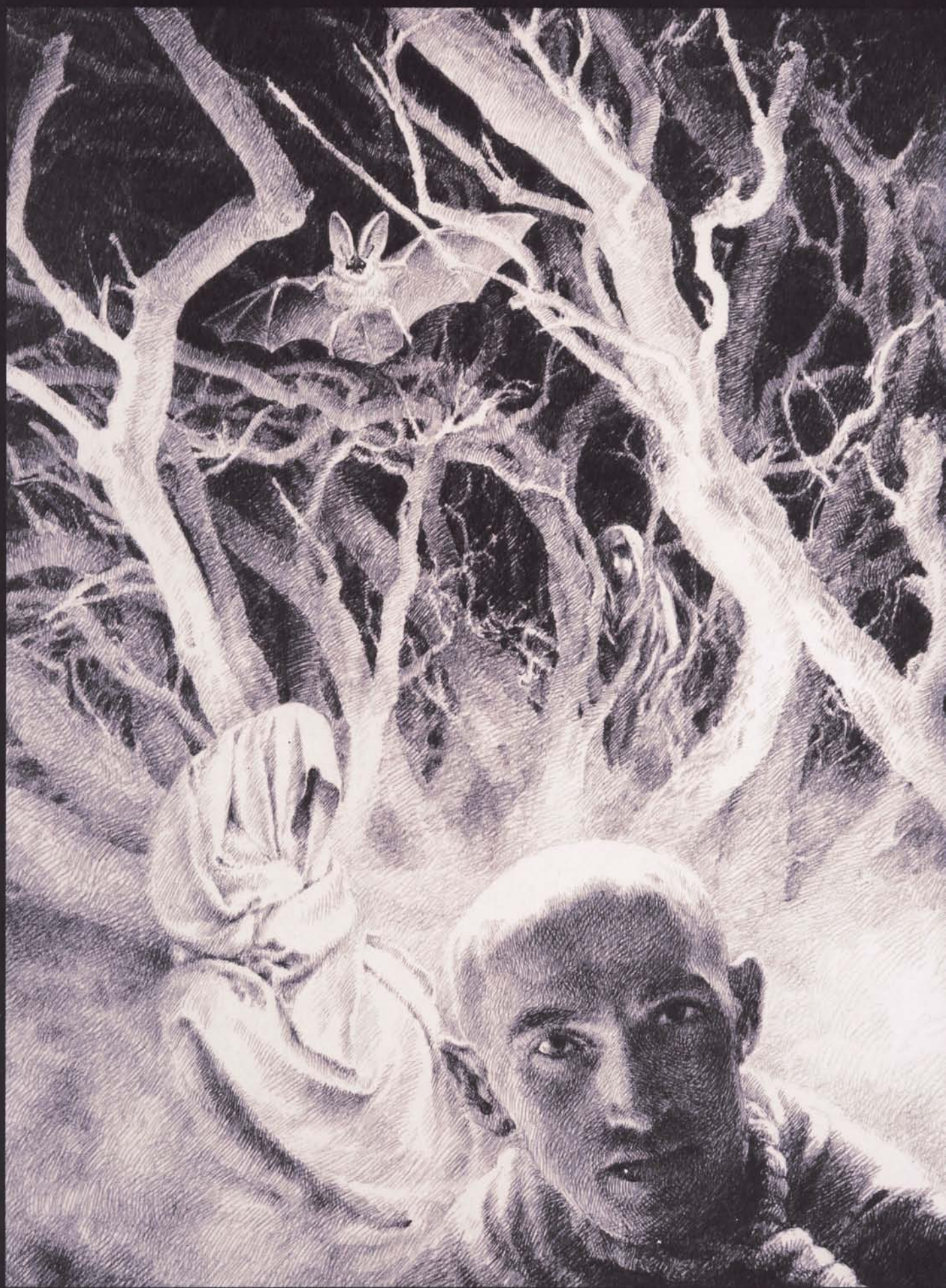
Тихим утром, еще затемно, Эней и Сивилла отправились через поросшие сырým лесом расселины к Авернскому озеру — круглому и глубокому водоему, укрытому густым туманом. На берегу они принесли жертву адским божествам. Открылась пещера, и в эту пещеру вошла пророчица в темных одеждах. Эней, следуя за ней, нес с собой золотую ветвь омелы — дар Персефоне, царице Гадеса.

Они спускались по каменистой тропе в царство теней. Дорога привела их в каменный зал. Посреди зала высился черный вяз. Каждый лист этого дерева — тень неисполнившегося желания, сновидения таятся под каждым листком, объяснила Сивилла. Вокруг вяза бродили тени чудовищ — стада кентавров, стаи чернокрылых гарпий, шипели драконы и змееволосые твари. Эней уже обнажил меч, но Сивилла лишь покачала головой. Эти твари — лишь тонкие сущности, бестелесные призраки, имеющие лишь внешний облик, говорила она. В безопасности пришли путники на берега Ахеронта, реки, за которой начинался Гадес — царство мертвых.словно опавшие листья в осеннем лесу, толпились тени на берегу, вздыхая, простирая руки к старому и мрачному человеку на утлой лодочке. Это был Харон, перевозчик усопших. Но не всех соглашался он перевозить на другой берег, иных гнал прочь, и те, кто не удостоился правильного погребения, вынуждены были вечно блуждать по берегу реки, без отдыха и надежды. Были среди них и павшие в битве товарищи Энея, и те, с кем он путешествовал прежде по морям. Герой смотрел на несчастные души и плакал.

Но когда он сам вместе с Сивиллой подошел к берегу, перевозчик, увидев золотую ветвь, кивнул в знак согласия. И они вступили в лодку. Челн просел под тяжестью живых, зачерпнул воды, но доставил Сивиллу и троянца на противоположный берег. Миновав трехголового пса

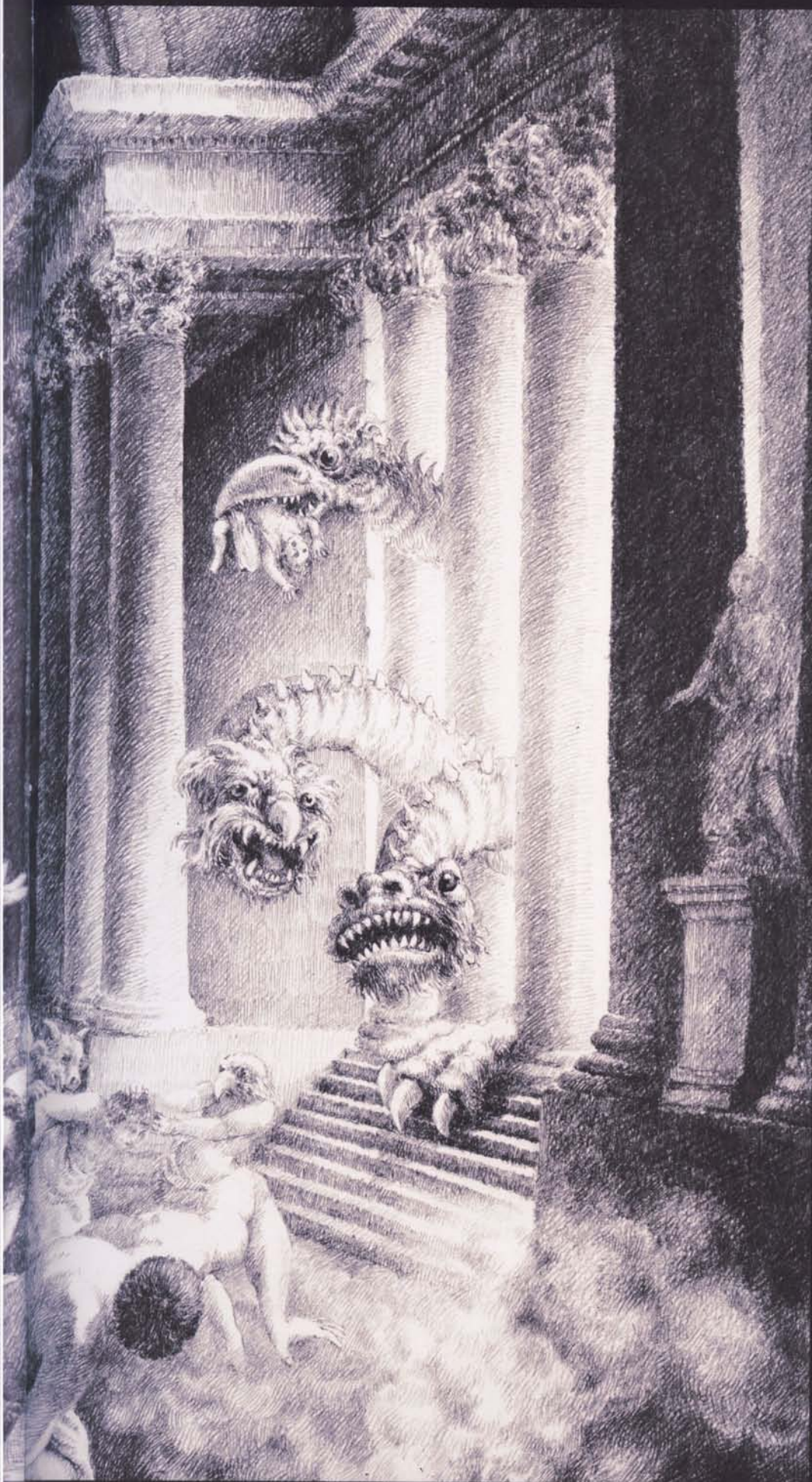

Цербера, стерегущего ад, они вошли в скорбные равнины.

Здесь клубился туман, клочья его цеплялись за ветви миртовых деревьев, а среди них виднелись бледные смутные образы, то видимые, то нет, вечно плачущие, — это были души тех, кто добровольно предпочел смерть. Прекрасная женщина была среди них, в короне и царских одеждах. Эней узнал Дидону, царицу Карфагена, которую он покинул, и понял, что она покончила с собой от тоски. Он обратился к ней, но несчастная тень лишь смотрела на него, не проронив ни слова.

Под сенью другой рощи на окраине Гадеса бродили знаменитые воины. Эней нашел среди них и прежних своих врагов, и товарищей. Греки и троянцы, израненные, окровавленные, смешались здесь. Поколебавшись, Эней обратился к людям, которых любил и рядом с которыми сражался, и они ответили ему.

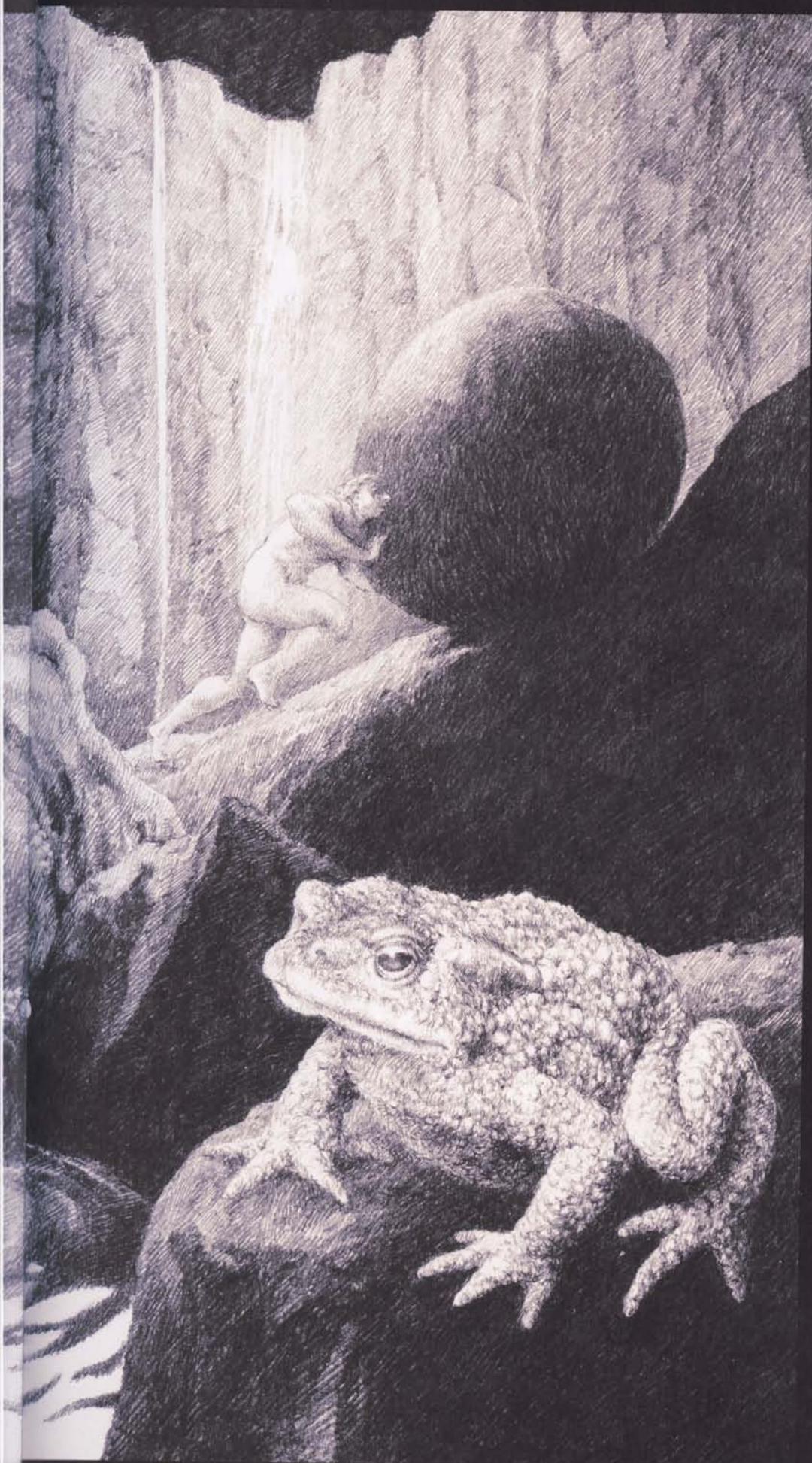

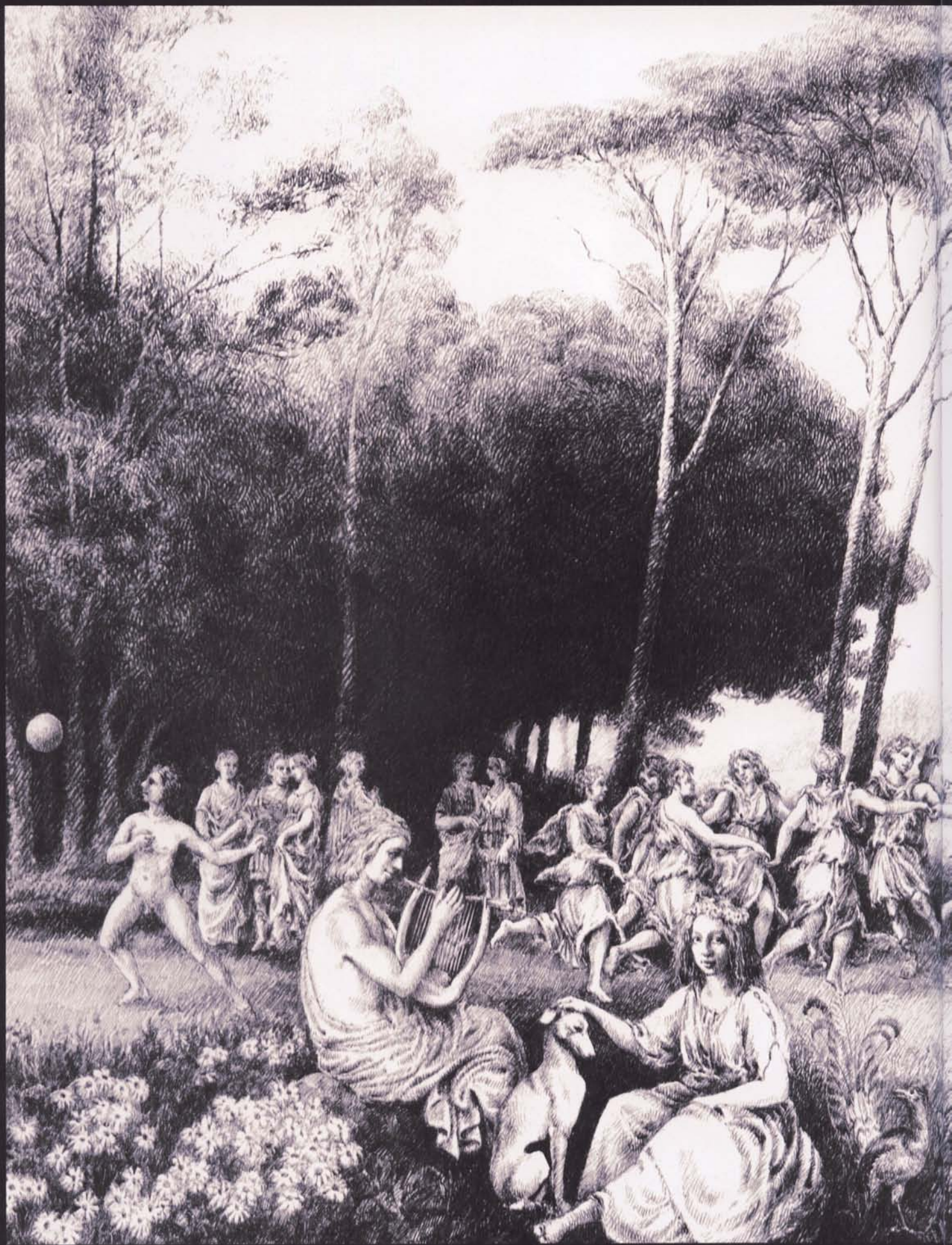
Но Сивилла влекла Энея вперед, к центру этого мира. От последнего пристанища воинов расходились две дороги. Та, что уходила налево, вела в Тартар. Там, внизу, за тройной стеной и огненным потоком, высилась крепость. На высокой железной башне, в кровавых одеждах сидела гневная Тизифона, казня преступников своим беспощадным бичом. Крики и стоны доносились из-за могучих адамантовых ворот. Там — колодезь Гадеса, мрачный Тартар, где вечно суждено томиться богоотступникам и посмевшим посягнуть на богов. А в самой его глубине прикованы древние Титаны, восставшие против богов.

В самом же колодезе терпят вечную кару души смертных за преступ-

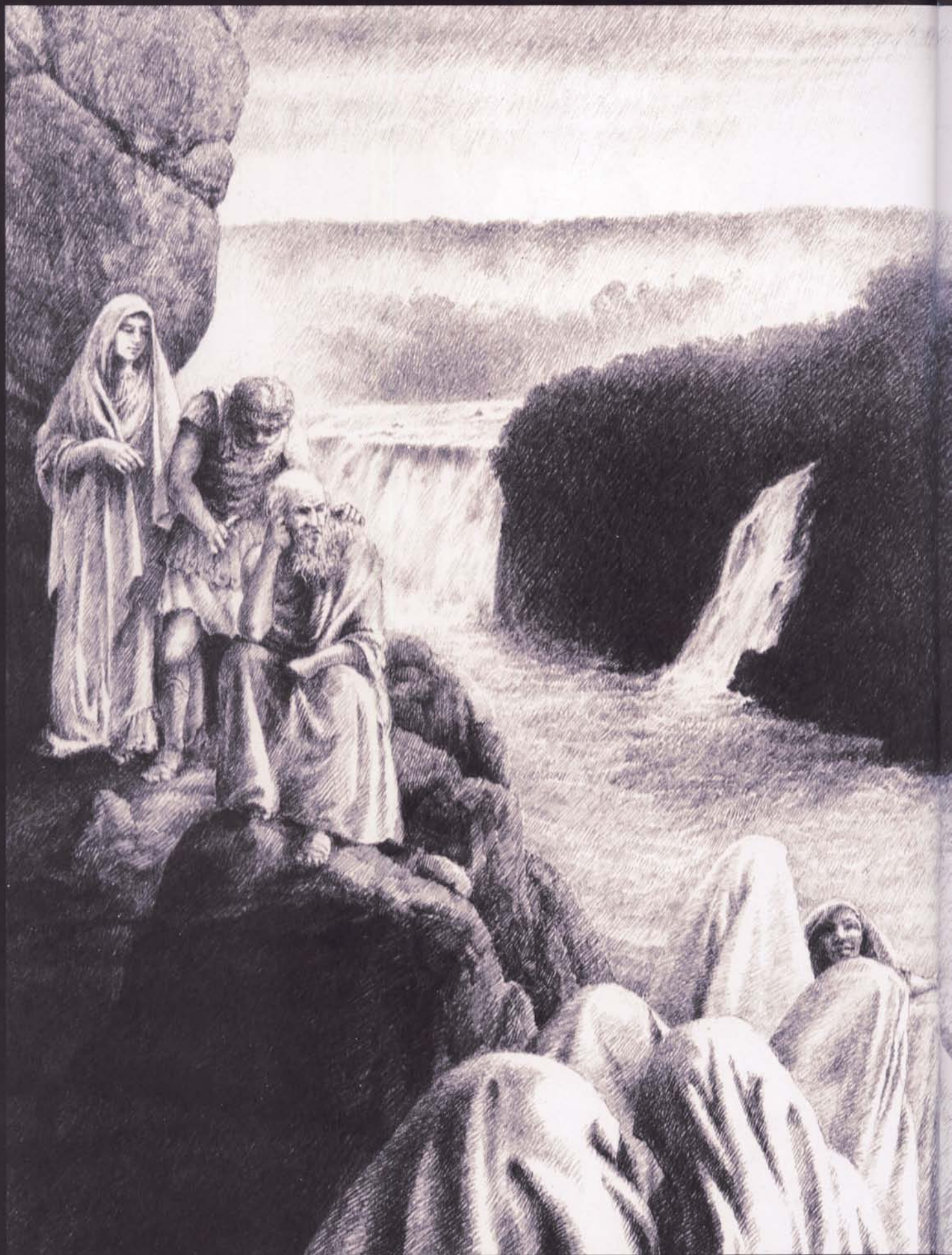
ления, совершенные в земной жизни. Некоторые прегрешения не выглядели слишком уж серьезными в сравнении с ценою, которую пришлось за них заплатить. Сизиф, посмевавшийся рассказать богу реки, что Зевс похитил его дочь, обречен вечно вкатывать камень на гору, но когда он достигает вершины, камень обрушивается вниз, и работу приходится начинать заново. Иногда преступления были ужасны: Тантал, в гневе убивший сына и предложивший его в качестве жертвы богам, обречен вечно стоять в озере. Ветви, полные плодов, свисают над его головой, вода почти касается подбородка, но стоит ему захотеть напиться, как вода тотчас же отступает, потянется он к плодам — ветви взмывают в высь. И никогда он не сможет избавиться от голода и жажды, что терзают его смертное тело.

Поведав об этом, Сивилла направила их по правой дороге. Она привела их к воротам, у которых Эней оставил свой дар Персефоне. После этого они свободно вошли в ворота и оказались среди зеленых лугов и долин, нежащихся в лучах иного солнца. Здесь струились веселые сверкающие ручьи, а воздух был полон музыки и сладостных ароматов. Это были поля блаженных. Добродетельные души, избавленные от земных забот, веселились здесь, вновь переживая земные радости.

Здесь и разыскал Эней своего отца, старого Анхиза. Почти прозрачен был тот, но как прежде, мудр и спокоен. Старец по-доброму встретил Энея и благословил сыновнюю верность. А позже поведал сыну его будущее — что суждено Энею стать праотцом народа, власть которого

будет простираться до пределов все-
ленной, что потомки Энея станут
править Римской державой и стяжа-
ют великую славу. Потом отец пока-
зал ему бесчисленные души, толпя-
щиеся на берегу реки. Это была
Лета, воды которой дают забвение.
Чистые души, омывшись ее водами,
лишаются всех воспоминаний о
прежней жизни, а после этого воз-
вращаются на землю в телах ново-
рожденных, чтобы прожить еще од-
ну жизнь.

Эней хотел было обнять своего
отца, но это оказалось невозмож-
ным. Хотя глаза его видели старца,
руки встречали лишь воздух.

А Сивилла уже торопила его:
время, дарованное им, истекало. Они
не могли оставаться в мире мертвых
более одного дня, и день этот уже
истек.

Анхиз показал им краткий путь в
мир живых: сквозь ворота из слоновой
кости, через которые приходят в мир
вещие сны. Эней и Сивилла прошли
через них и вернулись в этот мир.

Эней же и его спутники, как и
предрекал Анхиз, поселились в Ита-
лии и основали город, впоследствии
известный как Рим. Так предок рим-
лян узнал свою судьбу и долг перед
живыми в мире мертвых.

РАЗДЕЛЕНИЕ МИРОВ

Некогда странники часто появлялись в деревнях Восточной Англии. Ничего необычного в них не видели. По тропинкам, вившимся среди полей и пастбищ, шел постоянный поток паломников в большое бенедиктинское аббатство в Бери к могиле Эдмунда, последнего из древних королей Восточной Англии, многие столетия назад замученного викингами. Проходили здесь и военные отряды, принимавшие участие в распрях вокруг английского трона, и нагруженные нехитрым скарбом беженцы с запада страны, где шли самые жестокие сражения.

Землепашцы, склонившиеся к плугу, и пастухи с отарами овец, составивших славу в торговле шерстью, обращали на незнакомцев мало внимания. Но с появлением двух таинственных детей между сельскими жителями поползли слухи. О них говорили и работники на фермах, и мельники у жерновов, и пивовары. Даже монахи в аббатстве благочестивыми

и восторженными словами записали эту историю.

Как-то в летний полдень пастух коротал время на склоне холма близ прихода церкви Святой Девы Марии, примерно в пяти милях от могилы святого Эдмунда. Он расположился в тени дуба в окружении своих овец. В долине у подножия холма деревенские жители были заняты сенокосом, оттуда время от времени доносились крики и смех. Но под деревьями воздух был тих и спокоен. Лишь жужжание мух над овцами да стрекот кузнечиков нарушали полуденную тишь. Вдруг овцы навестили уши: тихий плач прорезал тишину. Потом послышался шепот, высокий и нервный. Шепот не утихал, и через несколько мгновений пастух поднялся на ноги, взял свой посох и пошел через рощу на звук.

Шепот доносился из заброшенной волчьей ямы, выдолбленной в твердой рыжей глине на

вершине холма и заросшей куманикой. Иногда сюда бросали волков, угрожавших округе, и оставляли подыхать. Место считалось нехорошим, говорили, что здесь обитают призраки. Пастух осторожно подошел к краю колодца и в изумлении уставился вниз.

На дне были мальчик и девочка. Телосложением они не отличались от других детишек в родной деревне пастуха, разве что казались очень хрупкими. Но одежда на них была из цветов и листьев, а почти прозрачная кожа была нежно-зеленого цвета, подобного цвету распускающейся весной на берегах Уза ивы. Зелеными, как речная трава были и вьющиеся пряди их волос.

Пастух сделал рукой отводящий зло знак, ведь зеленый цвет был цветом фейри. Некоторые говорили, что этот цвет — символ смерти. Но эти дети вовсе не казались опасными. По правде говоря, они испугались куда сильнее, чем пастух. Они смотрели на него, взявшись за руки, замерев, как загнанные зверьки.

Пастух их пожалел. Он наклонился к ним, положив руки на колени, и спросил со всей нежностью, на какую был способен:

— Кто вы? Кто ваши родители?

Услышав его голос, девочка вдруг улыбнулась и словно пропела что-то мелодичным голоском. Пастух не понял ни слова и беспомощно покачал головой. Жестами он спросил, не хотят ли дети пить или есть. Это принесло успех. Дети утвердительно кивнули и выбрались из ямы.

Свистом, от которого дети вздрогнули, пастух велел своей собаке позаботиться об овцах и повел найденышей вниз по склону холма. Они послушно шли следом, хотя зажмурились и замотали головами, оказавшись под ярким солнцем. Они болтали между собой, и речь их напоминала звук флейты.

Когда они втроем вышли к полям, дети кинулись к пастуху и взяли его за руки своими маленькими прохладными ладошками. Когда троица приблизилась, козцы отложили косы и грабли. Высокие, краснолицые, потные мужчины сгрудились вокруг зеленых детей, показывая на них пальцами, отпуская шуточки и гогоча, громко расспрашивая... Рассердившись, пастух повел детей прочь. Он был добрым человеком и сказал:

— Не трогайте их. Я отведу их к хозяину. Он знает чужие языки.

Они миновали поля, и пастух повел детей в замок своего господина рыцаря по имени Ричард де Колн. Здесь, в бревенчатых хоромах, воздух был прохладнее, и изнемогавшие от жары дети оживились. Сэр Ричард выслушал пастуха, усадил детей на скамью и позвал жену из ее покоев. Ни рыцарь, ни госпожа так и не смогли ничего разузнать у детей. Мальчик только смотрел в пол, и редкие, зеленые, как морская вода, слезы катились у него по щекам. Девочка говорила, но речей ее они не понимали.

Поглядев на это некоторое время, пастух откашлялся и сказал:

— Хозяин, эти малыши голодны.

Сэр Ричард прервал свои терпеливые расспросы. Он кивнул, и его жена

принесла грубый хлеб и сыр. Дети сморщились и покачали головами. Похоже, такая еда им не подходила. Они отказались и от свежего мяса. Отвергли яблоки. Но когда госпожа предложила им горсть зеленых бобов в стручках, дети просияли. Они заворожено следили, как хозяйка проводит ногтем по стручкам, как вылуцчивает оттуда бобы. Дети съели их с явным удовольствием.

— Это что, мертвяки? — спросил пастух, глядя на такое.

Сэр Ричард и его жена поняли смысл вопроса. Древние поверья, туманные и противоречивые, окружали бобы. Египтяне не ели бобы, потому что считали их священными. Римляне верили, что призраки швыряют бобы в дома, чтобы наслать порчу на жильцов, и, чтобы отвести призраков, сами бросали бобы на могилы. А в некоторых северных графствах Британии полагали, что в каждом бобе обитает душа умершего. Впрочем, другие говорили, что бобы — это пища мертвых.

— Они не принесут зла, — сказал сэр Ричард. — Мы позаботимся о них и обратим их в веру Христову.

С этими словами он дал пастуху фартинг за беспокойство и отослал его прочь.

Пастух не видел детей в течение нескольких месяцев. Когда лето перешло в осень и зарядили холодные дожди, он перегнал стадо на пастбище близ поместья. Здесь он узнал о найденных от слуг. По слухам, девочка выучила английский. Монахи приходили и разговаривали с ней. Но о мальчике ничего не говорили. Никто не видел его с того дня, как он появился.

Пастух ничего не говорил на это, он просто держал уши и глаза открытыми. И как-то в ноябре, на склоне ясного холодного дня, когда алые краски заката побежали по синему небу и взошла вечерняя звезда, зеленая девочка высмотрела пастуха, когда тот выходил из овчарни. Он издали заметил ее на лугу у поместья и ждал.

Девочка изменилась. Теперь она носила шерстяную рубаху и плащ, как все человеческие дети. Когда она подошла к нему, пастух увидел, что лиственный цвет сошел с ее волос и кожи. Ее бледное лицо словно светилось в осеннем воздухе, а волосы походили на серебряную паутину.

— Что ж, пастух, я нашла тебя, — сказала она и улыбнулась.

— Как живешь, малышка?

У нее все хорошо, отвечала она. Она может теперь есть пищу этого мира и постепенно перенимает его цвета, она может болтать с подружками, а служит она в доме сэра Ричарда. Болтая так, она непрерывно двигалась, порхая словно мотылек. Она то прикасалась к плащу пастуха, то к ограде загона, то к какой-нибудь из овец.

— А мальчик?

— Он умирает, — сказала девочка. — Он лежит в постели. Вся зелень увяла, а есть человеческую еду он не может. Он принадлежит нашему миру, не здешнему.

Пастух спросил, где ее мир, но она отвечала туманно, словно воспоминания стирались из ее памяти. Когда-то она жила вместе с братом в бесконечном мире. Дневной свет там был не

ярче земных сумерек. Но это был прекрасный мир, богатый скотом и плодами. Однажды они пасли стадо и заблудились.

— У вас там овцы, как здесь? — спросил пастух.

— Не овцы. Звери, которых ты не знаешь, — но описать их девочка не смогла.

В тот день, когда они покинули свой мир, рассказала она, они нашли пещеру, ведущую в глубь горы. Из тьмы доносился колокольный звон, такой чистый и сладостный, что дети были очарованы им. Они бросили свое стадо, вошли в пещеру и пошли на звук по извилистому ходу. Они шли до тех пор, пока впереди не забрезжил свет. Колокольный звон стал громче, они вышли из пещеры — и оказались в глиняной яме. И тут колокола стихли. Напуганные слепящим светом, они хотели вернуться, но врата в земле закрылись. Ни щелочки не было видно в пыли. А дальше девочка помнила лишь пастуха, смотревшего на них.

Девочка и пастух поговорили еще немного, а потом она поспешила в тепло усадьбы.

После этого пастух больше не говорил с ней. Весной он узнал, что мальчик умер. Перед смертью он был похож на пожухший лист. Девушка по-прежнему была в услужении в доме сэра Ричарда. Со временем она вышла замуж, как всякая крестьянка. Но и в замужестве она оставалась летящим, слегка легкомысленным созданием, подвижным словно ртуть. Все видели, как

она бродит целыми днями в лесу или прохладается в зарослях у реки, играет в сумерках на лугах, и поговаривали, что она распутница и гулящая. Возможно, они никак больше не могли определить существо, так похожее на них и так не похожее.

Кем были эти зеленые дети? Откуда они пришли? Летописцы ничего не знают об этом. К тому времени, когда девочка-фейри выучила английский настолько, чтобы суметь рассказать свою историю, в ней было уже столько человеческого, что память ее затуманилась. Монахи, описавшие ее странствие, могли сказать лишь, что однажды врата между мирами открылись, пропустив двух путников, а после затворились снова.

Какая бы тайна ни окружала детей, их невольное изгнание в миниатюре показывает законы, которые управляют путешествиями между миром смертных и недоступными человеческому взору древними землями. Неважно, нравятся ли людям фейри, неважно, любят ли они друг друга — все равно их миры принадлежат разным эпохам. Одна из них юная, другая обречена на гибель. Никто не может свободно странствовать между этими царствами. В конечном счете и людям, и фейри приходится выбирать: остаться ли вместе со своим родом, или исчезнуть в другой эпохе.

В древнейшие времена, когда род человеческий еще только устанавливал свою власть над землей, когда перемещения между мирами были обычным делом, мудрецы уже знали, что близится разрыв, и ясно видели знаки, свидетельствующие об этом.

Сама природа мира смертных лишала сил тех, кто принадлежал к фейри.
Однажды зеленый мальчик из волшебной страны оказался среди людей.
Он таял, превращаясь в тень, и в конце концов перестал дышать.

Как бы для того, чтобы показать, что миры должны быть разделены навеки, Мананнан, бог моря у ирландцев, махнул волшебным плащом между героем Кухулином и женщиной-фейри Фанд. И больше они не помнили друг о друге.

О таких знаках говорится в ирландской саге о Кухулине, воине Красной Ветви, который был обучен боевым искусствам в другом мире и регулярно пересекал эту границу. Однажды Кухулин был увлечен из своей страны и от своей жены Эмер в мир фейри. Там он сражался с волшебным воинством плечом к плечу, и наградой ему стала любовь принцессы Фанд. Имя ее значит «Слеза», и называли ее так по причине ее красоты и чистоты.

Целый месяц оставался Кухулин с Фанд, и казалось ему, что ни одна женщина, даже его молодая жена Эмер, не сравнится с ней. Но честь его требовала, чтобы он вернулся к своему народу. Когда Кухулин уходил от фейри, она сказала ему:

— Где бы ты ни был, позови меня, и я приду туда.

В этом тоже была любовь и смелость — оставить свой народ, чтобы следовать за любимым. Кухулин назначил место свидания под тисовым деревом, что росло на берегу Ирландского моря, и Фанд пришла к нему в назначенный час.

В тот день у них не было времени на ласки. Кухулин успел лишь посадить фейри в свою колесницу. Тут Фанд заметила вооруженных людей. Это был отряд женщин в золоченых латах, вооруженных длинными зелеными ножами. Вела их Эмер.

— Не бойся этих женщин, Фанд, — сказал Кухулин. — Мое копье охранит тебя.

Его смертная жена остановила рядом с ними свою колесницу. Недвижный, он слушал, как она обвиняет его в том, что его бесчестье пало на нее. Но когда гор-

дая Эмер бросила длинный нож и зарыдала, умоляя его вернуться к ней, он не мог устоять.

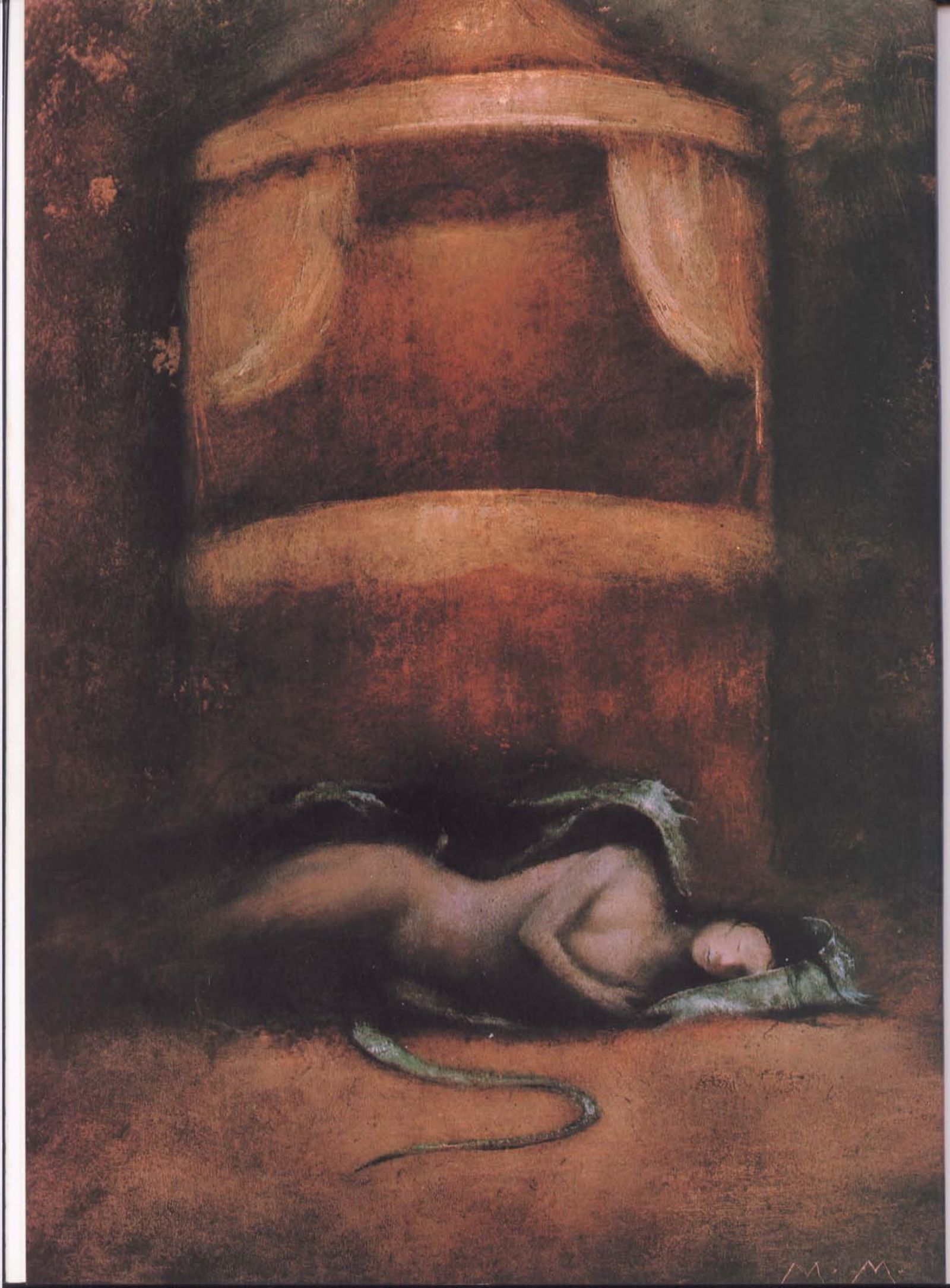
— Ты дорога мне, жена, и будешь дорога до конца моих дней, — сделал он свой выбор.

После этого Фанд ушла, оплакивая свою судьбу — быть оставленной героем. Морской бог Мананнан явился ей из вод и вывел ее из мира смертных.

Кухулин погрузился в печаль, ибо любил двух женщин, но потерял одну из них. Он горевал, пока мудрец не дал ему испытать вина забвения. Такой напиток приготовили и для Кухулина, и для Эмер, чтобы она забыла о своей обиде и о своей ревности. А бог моря устроил так, чтобы между смертным и фейри никогда больше не возгоралась любовь. Мананнан позвал Кухулина на берег, туда, где волны бились о камни. Там была и Фанд — прекрасная и тоскующая по Кухулину. Мананнан взмахнул между ними плащом — и они навсегда забыли друг о друге и даже не могли больше видеть друг друга.

В эпохи, следовавшие за временем Кухулина, те, кто выбирал чужой мир, сталкивались с почти непреодолимыми трудностями. Множество печальных сказаний повествует о том, как мужчины влюблялись в женщин-фейри, приводили их в мир людей — и только для того, чтобы потерять их по какой-нибудь оплошности.

Такие браки всегда требовали соблюдения особых правил. Муж не должен был расспрашивать жену о ее про-

шлом, не должен был ее бить, а в определенное время ему нельзя было даже смотреть на нее.

Мужья неизменно нарушали правила, и жены их неизбежно исчезали, как только это случалось.

В Нормандии рассказывают о войне, которого звали Хенно. Однажды на охоте он встретил в лесу девушку, столь прекрасную, что взял ее в свой дом и женился на ней. Она попросила его только дать ей хотя бы один день в неделю побыть в одиночестве. Влюбленный Хенно с готовностью согласился. Это время начиналось сразу после утренней службы, но мать Хенно заметила, что молодая жена всегда уходит прежде причастия.

Встревоженная свекровь пошла следом за невесткой в ее купальню. Здесь-то она и узнала, что жена ее сына — фейри. Как свойственно этим изменчивым существам, она иногда меняла обличье, и в тот день приняла облик змеи.

В смятии мать и сын позвали священника. Он обрызгал фейри святой водой, и та, издав страшный крик, полный боли, исчезла из нашего мира.

Независимо от того, в каком мире заключались такие союзы, сохранить их всегда было трудно. Как бы ни была сильна любовь между человеком и фейри, принадлежность к своей расе была сильнее. Стремясь защитить себя в путешествиях в мир фейри и оставить открытым путь домой, люди сотворяли оберегающие заклинания. Считалось, что можно уходить в тот мир и быть в безопасности, если не есть еду фейри, не пить их вино, не брать их золота. Поступив иначе, можно было лишиться воли и попасть под власть чар. Вероят-

но, те же правила действовали и для фейри — зеленая девочка, поев человеческой пищи, утратила часть своей природы, что позволило ей остаться в живых среди смертных. Ее брат, неспособный или не захотевший последовать ее примеру, умер среди чужаков.

Иногда обереги действовали, иногда нет. Пути фейри прихотливы, а их силы то убывают, то прибывают. Скандинавы приводили в пример историю Хельги Торесона, сына конунга. Как-то он вместе с людьми своего отца отправился на север торговать мехами с охотничьими племенами Финнмарка.

Зима, когда прибрежные воды замерзают, а штормы сотрясают океан, — не лучшее время для военных экспедиций, и воины затосковали по подвигам.

Хельги и нашел на свою голову приключение. Где-то в снегах Финнмарка он отстал от своего отряда. Хроники ничего не говорят о том, как это случилось. Но Хельги был крепким парнем и двигался вперед мимо заледеневших озер и обнаженных зимних лесов. Он направлялся к сосняку, где надеялся найти пристанище.

Долгие часы ехал он под высокими деревьями в синем морозном сумраке пока не оказался в тумане. Туман вился меж деревьев и застилал землю. Хельги остановился, ожидая, когда путь очистится.

Вдруг его конь тряхнул головой, переступил ногами. Белый туман озарился нежным мерцанием, оттенки которого он не мог различить. Хельги обнажил меч, но в следующее мгновение снова опустил его.

Изменчивая природа существ из иного мира всегда вселяла страх в сердца смертных. Фейри, ставшую невестой одного нормандского рыцаря, застали в обличье змеи — и муж и его племя отвергли ее.

Блуждая в лесу, норвежец Хельги Торесон, сам того не заметив, пересек границу и вступил в неведомую страну. Принцесса той страны наложила на него чары, разрушившие его связь со своим народом.

Удивительное зрелище открылось ему. Повсюду меж деревьев были женщины — прекрасные женщины в алых плащах. Казалось, они отлиты из золота. Волосы их светились в зимних сумерках, а на шеях сияли, переливаясь, ожерелья. Уздечки их лошадей украшали драгоценные камни.

Их предводительница выступила вперед и внимательно оглядела Хельги. Потом она заговорила, и голос ее был похож на шелест ветра в ветвях.

— Приветствую тебя, смертный. Я — Ингеборг, дочь Гудмунда. Уже тысячу лет правит он в Ледяной долине. Если пойдешь с нами, обретишь приют.

Хельги был очарован Ингеборг, и его ничуть не страшила мысль о том, что он встретился со странными существами в незнакомом месте. Он последовал за всадницами. Ингеборг ехала впереди, стройная и грациозная. Лишь однажды за весь путь она обернулась и посмотрела на него. Хельги затрепетал под ее взглядом.

Вскоре они вышли на лесную поляну. Большой шатер, разбитый на снегу, сверкал как лед. Внутри оказались белоснежные меха и шелковые занавеси. Хельги видел такие у восточных купцов, заезжавших в его отчий край. Яркий огонь согревал шатер, тускло поблескивала в свете светильников серебряная посуда — все было приготовлено словно для королевского пира.

Ингеборг сбросила свой алый плащ на землю.

— Останься со мной, Хельги Торесон, — нежно сказала она. Он безмолвно кивнул, и тут же многочислен-

ные сестры Ингеборг исчезли, они остались только вдвоем.

Три дня прожил Хельги в лесном шатре. Но в его жилах текла отцовская кровь, и даже поддавшись страсти, он не забывал о долге. Наконец он заговорил об этом. Ингеборг только улыбалась в ответ, а пока она улыбалась, появлялись одна за другой ее сестры. Они подвели его к коню, наполнили седельные сумки золотом и серебром.

— Конь сам найдет дорогу, Хельги Торесон, — сказала Ингеборг. Хельги вскочил на коня, но когда он обернулся, чтобы попрощаться, на поляне не было ни шатра, ни женщин.

Вот и все, что рассказал Хельги отцу, когда снова был в безопасности в своем замке. Но никаких подробностей не сообщил. Шли месяцы. Хельги охотился со своими людьми, ходил с ними в морские набеги, но стал теперь молчаливым, печалась о волшебной женщине.

В продолжении этих событий пришлось участвовать и отцу Хельги, и королю. Через год после приключения Хельги король остановился в замке. Был зимний вечер, ярко горел огонь в очаге, наполненный рог переходил из рук в руки, и песни становились все громче. За стенами жарко натопленного замка завывал ветер.

И тут вой ветра стал подобен плачу чайки. Стропила скрипнули, задрожали стены. С грохотом распахнулась дверь, снежный вихрь ворвался внутрь. Огромные руки протянулись из него, схватили Хельги Торесона и увлекли его в белую мглу. А снежный

Всеобщая печаль вернула Хельги Торесона в родные края. Но он больше не мог видеть их. Соблазненный и ослепленный фэйри, он принадлежал принцессе, которую встретил в лесу между мирами.

вихрь лужей растекся по полу. Хельги исчез.

Отец по всей стране разослал людей на поиски, но нигде его не видели. Лишь когда минул полный год, ночь солнцестояния снова призвала его. Он вступил в королевский дворец, излучая силу и счастье, но не сказал никому ни слова. Два воина шли рядом с ним, в руках они несли золоченые рога для питья. Они преклонили колени перед отцом Хельги и перед его королем, и вручили им дар. Тогда, сообщает хроника, король воздел руки, чтобы по-христиански благословить дары. Как только он сделал это, раздался ужасный вопль, погасли факелы и огонь в камине, и зал погрузился во тьму. Все были в замешательстве, но тут зазвенела сталь, и новые крики огласили зал. Огонь сам собой возгорелся и осветил изломанные мертвые тела воинов. Хельги и его спутников не было видно, а трое норвежцев лежали мертвыми.

После этого отец Хельги больше не посылал никого на поиски. Где ему было одолеть силу тысячелетнего короля Севера или чары королевской дочери! Но он не перестал плакать и молиться о возвращении своего сына, и в думах своих все время повторял его имя, призывая Хельги вернуться в мир.

И благодаря этим неустанным призывам, обращенным к иному миру, благодаря воле своего отца, Хельги снова оказался среди своих товарищей. Но он больше не был светлым воином. Он превратился в желчного и разочарованного человека — ведь его против воли вырвали

из мира, который он избрал для себя. Он был почти слеп, ибо не мог больше смотреть на людей. Он был слаб и равнодушен ко всему. Голос его сделался бесцветным и хриплым. Он шаркал, словно дух мужества навсегда оставил его. Воля отца победила чары, но тот сын, что вернулся, вовсе не походил на того юношу, что оставил когда-то отчий дом. Казалось, дух Хельги навсегда остался в стране Севера.

Ценой путешествий между мирами всегда было раздвоение человека. Перебежавшие границу теряли себя и становились призраками, не принадлежащими ни тому, ни этому миру. Где бы не поселились они, жизнь их проходила в вечной тоске.

Особенно часто судьба, полная страданий и неуспокоенности выпадала детям, родившимся от браков смертных и существ из иного мира. Часто у таких детей были удивительные способности. Некоторые становились королями, другие — великими героями. И все же души их были беспокойны: хотя они были людьми и топтали землю, как и все обычные люди, в них текла волшебная кровь, и они всегда слышали зов иного мира.

Таких детей было немало в любой стране, особенно в те времена, когда врата волшебного мира были еще широко распахнуты. Для любви и страсти границы между мирами значили не больше, чем границы между земными царствами. Но чаще, чем где-либо, такие дети встречались в волшебных горах и равнинах Ирландии.

И неудивительно. История Изумрудного острова в серебристом океане знала

множество нашествий. Еще до появления людей разные племена, все в той или иной степени обладавшие магическим даром, приходили на эту землю. Самыми первыми и самыми могущественными завоевателями были фоморы, свирепый морской народ, являвшийся иногда в образе чело-веческом, а иной раз в обличье устрашающих созданий, в которых мешались звериные и человеческие черты. Фоморов изгнали из Ирландии на отдаленнейшие острова Западного моря племена богини Дану, или Туата, богоподобные воины, владевшие магией. Сами они исчезли с острова — хотя и не погибли, — когда в Ирландию пришли люди.

Эти перемены заняли многие столетия, и потому пришельцы и завоеватели всегда смешивались друг с другом. Правители Туата укрепляли свою власть через союзы с фоморами. Позднее, когда Туата отступили в подземное царство и на зачарованные острова, они не раз вступали в брак с лучшими из людей — воинами и сестрами воинов, королями и принцессами.

В дни славы Ирландии, когда фении хранили ее холмы и берега во имя Верховного короля, от одного из таких союзов родился воин по имени Ойсин. Отцом его был Финн Мак Кумал, вождь фениев, а матерью — женщина-таута. Однажды в образе оленихи она встретила охотившегося Финна. Она последовала за ним в крепость на Алленском холме на востоке Ирландии. Оказавшись под защитой ее стен, она приняла свой истинный облик и превратилась в прекрасную женщину. Финн сразу полюбил ее и берег как зеницу ока.

Спустя некоторое время Финн все же потерял возлюбленную — ее по-

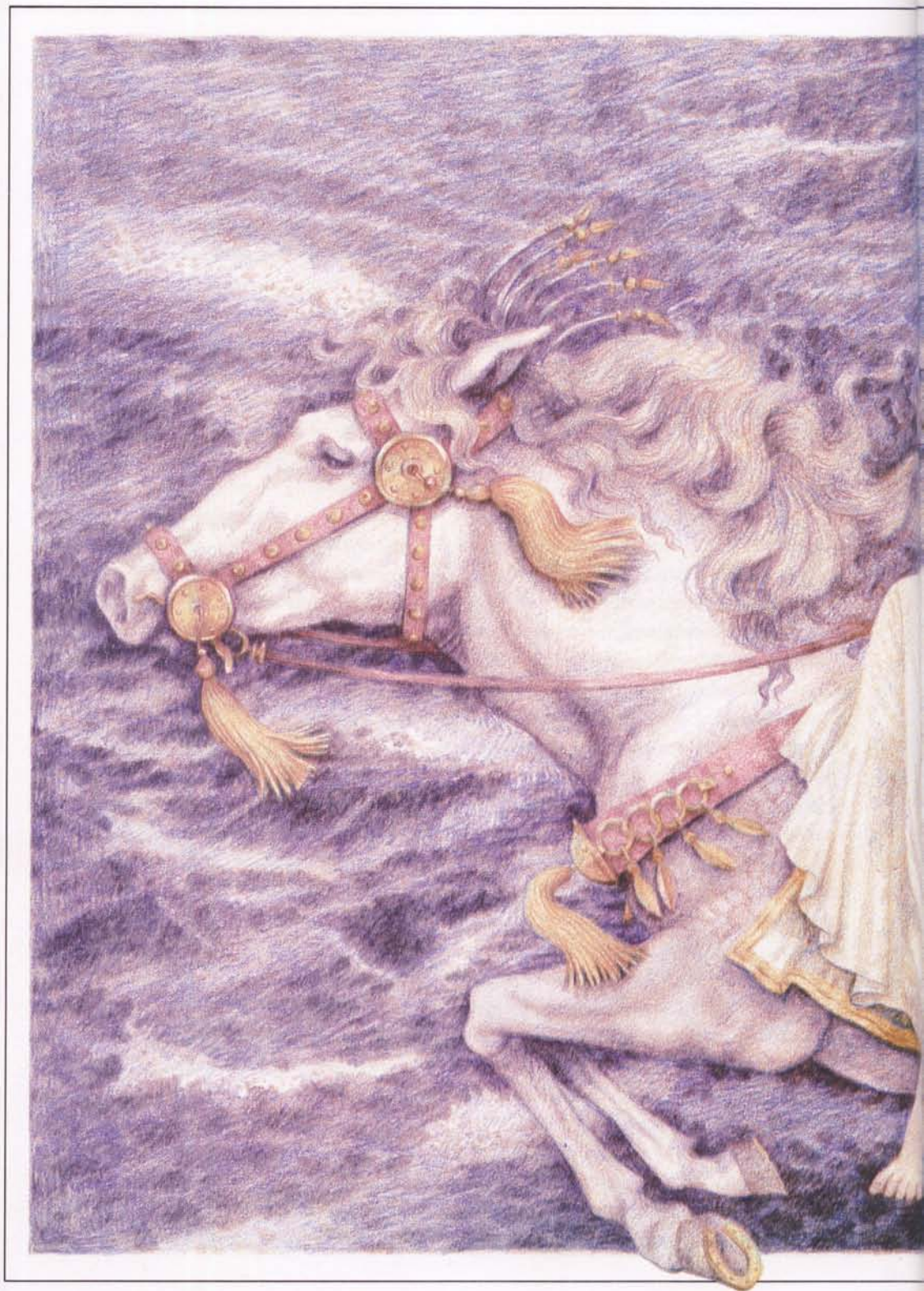
хитили давние враги из племени Туата. Больше Финн никогда не встречал ту женщину, но через много лет разыскал ребенка, которого она родила от него. Мальчик рос один в ди-ком лесу, а заботился о нем олень. Вождь распознал в мальчике своего сына и воспитал его как настоящего фения.

Ойсин стал самым славным из фениев. Сын вождя был красив телом и одарен в искусствах, которые ценили фении: в прыжках, в беге, в охоте, в стрельбе из лука и обращении с копьем. Он был храбр и, как пели барды, «бежал быстрее быстрого оленя». К тому же — вероятно, оттого, что в жилах его текла кровь фейри, Ойсин обладал даром поэта и песнопевца и превосходил в этом своих товарищей, тоже славных бардов.

Он охотился вместе с товарищами по оружию, работал с ними на земле, а зимой пел в укрепленных замках. Но женился на женщине по имени Эйбхир Золотая Коса, и от нее у него был сын Осгар, который тоже по праву звался великим воином.

Хотя он и просиял среди фениев, Ойсин не остался в Ирландии. Он сам поведал историю своего ухода.

Однажды летним утром воины собрались поохотиться в Мюнстере, близ Лох Лейна, громадного озера, окаймленного по берегам зарослями и лесами, в которых играли олени. Туман плыл над водой, птички трели раздавались в лесу и в камышах. Охота была удачной. К полудню, когда туман рассеялся, а

Очарованный Ниам Златовласой, Ойсин покинул свою страну и свой народ.
Через все западные моря проскакал он из Ирландии, чтобы вернуть прин-
цессу в ее потаенное царство.

Земли фейри были окружены опасностями. На острове посреди океана Ойсин сразился с чудовищем, грозившим племени Ниам, и тем доказал свою доблесть.

солнце поднялось высоко, мужчины прилегли отдохнуть под деревьями, лениво переговариваясь.

И тут на дальнем западном конце озера появился всадник. Он стремительно приближался. Под ним был белоснежный конь в короне, с золотыми подковами и разукрашенной упряжью. Он сиял, как золото, но все же не так ярко, как всадник. Но нет, это была всадница — прекрасная женщина, блее лебеда на волне, с глазами голубыми и чистыми, как утренняя роса. Золотые обручи сияли в ее светлых волосах. Она мчалась прямо к отдохавшим фениям. Мужчины вскочили на ноги.

— Как зовут тебя, госпожа, и какого ты племени? — спросил Финн.

— О вождь фениев, зовут меня Ниам Златовласая. Я дочь короля Страны Вечной Юности.

Это значило, что она — фейри. Страна ее лежала далеко на западе, в океане, а отцом ее был бог морей Маннанн Мак Лер.

— Что привело тебя из-за моря, госпожа? — осведомился Финн.

— Я полюбила сына твоего Ойсина, — отвечала Ниам Златовласая и задержала на миг на Ойсине свой взгляд.

С сияющими глазами тот медленно подошел к всаднице. Сын фейри уже казался чужаком среди своих товарищей. Глаза Финна наполнились слезами, и он отвернулся.

— Приветствую тебя, юная принцесса, — сказал Ойсин, — и выбираю тебя, светлоликая.

Как только он дал согласие, Ниам связала его словом, наложив на него зарок. Ирландцы называли такой зарок «гейс», и его нельзя было нарушить. Гейс Ойсина состоял в том, что он должен был отправиться вместе с Ниам в Страну Юности. Там, сказала Ниам, деревья одновременно распускаются, цветут и плодоносят, и смерть не знает туда дороги. Там получит Ойсин золотую корону, все оружие величайших воинов и всю музыку мира. И даже все это не сравнится с другими ее уладами, о которых Ниам не стала подробно рассказывать.

Тут Ойсин поцеловал отца, стараясь не смотреть на его опечаленное лицо, и сел на белого коня за спиной Ниам.

— Уж больше я не увижу тебя, мой сын, — прошептал Финн.

Но Ойсин только прищипорил пятками коня и вместе с Ниам устремился прочь. Они скакали через весь Мюнстер до самого моря. Там конь ступил на каменистый берег, встряхнул гривой и смело устремился в море. Прямо по гребням волн поскакал он, в сверкающей под солнцем пене и брызгах. Он мчался быстрее, чем весенний ветер веет на горных вершинах. Все дальше по голубой равнине уносил он Ниам и Ойсина, и ирландский берег стал тоненькой линией на горизонте, а потом и вовсе исчез из виду.

Все быстрее, без усталости летел конь через море. Лишь однажды, у скалистого острова, на котором высилась высокая башня, он остановил свой бег.

— О муж мой, покажи мне свою храбрость! — молвила Ниам. — Сестра из моего племени томится здесь в плену у старика, потому что некому защитить ее.

В Стране Юности, где деревья цвели и плодоносили одновременно, время шло иначе, чем в землях смертных. Ойсина и Ниам встретили здесь с почетом.

Ойсин вызволил ее. Он погнал коня к скалам и спешил. Ниам удерживала у берега гарцующего на волнах коня, а Ойсин уже увидел врага. Уродливая человекоподобная тварь ползла к нему по камням, скаля в бешенстве зубы и плюясь желчью. Тварь бросилась на Ойсина. Воин сделал ложный выпад и отскочил, и снова тварь изготовилась к атаке, высматривая, как бы вцепиться Ойсину в глотку. Глаза ее мерцали хищным маслянистым блеском. Но тут Ойсин всадил меч в ее голый живот. С хрипом тварь опрокинулась на спину, забилась в судорогах и вдруг начала таять, растекаясь и впитываясь в камни.

Ниам позвала сестру своего племени, и на мгновение Ойсин увидел избавленную от фомора. Женщина подняла руку, пронеслась мимо него и побежала прямо по волнам. Она схватила клок пены, будто это были поводья колесницы, и волна подхватила ее. Ойсин никогда не узнал ни ее имени, ни почему та оказалась в плену. Ниам сказала только, что это старая история, и сегодня она наконец закончилась.

Освободив фейри, Ойсин подтвердил свое мужество. После этого он и Ниам поскакали в Страну Юности. Владыка морей встретил их на берегу и сотню тысяч раз приветствовал их. И Ойсин остался в этой богатой стране, где деревья цветут и плодоносят одновременно, а птичьи трели подобны перезвону колокольчиков. Вместе с женой они жили в роскоши. Трое детей родилось у них. Мальчиков Ойсин назвал Финн и Осгар — так же, как звали его отца и сына в родных краях. А девочку назвали просто Цветик, ибо она достойна была красоты своей матери.

Но в жилах Ойсина текла человеческая кровь. Нескончаемая череда дней, лет и тихих радостей Страны Юности вогнала его в тоску. Он мечтал о суровой жизни, которую знал прежде.

Он все стоял на берегу, глядя на восток, рассказывал Ниам о Финне и о том, как он мечтает снова увидеть свой дом.

Наконец опечаленная Ниам позволила ему взять белого коня и отправиться на поиски своего отца, товарищей и той земли, по которой он тоскует. Она предупредила его, что свой мир он найдет совсем не таким, каким запомнил его, но в пылу он почти не слушал ее. Она сказала, что стоит ему сойти с коня и ступить на землю, где правят людские обычаи, как он никогда больше не сможет вернуться в Страну Юности.

Ойсин оставил Ниам плачущей на берегу, как некогда оставил своего отца, и помчался на волшебном коне через море.

Даже берега Ирландии изменились. В глуши, где прежде лишь крепости высились на мысах и следили за морем, теперь повсюду виднелись хижины рыбацких деревушек. Только разрушенные стены отмечали места, где когда-то стояли могучие укрепления. Ойсин скакал на быстроногом коне по холмам и равнинам к твердыне своего отца на Алленском холме. Но меловой холм был гол. Не было высоких белоснежных валов, не видны были охотничьи команды, направлявшиеся по Лейнстерской дороге к заливным лугам. Вершина холма поросла травой, в которой валялось несколько камней. Все остальное, видимо, растащили и пустили на по-

Тоскуя по дому, Ойсин покинул Страну Юности. Но прошли столетия. Он узнал, что его народа больше нет, и ступив на землю Ирландии, могучий воин превратился в дряхлого старика.

стройку домов, что в беспорядке раскинулись у подножия холма.

Ойсин ехал среди этих домов. Обитатели их, бедные низкорослые люди, медленно отходили с грязной дороги, давая ему проехать, и стягивали шапки, заведя его, Золотого Ойсина, скачущего на белом лунном коне. Кулак его был размером с голову любого из них. За то время, пока он жил в Стране Юности, где время течет по-иному, люди измельчали.

Он проезжал мимо кучки людей, возившихся с каменной глыбой. Они тараторили, сустились и размахивали руками. Ойсин, хотя и был знатным человеком, вежливо приветствовал их и, поскольку он был силен, а они — слабы, свесился с седла, чтобы отодвинуть камень. Как только он сделал это, подпруга натянулась и лопнула. Ойсин упал, и тьма сомкнулась над ним.

Очнувшись, он увидел над собой небо. Он лежал на земле, и ему было холодно. Он слегка повернул голову, и под ней зашуршал песок. Чьи-то руки обняли его за плечи, чтобы помочь ему сесть. Каждое движение отдавалось болью в онемевших членах. Наклонив голову, он уставился на свои руки. Тонкие и узловатые, кожа словно бумажная, в коричневых пятнах. И растрескавшиеся желтые толстые ногти.

У его правого уха прозвучал голос, как будто издалека.

— Как вы, дедушка?

Ойсин обернулся и увидел молодую женщину. Она обеспокоенно смотрела на него, и в ее глазах он увидел свое отражение: седые волосы, тонкими прядями свисающие с голого черепа, отвисшие губы, ввалившиеся щеки.

Так Ойсин узнал свою судьбу. Крат-

кие годы, что провел он в стране своей матери, обернулись столетиями в краю его отца. Лишь белый конь Ниама — сам отчасти фейри — хранил его от всеразрушающего времени. Но стоило ноге его коснуться земли, по которой ходят люди, как его человеческая кровь возобладали и вернула его во время смертных.

Бедные крестьяне были добры к нему. Они выслушали его историю, которую он поведал им дребезжащим старческим голосом, и в свою очередь пересказали ему легенды, сложившиеся вокруг тех, кого он упомянул в своей повести. Они рассказали, как фении восстали против Верховного короля, как потеряли лучших своих людей в битве при Габара и как были рассеяны те, что не погибли. Поведали и о том, как дожди и ветры разрушили твердыню на Алленском холме.

Старый воин, чужой в родной стране, мог лишь плакать об этом. И он пел о своей юности, о трелях дроздов ранним утром, о том, как лают псы, когда их берут на охоту в сезон оленьих свадеб в холмах. Он пел о битвах, о воронье, что хрипло кричит, рея в небе над войском. Он перечислял поименно всех фениев и их подвиги, ибо они никогда не должны быть забыты.

А перед смертью Ойсин излил в песне свою печаль. Пронзительным был его плач, и люди запомнили последние слова воина древних времен.

— Я дрожащее дерево под ударами ветра, облетела моя листва. Я пустой орех, конь без узды, народ без земли. Я — Ойсин, Финнов сын... — так пел он. — Нет больше подвигов, нет больше игр веселых, нет воинов, что плещутся в вол-

нах — и тучи над моею головой нависли. У кого в целом мире такая судьба? Жалею я о том, что превратился в старика, — и тучи надо мной нависли. Я — последний из фениев, я — великий Ойсин, Финнов сын, слышу звон колокольный, — и тучи надо моею головой нависли.

Так Ойсин рассказывал о своей блестящей юности людям, забывшим истинное величие. Он был остатком поэтической эпохи в скучном прозаическом мире, последним шепотом времен, когда волшебство еще витало над землей. Плач Ойсина означал конец эпохи.

Конечно, истории о фейри, посещавших наш мир, рассказывали и после этого. Многие из таких историй всего лишь туманные свидетельства о случайных встречах, последнее дыхание ветров, дующих между мирами.

По-прежнему от таких связей рождались дети, но они уже не становились героями, славившимися подобно Ойсину, доблестью и поэтическим даром, вошедшими в них с кровью фейри. Мир фейри и волшебные силы теперь страшили людей, сыновья и дочери фейри казались странными, и люди смотрели на них с подозрением. Не удивительно, что родители таких детей старались скрыть их происхождение. Это было нелегким делом, потому что кровь фейри влекла таких детей в неведомые земли.

Об одном из таких детей рассказывают французы. Он жил через много столетий после того, как Ойсин покинул этот мир. Матерью его была королева Бретани, очаровательная женщина, которую скрывали в лесном дворце словно драгоценный камень. Для мужа и ее народа эта красота ровно ничего не стоила в сравнении с тем, что она была

бесплодна. После десяти лет брака у короля так и не было наследника.

Однажды утром она гуляла в саду, огражденном стенами. Сад был прекрасен: виноградная лоза вилась по камням, а вдоль стен росли груши и абрикосы. Хитроумный садовник устроил так, чтобы на них одновременно были и цветы, и плоды. Поскольку это противоречило естественному ходу вещей, привитые таким образом деревья иногда помогали проникнуть в иные миры. Возможно, королева знала об этом, прогуливаясь по дорожкам сада и плача о ребенке, которого у нее не было.

Конь негромко заржал у ворот сада. Она обернулась. Там, глядя на нее, стоял всадник — высокий юноша с сияющими волосами, перехваченными золотым обручем.

— Ты плачешь о ребенке, госпожа? — спросил он. — Так пойди же со мною к пределам моей страны, и я подарю тебе Ребенка, который станет солнцем этого дворца.

Не сказав ни слова, королева повзолила всаднику посадить ее перед собой на коня. Они проскакали через ворота и помчались к лесному озеру, что лежало недалеко от замка. По берегам оно сплошь заросло ивами и зеленой травой. Здесь, под деревьями, незнакомец соскочил с коня и заключил королеву в объятия.

Через несколько часов, когда начали ступаться сумерки, он сказал.

— Госпожа, земля моя лежит под лесом, и войти в нее можно через это озеро. Заметь хорошо это место, чтобы рассказать о нем моему сыну, когда он

В жилах человека, который никогда не спит, течет кровь фейри. Говорят, одним из таких был бретонский принц Тидорел. Открыв свою истинную природу, он воспламенился сердцем и отправился на поиски своего неведомого отца.

спросит тебя об этом, — и он поскакал прямо в озеро и исчез в его водах.

Королева больше никогда не видела незнакомого всадника. Она родила сына — отнюдь не от мужа — и нарекла его Тидорел. Он вырос стройным и красивым, и получил воспитание, подобающее королю. Он умел гладко говорить, обладал изящными манерами, отлично владел мечом и был лихим всадником. Но люди смотрели на него косо. Он не знал ни минуты покоя, и нрав его был таким же беспокойным, как и тело. Он был то светлым и мягким, то холодным и темным.

Тидорел никогда не спал, и чтобы развлечь его, королева приглашала в замок поэтов и сказителей. Иногда мать заглядывала в его покои глубокой ночью. Она видела, как сын стремительно ходит взад и вперед, горят, оплывая, свечи, товарищи его спят, а сказитель что-то монотонно бубнит.

Всю его юность, ночь за ночью, подсматривала за ним королева. Если Тидорел и знал об этих ее посещениях, то ничего не сказал ей. Впрочем, все эти годы он редко говорил с ней. Казалось, он ждет какого-то слова, знака — и однажды он дождался. Он услышал это от ювелира, которого королева попросила рассказать ему об основах своего ремесла.

— Не знаю я сказок, господин, — сказал ювелир, когда Тидорел потребовал потешить его какой-нибудь занимательной историей, — но вот что я знаю: у человека, который никогда не спит, отец не был простым смертным, — ювелир скрестил на груди руки и смотрел на Тидорела в дерзком молчании.

Как только королева услышала это, она бросилась из своего укрытия в свои покои и поспешно отослала придворных

дам. Через несколько мгновений ее сын уже стоял перед ней, дрожа от ярости.

— Ты слышала? — спросил Тидорел.

— Слышала, — ответила королева. — Человек правду сказал. Отец твой — король страны, что лежит под лесом.

— Почему ты мне не говорила?

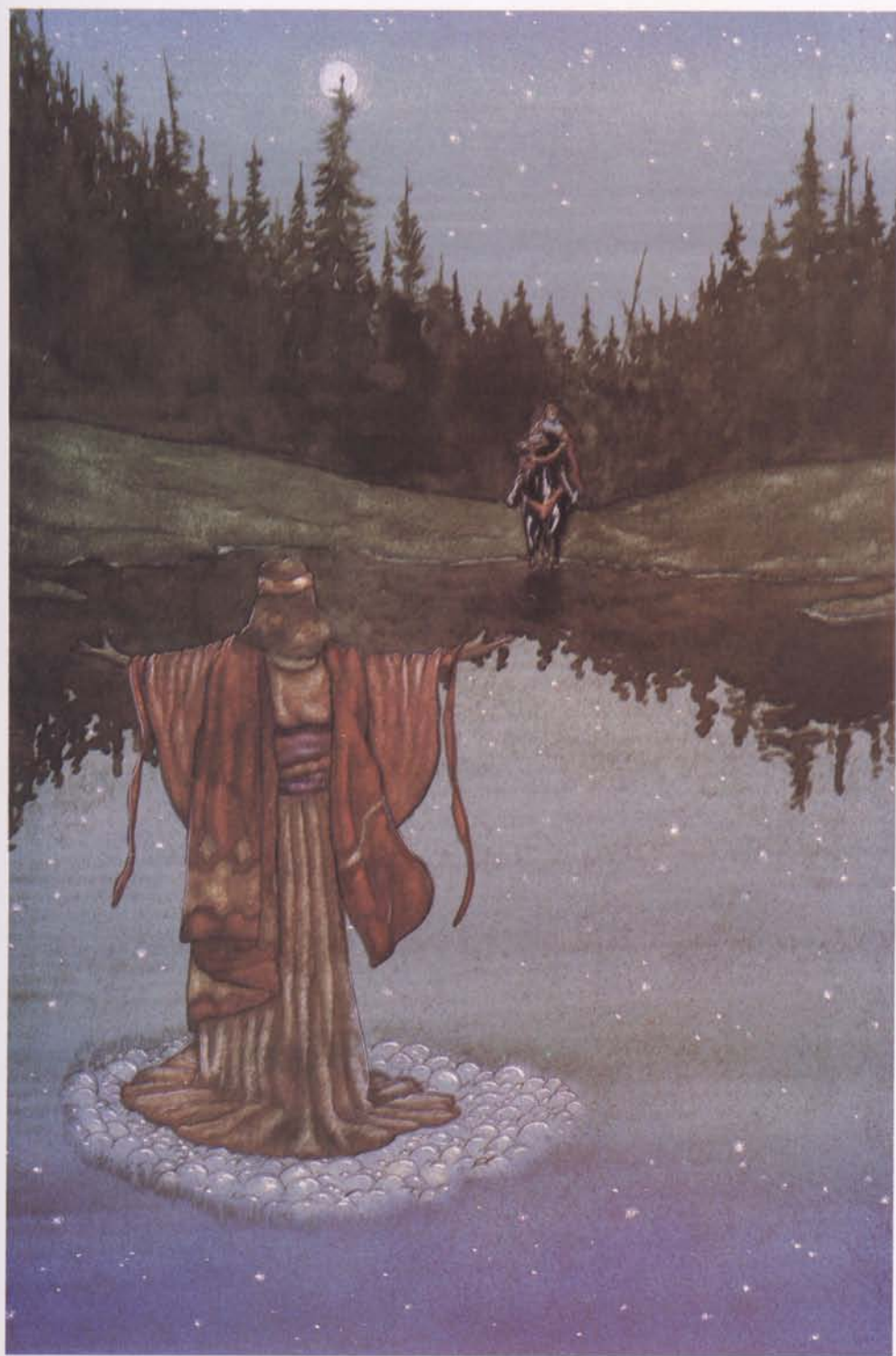
— Хотела сохранить тебя для себя, — объяснила королева и заплакала.

— Как мне отыскать страну моего отца? — спросил Тидорел, не обращая внимания на горе матери.

Она все рассказала ему. Без единого слова, даже не попрощавшись, Тидорел повернулся и вышел. Королева, миновав стражников, по длинному коридору тоже отправилась в конюшню. Когда Тидорел выехал из дворца, она следовала за ним, но он не удостоил ее и взглядом.

Увлекаемый неведомой силой, Тидорел ураганом мчался сквозь залитый лунным светом лес прямо к озеру, где открывались врата в мир, что лежит под лесом. Как только он ступил на берег, некто в золотой короне восстал из вод, простирая руки. Все так же молча Тидорел прищпорил коня и поскакал по озеру. Сверкающие брызги летели из-под подков его коня. Таинственный король взглянул на королеву, стоящую на берегу озера и еще выше воздел руки. Отец и сын скрылись в водах.

Так сын земной матери, вскормленный и воспитанный в мире людей, вернулся в отчий край, в мир фейри. Тидорела никогда больше не видели. Ворота закрылись. Людям старого мира больше не было места в новом мире.

Тидорел отыскал своего отца, и тот приветствовал его, восстав из вод лесного озера. Принц устремился в воду, и люди никогда больше не видели его.

ХОЗЯЙКА ФОНТАНА

«Три рыцаря были при дворе короля Артура, — сообщают барды Уэльса, — Кадор, князь Корнуолла, Ланселот Озерный и Овейн, сын Уриена. И отличались они тем, что не отступали ни перед копьем, ни перед стрелой, ни перед мечом». Рыцари были непоколебимо отважны и, как говорит сказание об Овейне, искали подвигов и в иных мирах — мирах, окруженных древними тайнами, где правили непостижимые законы.

Овейн пустился на поиски страны, о которой он слышал от своих товарищей по оружию. Как-то летом он отправился из двора Артура в Каэрлеоне на север. Много дней он странствовал по высоким горам и в конечном счете добрался до Пограничья. Неведомый лес расстилался вокруг на сколько хватало глаз. В этом лесу он отыскал замок, о котором рассказывали ему товарищи. Владелец замка принял его учтиво, устроив пир в его честь, а после указал тропу, ведущую в чашу леса.

В самом сердце леса древний бог, огромный, черный как ночь, высился на поляне, стоя на одной ноге. Он холодно встретил рыцаря. Его рогатая голова задевала ветви деревьев. По его зову все звери лесные сошлись на поляну и склонились к его ногам. Перед такой силой склонился и Овейн, а потом попросил лесного бога указать, где может он совершить подвиг — как будто быть в этом месте еще не было подвигом. В глазах бога мелькнула усмешка от такой самонадеянности. Но он ответил, и показал Овейну дорогу и рассказал, что рыцарь найдет там. И Овейн покинул его. По лесной тропе рыцарь вышел в озаренную солнцем долину. Одинокое дерево высилось там, широко простирая огромные ветви. А под этим деревом был каменный фонтан. На кромке

его лежала серебряная чаша, прикованная серебряной цепочкой. Овейн сдвинулся так, как велел ему лесной бог: склонился с коня, зачерпнул серебряной чашей воду из фонтана и вылил ее на землю.

Гром прошел по окрестным лесам. Потемнело небо. Грянула страшная буря. Ветер выл и яростно бил градом по щиту, которым Овейн прикрывал голову, и отскакивая, градины падали толстым слоем на траву, словно звезды. Конь и всадник молча выдержали шторм.

Буря стихла так же внезапно, как и началась. Листья с огромного дерева облетели, а над головой Овейна расселись по ветвям яркие птицы и запели песнь в честь проглянувшего солнца.

Но не было у Овейна времени, чтобы насладиться их пением: всадник неслся к нему по лесистому склону. Должно быть, это был страж фонтана — весь в черном, на вороном коне, и острие его копья смотрело Овейну прямо в сердце.

Овейн едва успел развернуть коня и изготавиться к бою, как противник обрушился на него. Они сшиблись с такой силой, что копья сломались, и воины полетели наземь. Они вскочили на ноги и обнажили мечи. Отступая и наступая, бились противники под

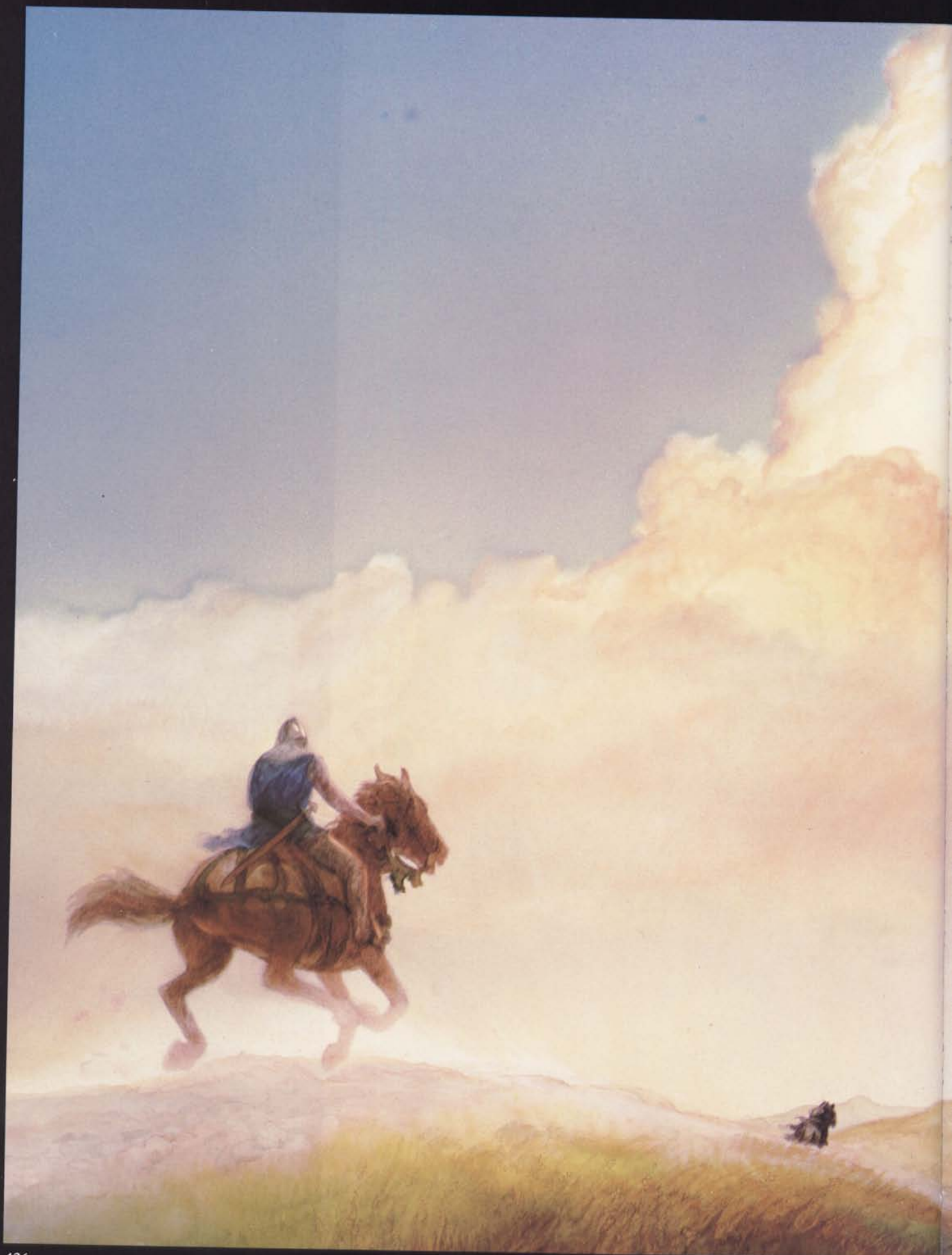

облетевшими ветвями огромного дерева, вздымая сильными умелыми руками широкие мечи. Схватка была долгой и жестокой, и они вымотались так, что с трудом поднимали оружие.

Победил Овейн. Соперник его открылся, и последним могучим ударом Овейн обрушил свой меч на шлем черного всадника. Шлем раскололся, брызнула алая кровь и оросила плечи. Со стоном тот повернулся, побрел к коню, спотыкаясь, и уехал прочь, качаясь в седле.

За те мгновения, пока Овейн садился на своего коня, соперник его успел скрыться в темном лесу, окаймлявшем долину. Овейн пустился в погоню. Он прорвался сквозь лес и увидел впереди вороного коня, уносившего раненого всадника по заливным лугам, выпуская стаи птиц. Конь стремился к высившемуся на холме городу со стенами и башнями. Городские ворота были открыты. Черный рыцарь и Овейн, подобранный уже близко, устремились к ним.

Всадник въехал в ворота, Овейн последовал за ним, но поздно — всадник уже исчез за воротами во внутренней стене. Овейн был уже в арке, когда решетки обоих ворот обрушились на землю. Пики внешней решетки пронзили его коня, и Овейн покатился на-земь.

Он был в ловушке на узкой полоске земли между двумя неприступными стенами. От внутренних ворот в город уводила улица, заполненная галдящими людьми. Сотни рук протянулись, чтобы помочь черному рыцарю сойти с коня. Овейн прислонился к каменной стене и смотрел сквозь прутья решетки.

А с другой стороны на него смотрела красивая девушка в белых одеждах.

— Это ты ранил Хранителя? — спросила она нежнейшим голосом.

— Это так, — отвечал Овейн, — если черный рыцарь и есть Хранитель.

— Люди сейчас примутся за тебя. Возьми это кольцо и прижми его к камню. Это скроет тебя от них. Как только они поднимут решетку, подойди ко мне к вон той конюшне, положи мне руку на плечо, чтобы я знала, что ты здесь, и я отведу тебя в безопасное место.

— Госпожа, почему ты делаешь это?

— Убийца Хранителя становится новым Хранителем. Я отведу тебя во дворец черного рыцаря к Хозяйке фонтана — суп-

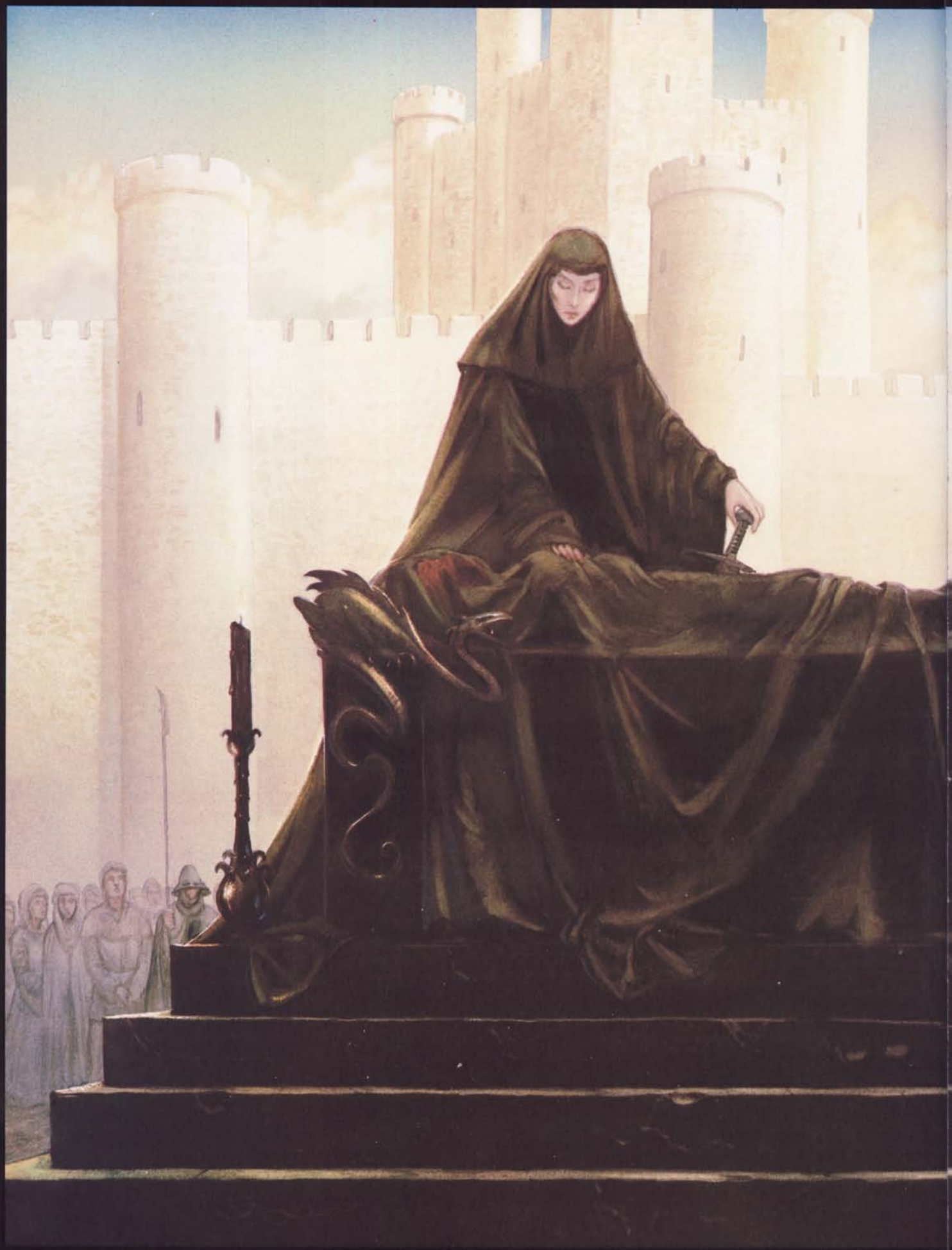

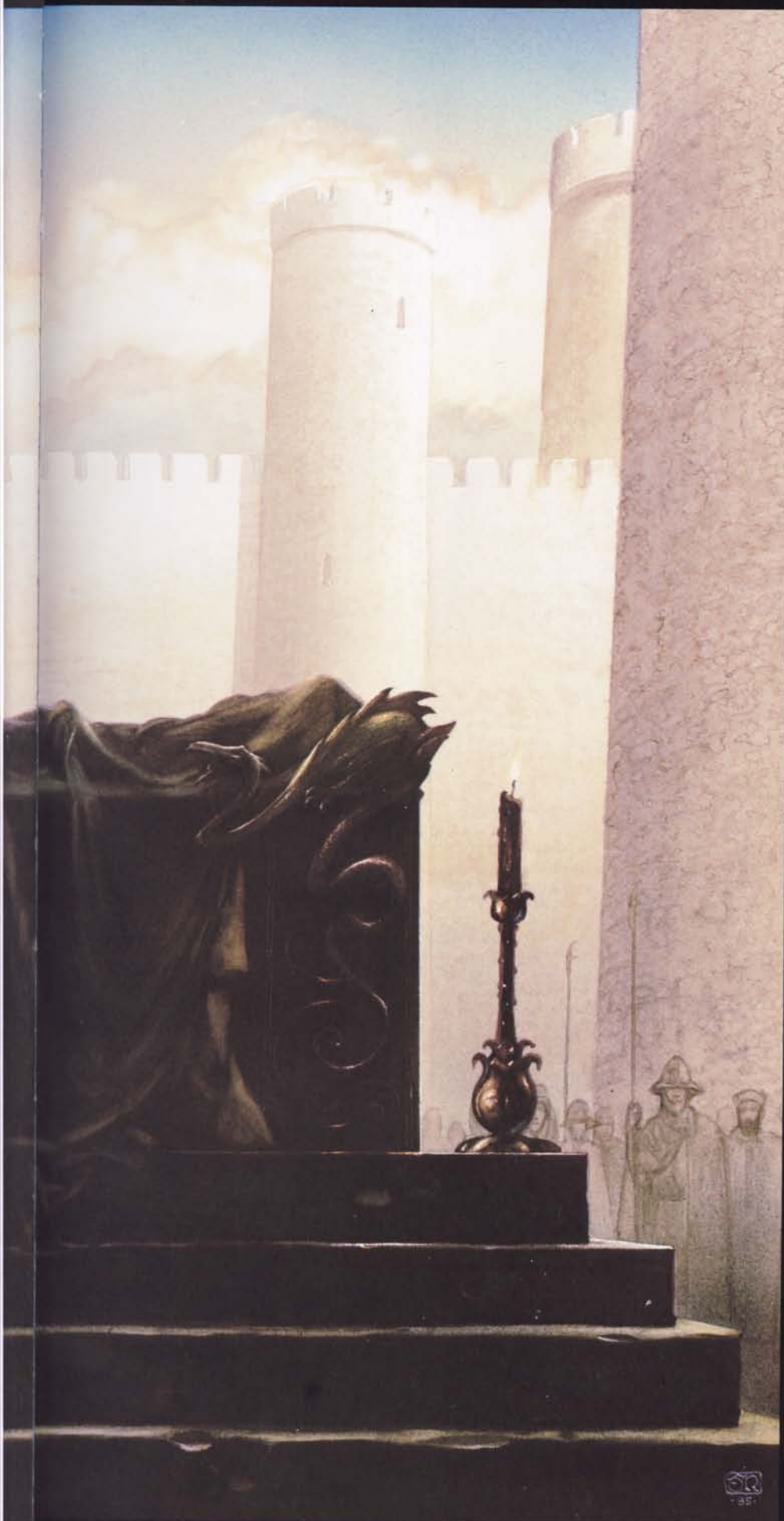

руге Хранителя. Я служу ей, меня зовут Линет.

Все вышло так, как сказала Линет. Толпа бросилась к воротам, где у поверженного коня стоял Овейн. С криками они подняли решетку и ворвались внутрь. Но они не увидели его, ибо он был под защитой кольца. Он пробрался сквозь толпу к конюшне, где его ждала Линет, и легко коснулся ее плеча. Без всякого удивления она повела его через город во дворец, что высился в центре города. По винтовой лестнице они поднялись в башню.

Покои, где Овейн нашел убежище, были роскошными: обильно украшенными золотом, резьбой и тонкими тканями. Овейн искупался в бронзовой ванне у камина, а потом Линет подала ему еду на серебряных блюдах. Она оставила его в одиночестве, но время от времени возвращалась, чтобы объяснить ему, что значат звуки, доносившиеся до него из города. Сначала великий плач сообщил о том, что Хранитель умер, потом причитания говорили о том, что он положен в гроб и его несут во дворец. Из окна Овейн видел поющих священников, застывших, как статуи, дам и кавалеров, трубачей с золотыми рогами, а в середине толпы — гроб. Вокруг горели восковые свечи, и пламя их бросало отсвет на золотые волосы прекрасной дамы. Она была бледна, и плач ее был громче, чем звуки труб.

— Это Хозяйка фонтана, — шепнула Линет ему на ухо. — Вчера ты убил ее мужа, и ее мужем теперь должен стать. Я отведу тебя к ней, когда придет время.

Два дня и две ночи, пока продолжались погребальные обряды, а вдова предавалась скорби, Овейн ждал в своих покоях. Линет служила ему. На третий день она отвела его к своей госпоже.

Но Хозяйка отвернулась и не протянула руку, чтобы помочь ему подняться с колен.

— Вот человек, забравший жизнь моего мужа, — сказала она.

Девушку, казалось, не обеспокоили слова ее госпожи.

— Что же в том дурного? Он бился лучше, чем Хранитель. Время твоего мужа прошло. Будет нам новый Хранитель, а тебе — новый муж.

Все так и получилось. Хозяйка фонтана созвала лордов и баронов и объявила им, что прибыл новый Хранитель и они признали Овейна, ведь безопасность их зависела от фонтана. Поэтому они с воодушевлением

фонтана. Поэтому они с воодушевлением приветствовали завоевателя.

Три года оставался Овейн с дамой, копьем и мечом защищая фонтан, хранивший тайну процветания этой земли. По словам летописца, «какие бы рыцари ни приходили туда, Овейн одолевал их, и брал с них выкуп, надевая этими богатствами баронов и рыцарей, и никого в мире не любили так, как любили его».

Он был Хранителем народа и супругом Хозяйки, и жизнь его была достойной. А образы его мира — короля Артура, Ланселота, Гавейна и других его спутников — стали меркнуть в памяти.

Но его собственный мир снова призвал рыцаря.

Настал день, когда Овейн, как обычно, устремился из города, заслышав удар грома, возвещавший, что кто-то пришел к фонтану. Как и его предшественник, Овейн мчался по полям и через лес в долину, где был фонтан. Там его поджидал рыцарь. Овейн легко сбил его с коня, но тот был не один. В окрестностях колодца был разбит роскошный лагерь, пестревший разноцветными шелками и расцветавший знаменами. Раненый рыцарь удалился в этот лагерь, и его товарищи немедленно бросили вызов победителю.

Поэтому на следующий день Овейну пришлось сражаться с другим рыцарем, а потом — еще с одним. Наконец против него выступил достойный соперник. Они сражались весь день до вечера. Пришлось зажечь факелы. В сумерках, когда они уже изнемогали от усталости, Овейну удалось сбить шлем с головы противника. В свете факелов он узнал своего кузена, Гавейна Оркнейского.

Овейн опустил меч, приветствуя своего брата, и провозгласил его победителем. Так рыцари Круглого стола встретились вновь. Вместе с королем Артуром поскакали они в город Хозяйки фонтана и умоляли ее отпустить с ними Овейна хотя бы на три месяца, чтобы смог он побывать в родных краях. Хозяйка согласилась, но, говорит летописец, «на сердце у нее было тяжело».

Овейн задержался в родных краях не на три месяца, а на три года, потому что как только оказался он снова с рыцарями короля Артура и среди сородичей, он тут же забыл Хозяйку. Он мог бы навсегда остаться с ними, если бы однажды незнакомая всадница не въехала в замок Артура. Она назвала Овейна предателем, обманувшим ее госпожу. А потом исчезла.

Некоторые говорят, что этот визит вернул Овейну память об ином мире, и он сошел с ума от угрызений совести. Как бы то ни было, он покинул двор Артура и бродил в пустынных горах, скитаясь словно призрак. Сам дикий, он жил среди диких зверей. Спасла его знатная дама, имя которой забылось. Она взяла Овейна в свое поместье и исцелила его. И он отправился в одиночестве, но на коне и с оружием, искать хозяйку страны, Хранителем которой он был прежде.

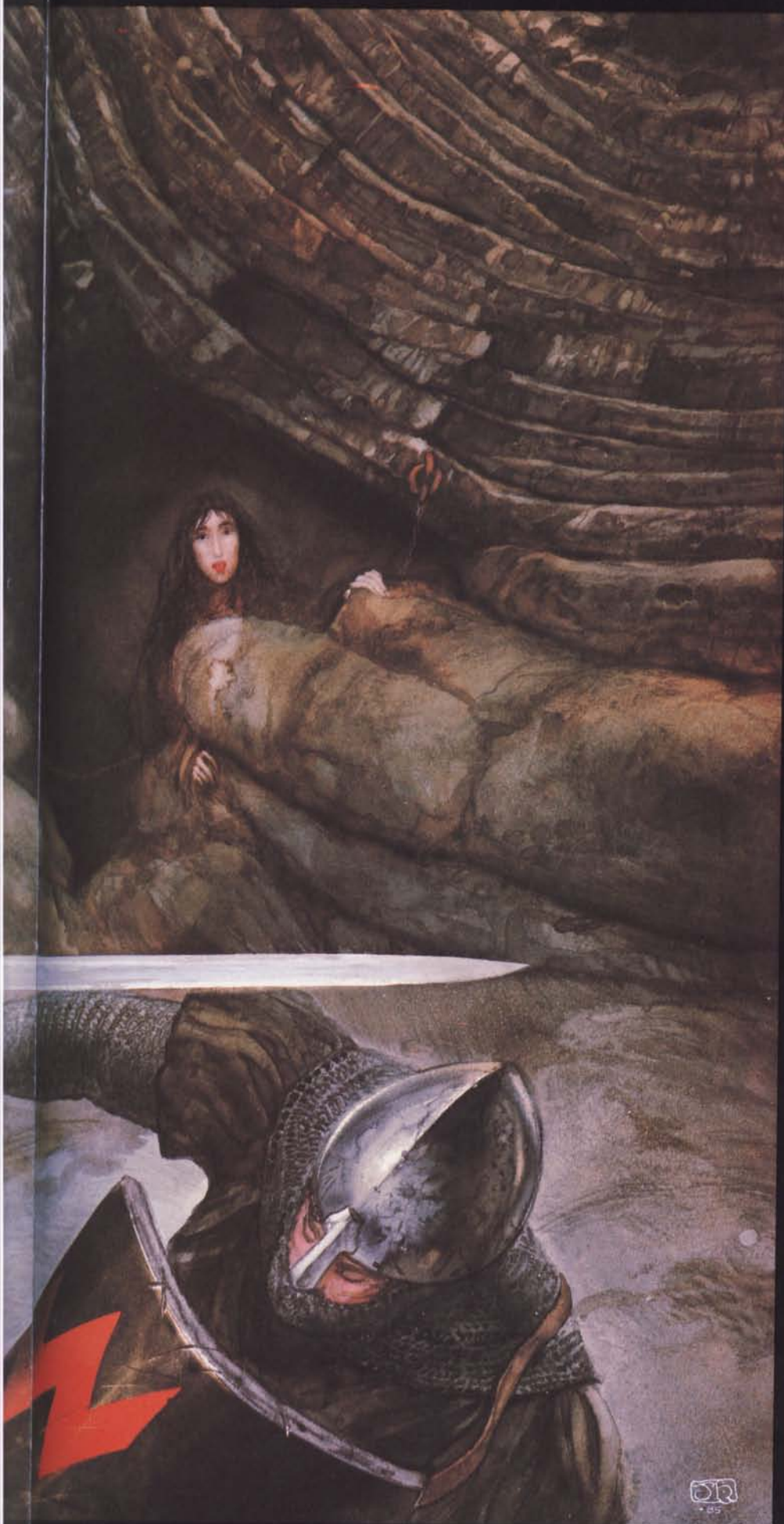
Но границы между мирами изменчивы, а дикие края обширны. Долгие дни и ночи странствовал Овейн в одиночестве, пока не отыскал верный путь. Помог ему в этом лев.

Вот как это случилось. Раз Овейн шел лесом и вел коня под уздцы, чтобы дать ему отдохнуть. Вдруг он услышал в зарослях хриплый кашель и ворчание. Он пробился сквозь чащу и увидел льва, белого, как снег. Зверь ошетинился от страха, припав к земле у каменной глыбы. Лев был недвижим, завороченный зеленым взглядом змеи, изготвившейся ужалить.

Овейн не раздумывал. Несколькими ударами меча он превратил змею в корчащиеся обрубки. Белый лев склонил голову в знак благодарности. И когда Овейн выбрался из зарослей, он увидел, что лев следует за ним. И так они путешествовали весь день. Когда спустилась ночь, Овейн остановился на ночлег на лесной поляне. Лев исчез и вернулся с убитой косулей. Овейн развел костер и, устроившись у огня, освежевал косулю, бросая льву куски мяса. И тут он услышал стон, а потом другой. Казалось, он шел прямо из камня. А камень закрывал вход в пещеру.

— Кто лежит в холодной земле? — возгласил Овейн.

Конь его никак не реагировал на происходящее, а лев внимательно наблюдал.

— Линет заточена здесь, — пришел ответ из скалы.

У рыцаря дыхание перехватило. Должно быть, уже близко, подумал он.

— За что заточили тебя здесь?

— Я привела госпоже моей мужа и Хранителя фонтана, оберегающего нашу землю. Этот Хранитель покинул нас прежде назначенного часа. Три года, как его нет, и люди говорят, что это моя вина. За это я и лежу здесь во тьме, пока не явятся воины, чтобы сжечь меня, — голос истаял в тишине.

— Я встречу их, — сказал Овейн.

И когда пришли воины, чтобы забрать Линет из темницы, он уже был наготове; верхом, обнажив меч и прикрыв грудь щитом. Мужчины заметили его и бросили ему вызов. Он отвечал им тем же, и завязалась схватка.

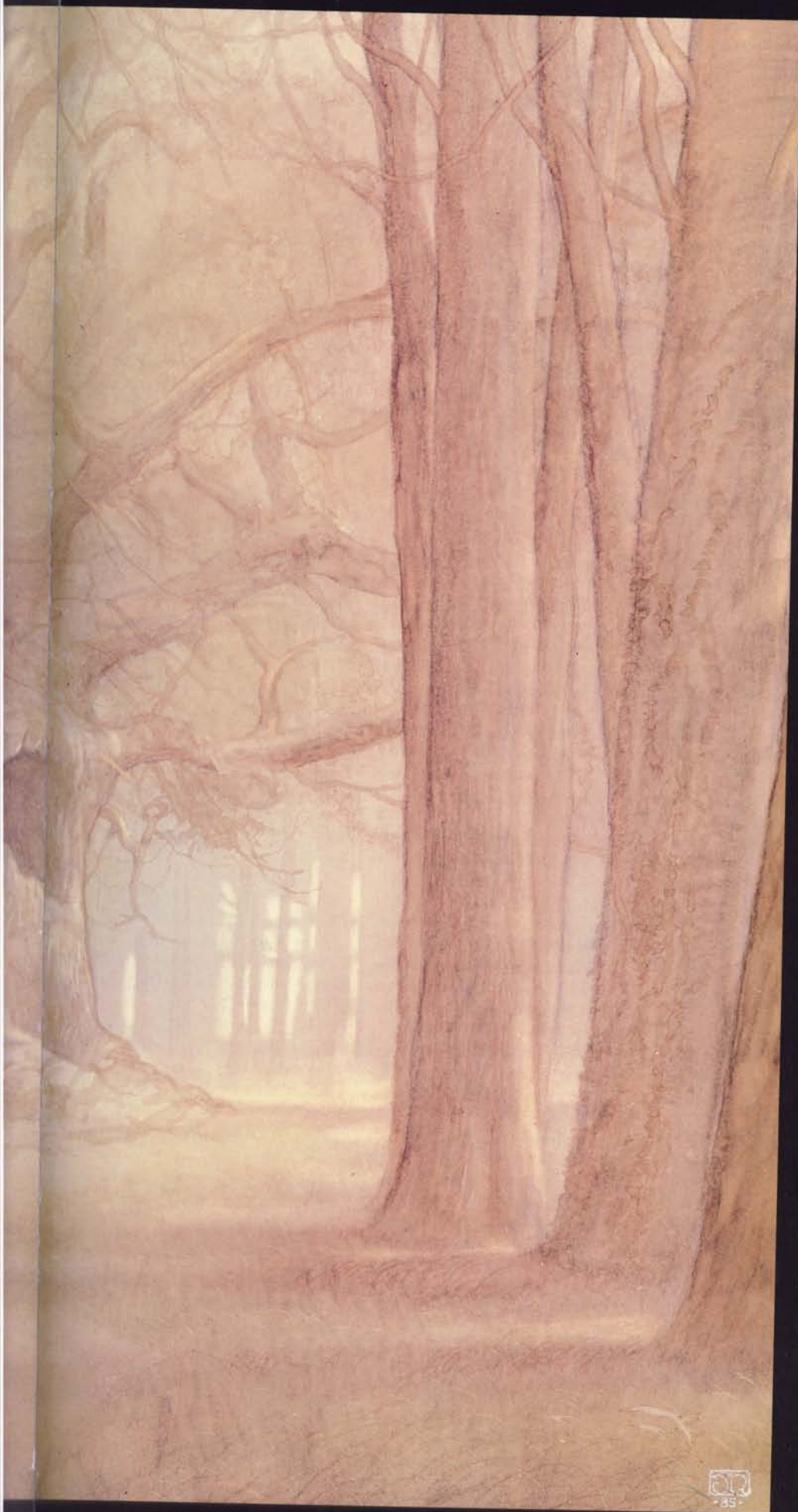
После долгих лет странствий Овейн оказался слабее, чем ожидал. Первым же ударом копья его выбили из седла и вместе обрушились на него, пока он медленно поднимался на ноги. Но в этот момент белый лев с ревом перескочил через голову Овейна и бросился на воинов. Своим огромным весом он прижал их к земле, саблевыми клыками разорвав им глотки. Через мгновение зверь уже терзал воинов, и его белоснежная грива окрасилась в алый цвет. Он не обращал внимания ни на Овейна, ни на освобожденную Линет.

Потом Овейн и Линет вместе поскакали к Хозяйке фонтана. Она встретила их с радостью и без упреков, ибо по закону, непонятному смертным, нить ее жизни сплелась с его нитью.

Хранитель и Хозяйка провели вместе несколько недель. И однажды, когда они стояли под деревом у того самого фонтана, Хозяйка сказала Овейну, что он не может оставаться в ее мире, потому что он — смертный, и всегда будет стремиться в свой мир.

— Так давай уйдем вместе, — сказал Овейн. — Твоя жизнь теперь связана с моей. Пусть будет у фонтана другая хозяйка и другой хранитель.

Дама согласилась. Она покинула свой мир и уехала с Овейном. Говорят, что она прожила с ним при дворе короля Артура до конца своей жизни.

О том, что стало с ее страной, история не говорит ничего. После того как Хозяйка покинула ее, словно завеса опустилась над этим местом. Никогда больше не видели его глаза смертных. Но может быть, оно все еще процветает, укрытое от времени и от перемен, может быть, фонтан все еще бьет, а рыцарь вечно хранит его и служит женщине-правительнице страны фейри.

УДК 82/89
ББК 84(0)
В69

Перевод с английского
П. ДЕЙНИЧЕНКО

Волшебные страны

Редактор Н. МОРДВИНЦЕВА

Художественный редактор И. МАРЕВ

Технический редактор Н. ПРИВЕЗЕНЦЕВА

Корректор Л. ЧУЛАНОВА

ЛР № 030129 от 23.10.96 г. Подписано
в печать 05.06.98 г. Гарнитура Академическая.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,23. Цена 74 р.
Цена для членов клуба 33 р.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Волшебные страны / Пер. с англ. П. Дейниченко. — М.: ТЕРРА—Книж-
ный клуб, 1998. — 144 с.: ил. — (Зачарованный мир).

ISBN 5-300-01938-0

В книге собраны легенды и предания, рассказывающие о волшебных странах, о путешествиях в таинственные миры, непохожие на мир смертных. Это и заоблачные царства, и подземные, и морские, и загробные. О людях, попадавших туда, и о жителях неведомых человеку земель повествует книга «Волшебные страны».

УДК 82/89
ББК 84(0)

ISBN 5-300-01938-0

Authorized Russian language edition © 1998,
TERRA—Book Club. Original edition © 1986,
Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner Inc.

Перевод на русский язык. © 1998, ТЕРРА—
Книжный клуб. Оригинальное издание © 1986,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или ил-
люстраций любым механическим или электронным
способом, включая информационные базы данных
и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time
Warner Inc.